

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ
ДО И ПОСЛЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-х – КОНЕЦ 1940-х ГОДОВ)**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

6–8 апреля 2021 г.

Москва 2021

УДК 902/904
ББК 63.4
С56

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор:
к.и.н. И.А. Сорокина

Рецензенты:
д.и.н. А.А. Масленников
д.и.н. Ш.Н. Амиров

С56 Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: Институт археологии РАН. 2021. – 84 с.

ISBN 978-5-94375-3338-1

Настоящее издание представляет собой сборник материалов, подготовленных к Международной научной конференции «Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов)», (Москва, 6–8 апреля 2021 г.). В статьях представлены материалы отражающие процессы, происходившие в советской археологической науке в это грозное время, деятельность учреждений археологического профиля в столицах и провинции, а также роль отдельных исследователей – профессионалов-археологов и краеведов – в развитии полевой археологии и археологического знания в целом.

Сборник представляет интерес для археологов, историков, краеведов и для всех, кто интересуется историей отечественной науки.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-338-1

DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2021

© Авторы докладов (фамилии выделены в содержании), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Акимченков В.В. Крымская археология второй половины 1930-х годов в свете социалистической модернизации народного хозяйства СССР	7
Акинъшин А.Н., Захарова Е.Ю. Николай Васильевич Валукинский (1886–1950): музейный деятель, краевед, археолог	8
Белозёрова И.В. Деятельность А.Я. Брюсова в 1930–1940-е годы (по материалам ОПИ ГИМ)	11
Бессуднов А.Н. Краеведческо-археологическая и музейная деятельность П.Н. Черменского в Центральном Черноземье (конец 1930-х –1940-е годы)	13
Бойко А.Л., Толочко И.В. «Перевернулась земля подобно гончарному кругу»: донская археология в 1933–1950 годах	15
Вайтович А.В. Археология в Белорусском государственном университете в военные и первые послевоенные годы	18
Вдовин А.С., Макаров Н.П. Археология в Красноярском музее: 1940 год.	19
Гайдуков П.Г., Кудрявцев А.А. Артемий Владимирович Арциховский в годы Великой Отечественной войны (по материалам переписки с коллегами и друзьями).	21
Галкин Т.О. «Она по специальности археологичка»: работы А.В. Дмитриевской в 30-е – 40-е годы XX века	23
Ганенок В.Ю. Константин Эдуардович Гриневич в Томском государственном университете (1940–1948)	24
Евгеньев А.А. Взаимодействие центральных и региональных учреждений в изучении археологии в Оренбургской (Чкаловской) области (1930-е годы).	26
Жукова Е.Н. Археологические исследования в Калининской области в 1930-е годы	28
Зоря Р.С. К биографии ученого: деятельность Н.Ф. Калинина во 2-й половине 1930-х – конце 1940-х годов	30
Канторович А.Р. Базовый курс по археологии А.В. Арциховского на историческом факультете МГУ: первые годы чтения	32
Китова Л.Ю. Сибирская археология до и после Великой Отечественной войны .	34
Кузьминых С.В., Серых Д.В. Всесоюзное археологическое совещание 1945 г. как ключевой фактор послевоенного развития советской археологии	36
Кызласов И.Л. К становлению городской археологии Южной Сибири. Послевоенная база в профессиональном развитии археолога-фронтовика	37
Левченко В.В. Деятельность археологических институций в Одессе в 1934–1941 годах	39
Малов Н.М. Археология в Нижнем Поволжье: государственные учреждения 1930–1940-х годов	41

Медведева М.В. Подготовка национальных кадров в ГАИМК: судьба аспиранта А.Х. Маргуланова	43
Мельникова О.М. От «камско-уральской бригады» в ИИМК АН СССР к широкомасштабным археологическим исследованиям на Урале	44
Мирзаев Дж.З. Термезская комплексная археологическая экспедиция (1936–1938 годы)	47
Непомнящий А.А. Работы по подготовке археологической карты Южного берега Крыма (1935–1936)	49
Палиенко С.В. Хозяйственно-бытовые проблемы ИА АН УССР в первые послевоенные годы и их решение (по материалам ежегодных отчетов)	51
Панкратова Е.Г. Утраченные письма из фонда Н.Я. Марра в составе СПбФ АРАН: к истории государственного учета архивных материалов «врагов народа» (1936–1939 годы)	53
Платонова Н.И. Владислав Иосифович Равдоникас накануне и после войны (откуда пошел День Археолога)	54
Руденко К.А. Археология и археологи в ТАССР в 1938–1949 годах	57
Савенко С.Н. Спасение и изучение памятников древности и средневековья города Моздока как отражение практики археологических исследований 1930-х годов на Северном Кавказе	58
Сорокина И.А. Организация и регламентация полевых исследований в предвоенный период	61
Тихонов И.Л. О репрессиях в ГАИМК	63
Ткачёв А.Н. Археология в Краснодарском историко-краеведческом музее в первые послевоенные годы	66
Тункина И.В. Академические архивисты в годы блокады Ленинграда	67
Щавелёв С.П. Пётр Николаевич Черменский: археология между ОГПУ и гестапо.	70
Юрецкий С.С. Восстановление исследований по археологии в Институте истории АН БССР (1944–1945 годы)	72
Юрочкин В.Ю. «Охотник за черепами»: об одной американской аванюре на Эски-Кермене в 1933 году	74
Список сокращений	76
Сведения об авторах	79

ВВЕДЕНИЕ

История отечественной археологии в последние десятилетия привлекает к себе все больший интерес, прежде всего, в среде профессиональных археологов. Она стала самостоятельной субдисциплиной, обозначились направления: история исследований, идей, институций, роль персоналий и др. Большую роль в этом играют архивные изыскания – неисчерпаемый источник информации о всех периодах развития нашей науки. Важно и интересно то, что историки археологии обращаются как к фондам крупных центральных или ведомственных архивов, так и местным документальным собраниям: архивам субъектов Федерации, документальным собраниям музеев, архивам учебных и научных учреждений. Архивные материалы не только дают новые данные о тех или иных явлениях в науке, но и позволяют пересмотреть или уточнить ранее сложившиеся представления, изложенные в археолого-историографических трудах, разделах специальной и учебной литературы.

Проблемами истории археологии занимается уже довольно большой отряд исследователей из крупных центров академической и университетской науки. К нему постоянно присоединяются новые члены как из России, так и из стран ближнего зарубежья. Многие находятся в дистанционном контакте благодаря современным средствам связи. Но это не отменяет потребности встреч, личного общения и общих дискуссий для обсуждения роли истории археологии и ее отдельных проблем. Такое общение оказалось возможным не только благодаря включению секции «История археологии» в программы возрожденных археологических съездов (Новосибирск, 2006; Суздаль, 2008; Старая Русса, 2011; Казань, 2014; Барнаул, 2017), но и проведению серии тематических научных конференций, посвященных юбилеям крупнейших представителей отечественной археологии.

В феврале 2013 г. Отдел теории и методики Института археологии РАН организовал Круглый стол «История археологической науки для настоящего и будущего», получивший высокую оценку докладчиков и слушателей. В его работе приняли участие специалисты из ведущих научных институтов, музеев и вузов России и Украины (Очерки, 2015). В резолюции, принятой по итогам работы Круглого стола, участники единодушно отметили необходимость регулярных подобных контактов для повышения эффективности исследований, обмена опытом и информацией, распространения знаний об истоках и развитии российской археологии в разные исторические периоды. Проведенная в 2015 г. конференция «Ученые и идеи: страницы истории археологического знания» продолжила наметившуюся традицию проведения в Институте археологии РАН специализированных форумов, посвященных истории археологии (Ученые..., 2015). В 2017 г. там же прошла конференция, посвященная обсуждению роли и последствий двух революций 1917 г. для развития российской археологии в целом и того, как встретила российская археологическая общественность революционные дни 1917 г. Прозвучавшие доклады в краткой форме отображены в вышедших материалах конференции (1917 год..., 2017). Конференция «У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях» состоялась в 2019 г. и была посвящена новым реалиям – началу уже советской археологии (У истоков..., 2019). Для обсуждения был избран период с 1917 г. по середину 1930-х гг. Были представлены материалы, характеризующие формирование нового научного подхода к теоретическим исследованиям в археологии, работу археологов в регионах, сложные взаимоотношения представителей археологической науки и советской власти, процесс развития полевой археологии, меры по охране археологического наследия в этот период, новые тенденции в археологическом образовании, музейной деятельности.

Для обсуждения на настоящей конференции, проводимой Отделом теории и методики ИА РАН в 2021 г., выбран следующий период развития советской археологии: середина 1930-х – конец 1940-х гг. Тематика докладов разнообразна: деятельность центральных и провинциальных археологических институций во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. (музеи, учебные и научные учреждения); особенности организации

археологической науки до и после Великой Отечественной войны в центре и на местах; общественные организации и их роль в развитии археологии в довоенный и послевоенный периоды; археология и архивы в условиях военного времени; планы развития археологической науки и практики на период послевоенного восстановления страны и их реализация (середина – конец 1940-х гг.); представление архивных фондов; анализ переписки как исторического источника; роль ученых и краеведов в развитии археологического знания. Особое внимание уделяется влиянию Великой Отечественной войны на дальнейшее развитие археологической науки. Не обойдены молчанием трагические события, затронувшие многих российских ученых в предвоенное десятилетия и последующие годы: репрессии и тяготы военного времени, человеческие и материальные потери. Отмечен героизм археологов, защищавших Родину на фронте и самоотверженно трудившихся в тылу.

В сборнике представлены тезисы 35 докладов ученых из российских академических, музейных и университетских учреждений: Воронежа, Ижевска, Липецка, Казани, Кемерово, Красноярска, Курска, Москвы и Подмосковья, Новосибирска, Оренбурга, Пятигорска, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Саратова, Симферополя, Твери. В числе участников конференции также коллеги из Беларуси, Узбекистана, Украины.

Тезисы публикуются в алфавитном порядке согласно фамилиям авторов. Надеемся, что конференция и ее материалы вызовут интерес археологов, историков, архивистов, музейщиков и будут способствовать дальнейшему развитию нашей субдисциплины – истории археологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1917 год..., 2017. 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. 92 с.

Очерки..., 2015. Очерки истории отечественной археологии / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина / сост. С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов, И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. 266 с.

У истоков..., 2019. У истоков советской археологии: организация и учреждения археологического профиля в новых реалиях / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. 62 с.

Ученые..., 2015. Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы международной научной конференции / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина / сост. С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов, И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. 71 с.

**Д.С. Коробов,
И.А. Сорокина**
(Москва)

КРЫМСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг. В СВЕТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Сегодня взгляды исследователей прикованы к оживленному археологическому изучению крымских древностей, мощным импульсом для которых послужило строительство новых инфраструктурных объектов на полуострове (Крымский мост, автотрасса «Таврида» и др.). Подобное оживление наблюдалось в регионе и во второй половине 30-х гг. XX в. В данный период полным ходом шла социалистическая модернизация народного хозяйства в СССР. Довоенные пятилетки на территории Крымской АССР ознаменовались бурным промышленным строительством. Показательным в этом плане является процесс создания на Керченском полуострове новых предприятий, строительство которых предало больший масштаб проводимым в регионе археологическим экспедициям. Перед тем как начать строительство новых промышленных гигантов, на данной местности Государственной академией истории материальной культуры им. Н.Я. Марра, при активном участии Керченского историко-археологического музея им. А.С. Пушкина, были проведены соответствующие изыскания (Марти, 1938. С. 4.).

Так, строительство новых мощностей для Керченского металлургического завода им. П.Л. Войкова и Камыш-Бурунского железорудного комбината им. Серго Орджоникидзе сопровождалось археологическими раскопками на территории ранее малоизученного городища Мирмекий, а также Тиритака (Дия), начатыми еще в 1932 г. Последовавшие с 1934 г. ежегодные экспедиции открыли перед исследователями истинный масштаб городищ, входивших в состав Боспорского царства, а стратиграфия культурных наслоений и находки позволили сделать вывод о социальном строе и основных отраслях хозяйственной деятельности, а также уточнить время появления поселений. В 1934 г. на территории Тиритаки Боспорской экспедицией под руководством научного сотрудника ГАИМК Л.М. Славина были открыты древние рыбозасолочные предприятия и гончарные мастерские. Также были изучены опоясывающие городище оборонительные стены с башнями и установлено, что время наивысшего расцвета Тиритаки относилось к IV–III вв. до н. э. Уникальной являлась находка двух каменных баб, которые были датированы началом I тыс. до н. э. Не менее ценные результаты дали раскопки городища Мирмекий, произведенные в апреле 1934 г. близ рабочего поселка «Самострой» Керченского металлургического завода им. П.Л. Войкова. В ходе экспедиции были обнаружены остатки городских стен и винодельня эллинской эпохи (Археологические исследования..., 1941. С. 260–265).

16 июля 1937 г. на Камыш-Бурунском железорудном комбинате им. Серго Орджоникидзе, корпуса которого располагались в границах городища Тиритака, при рытье ямы для нового телеграфного столба был обнаружен известковый склеп конца IV в. до н. э. Захоронение содержало человеческие останки, кувшин для вина, кубок и флаконы для ароматических масел. Изучением объекта занялся научный сотрудник Керченского историко-археологического музея им. А.С. Пушкина Н.П. Кивокурцев.

В 1937–1939 гг. раскопки получили еще больший размах. Одновременно производились работы по обе стороны Керченского пролива. Боспорская экспедиция ИИМК им. Н.Я. Марра и Керченский историко-археологический музей им. А. С. Пушкина продолжили изучение Тиритаки. Участниками экспедиции являлись как известные столичные археологи (В.Ф. Гайдукевич, Е.Г. Кастанаян, О.Э. Ланговая, С.М. Шмерлинг, Р.В. Шмидт, Л.П. Харко и др.), так и крымские исследователи (В.И. Деренкин, Н.П. Кивокурцев, А.Ю. и Ю.Ю. Марти). В свою очередь в Нимфее начала работу археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. На Таманском полуострове – в районе Фанагории и Гермонассы – работала Боспорская экспедиция совместно с Таманским музеем (Гайдукевич, 1937. С. 216–217).

Во второй половине 30-х гг. XX в. предпринимались попытки применить знания, получаемые в ходе археологических исследований, при строительстве индустриальных гигантов третьей пятилетки. Так, в 1939 г. в Государственный Херсонесский историко-археологический музей прибыл сотрудник центральной бетонной лаборатории строительства Куйбышевского гидроузла на Волге инженер И.М. Овадовский. Совместно с научным сотрудником музея С.Ф. Стржелецким он произвел на территории городища отбор 18 известковых растворов, пород пяти разновидностей и четырех проб заливок древних водопроводных труб. Собранные материалы были направлены в лабораторию для определения прочности и сопротивляемости строительных материалов и скрепляющих веществ, используемых в древнем Херсонесе. Полученные таким способом данные планировали применить для предания большей устойчивости скрепляющим материалам для плотин, зданий и других сооружений Куйбышевского гидроузла.

Таким образом, строительство новым промышленным объектам, разворачивавшееся в Крыму во второй половине 30-х гг. XX в. интенсифицировало процесс археологического изучения местных древностей. Существенно возрос интерес к прошлому региона как у профессиональных историков и археологов, так и у жителей полуострова. Примером может служить создание при Камыш-Бурунском железорудном комбинате им. Серго Орджоникидзе музея, в экспозицию которого были помещены фотоотчеты раскопок Тиритаки во второй половине 30-х гг. XX в. Территории же изучаемых городищ во время экспедиций регулярно посещали организованные группы керченских рабочих и школьников.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические исследования..., 1941. Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг.: Краткие отчеты и сведения / Под ред. В.В. Гольмстен. М.-Л.: ИИМК им. Н.Я. Марра. 328 с.

Гайдукевич В.Ф., 1937. Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове: по раскопкам 1932–1936 гг. // Вестник древней истории. № 1. С. 216–239.

Марти Ю., 1938. Античные города у корпусов индустриальных гигантов // Красный Крым. № 211 (5321).

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.8-11>

А.Н. Акиншин, Е.Ю. Захарова
(Воронеж)

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВАЛУКИНСКИЙ (1886–1950): МУЗЕЙНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, КРАЕВЕД, АРХЕОЛОГ

Имя Николая Васильевича Валукинского, одного из немногих воронежских краеведов, уцелевших в 1930-е гг., и основоположника геолого-минералогического музея в г. Джезказгане (Казахстан) известно в научных кругах. Отдельные события его жизненного и творческого пути нашли отражение в публикациях О.А. Артюховой, Т.Б. Мамирова, А.Д. Пряхина, Ю.А. Чекменёва и других авторов. В предлагаемом докладе впервые предпринят развернутый анализ основных направлений его деятельности.

Предварим его биографическим очерком, информация для которого извлечена из архивных документов ГАВО, РО НА ИИМК РАН (ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2276; Оп. 3. Д. 1043; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2251; Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 10; РО НА ИИМК РАН. Ф. 69. № 70/7) и дополнена опубликованными сведениями из архива Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН Республики Казахстан (Артюхова, 2017).

Родился Николай Васильевич 1 (13) мая 1886 г. в г. Козлове (ныне Мичуринск) Тамбовской губернии в семье железнодорожного служащего. Получив начальное образование в родном городе, он продолжил обучение в техническом железнодорожном училище в Воронеже, по окончании которого (1904) также, как и отец, начал работать на железной дороге. С 1909 по 1915 г. Н.В. Валукинский учился в Киевском художест-

венном училище, где и началась его исследовательская работа. В летнее время (с 1913 г.) по поручению Киевского музея Н.В. Валукинский ездил по губерниям Малороссии и Черноземья для сбора предметов старины и этнографии, выполняя при этом множество путевых зарисовок. Поэтому не случайно, что именно к этнографическим и искусствоведческим изысканиям он вернулся после демобилизации из армии. Эта тематика стала определяющей для него в 1920-е гг., он опубликовал несколько историко-этнографических брошюр.

В воронежский период жизни деятельность Н.В. Валукинского была неразрывно связана с краеведением. Будучи служащим в управлении Юго-Восточной железной дороги, работая учителем в школе для взрослых и преподавая в классе лепки техникума «ИЗО» (до начала 1925 г.), он являлся неизменным членом краеведческого сообщества, членом Бюро культурно-исторической секции Воронежского общества краеведения (1923–1925). Дальнейшим исследованиям в области изучения Воронежского края способствовало его поступление на работу (не позднее 1 августа 1923 г.) в Губернский музей (ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 4. Л. 3).

С марта 1925 г. Н.В. Валукинский возглавил это учреждение для проведения реорганизации, направленной на решение «ударной задачи» – «увязку работы с хозяйством данного района» и «боевой задачи» – «открытие общественно-экономического отдела». Можно предполагать, что такая концепция развития музея не нашла поддержки в его коллективе, состоявшем в основном из краеведов старшего поколения, поскольку уже в январе 1926 г. Н.В. Валукинский подал заявление с просьбой об отставке с должности заведующего. Его «просили продолжить начатую работу», но это событие, надо полагать, способствовало корректировке избранного Н.В. Валукинским пути реформирования музея. Краеведческая основа музея была признана «наиболее отвечающей современности и вполне целесообразной».

Что же касается археологического направления в деятельности музея, то оно сохранилось, хотя отдел археологии (первобытных древностей) по плану 1925 г. терял свою самостоятельность и должен был в качестве составляющей подотдела археологии и истории войти в состав культурно-исторического отдела. В последующие довоенные годы статус археологического отдела музея оставался неопределенным. Мы пока не располагаем сведениями о том, был ли Н.В. Валукинский после ухода с должности заведующего (не позднее 1929 г.), сотрудником именно этого отдела, но то, что, после перехода в ОблОНО Д.Д. Леонова, именно Н.В. Валукинский на протяжении 1930-х гг. вел всю археологическую работу в музее, бесспорно. После 1930 г. в связи с арестами по «Делу краеведов», музей как центр исторического краеведения утратил свое значение, но благодаря Валукинскому были продолжены его археологические исследования, как в составе академических экспедиций, так и самостоятельно.

В 1930-е гг. он оставался, по сути дела, единственным краеведом в Воронеже: принимал участие в работе над первым томом «Энциклопедического словаря ЦЧО» (1934), очевидно, именно им написаны статьи «Археологические исследования», «Архитектурные памятники», «Город Воронеж», «Воронежская губерния»; в газете «Коммуна» регулярно публиковал заметки (последняя появилась 15 мая 1941 г.) о своих археологических находках, о необходимости сохранения памятников архитектуры, о летописном Воронеже и т.д.

Немаловажным представляется и такой факт из биографии Н.В. Валукинского, как его преподавательская деятельность в Воронежском госуниверситете. В 1940/41 учебном году он читал лекционный курс по археологии на только что открывшемся историческом факультете.

С началом Великой Отечественной войны Валукинский был мобилизован в армию и больше в Воронеж не возвращался. С 1942 г. жил и работал в Киргизии, а весной 1945 г. переехал к семье (жена и две дочери) в Казахстан, где, работая на Джезказганском медеплавильном комбинате, изучал историю рудодобычи и вел археологические исследования на территории месторождения. Собранный им материал лег в основу открытого в декабре 1947 г. ведомственного геолого-минералогического музея под его ру-

ководством (впоследствии имени Валукинского). Умер Николай Васильевич Валукинский 12 января 1950 г. Эта дата известна из письма его вдовы Елены Александровны Валукинской к С.Н. Замятнину (РО НА ИИМК РАН. Ф. 69. Д. 70/7. Л. 56).

Отсчет своей археологической деятельности Н.В. Валукинский ведет с 1923 г., когда впервые участвовал в раскопках С.Н. Замятнина (РО НА ИИМК РАН. Ф. 69. Д. 70/7. Л. 38). Вплоть до конца 1920-х гг. он ежегодно выезжал в экспедицию ГАИМК под руководством П.П. Ефименко, где и приобрел практический опыт полевых исследований. Самый ранний отчет Н.В. Валукинского датируется 1929 г. Для повторного получения открытого листа требовался отзыв специалистов ГАИМК. Положительная оценка была дана П.П. Ефименко. В этом документе содержится и немаловажная характеристика состояния местной археологии: «в настоящее время Н.В. Валукинский является **единственным** лицом, занимающимся систематическим учетом и обследованием археологических памятников в Воронежском крае» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 168. Л. 18).

Валукинский возглавил археологический отряд Воронежского краеведческого музея, который вплоть до 1940 г. ежегодно проводил и разведочные работы, и раскопки. По сохранившейся информации, всего было выявлено 244 пункта (поселения, могильники, местонахождения) в окрестностях Воронежа, материал с которых охватывал время от неолита до нового времени. На девяти объектах Н.В. Валукинский провел самостоятельные раскопки (4 поселения эпохи бронзы, одно славянское городище, 4 разновременных могильника). Предпочтение отдавалось поселенческим памятникам, поскольку он всегда считал себя, прежде всего, этнографом – исследователем народного быта, а основной своей задачей – его реконструкцию. Н.В. Валукинскому принадлежит заслуга обнаружения на бытовом памятнике эпохи бронзы литейной формы и плавильной чаши (определение С.Н. Замятнина, 1935 г.) – первых свидетельств металлопроизводства на поселениях Среднего Дона.

В документах автобиографического характера есть свидетельства неослабевающего исследовательского интереса Валукинского и в период его военной службы («в Нижнем Тагиле познакомился с хорошим музеем»). В 1942–1944 г., работая в Киргизии, он «начал археологические исследования по берегу р. Чу и ее замершим притокам <...>. Всего было обнаружено 72 пункта (городищ, стоянок, запруд, групп курганов). Собранный материал был сдан в музей г. Фрунзе. Описание принято к печати в трудах Академии наук КиргССР». Какой-либо информацией, уточняющей или дополняющей эти сведения, к настоящему времени мы не располагаем.

В период работы в Дзержинске, по сведениям самого Н.В. Валукинского, им было «установлено свыше 120 пунктов: древних стоянок, курганов, запруд, ограждений, мест разведки, добычи руды...». С февраля 1948 г. Н.В. Валукинского приняли по совместительству лаборантом на Базу Академии наук КазССР, и он приступил к раскопкам старинного заводского двора в урочище Милекудук в южной части рудника. По археологии Н.В. Валукинский написал 7 работ, 6 из которых опубликованы (1937; 1938; 1940; 1941; 1948; 1949), одна (фрагментарная) хранится в фонде С.Н. Замятнина в РО НА ИИМК РАН. Своего рода подведением итогов собственной археологической деятельности в Подонье и в столичных экспедициях советского времени (С.Н. Замятнина, В.А. Городцова, П.П. Ефименко, Г.В. Подгаецкого), в которых он участвовал, а также первой попыткой создания популярной концепции развития воронежского края в древности на основе марксистской идеологии стала брошюра «По следам древних предков» (1940).

Николай Васильевич Валукинский относится к тому поколению, чье становление происходило в революционные десятилетия, а зрелость совпала с драматическими, порой трагическими, событиями 30–40-х гг. Он – один из немногих энтузиастов своего дела, кому суждено было в провинции сохранить результативное краеведение и обеспечить взаимодействие с академической археологией.

ЛИТЕРАТУРА

Артюхова О.А., 2017. Валукинский Николай Васильевич // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Алматы: НИЦ истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Т. 1. С. 80–87.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.11-13>

И.В. Белозёрова
(Москва)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.Я. БРЮСОВА В 1930–1940-е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПИ ГИМ)

Александр Яковлевич Брюсов (1885–1966) – яркий представитель первого поколения советских археологов. Он прошел ту же дорогу, что и многие московские археологи: учеба на ФОН 1 МГУ (1922–1925), школа В.А. Городцова, социологический семинар В.М. Фриче, первые опыты в духе марксистской социологии, аспирантура ИАИ РАН-НИОН (1929), на факультете общественных наук, преподавательская деятельность в МГУ (с 1929), работа в ГИМ (с 1925).

1930–1940-е гг. – непростой период в истории российской археологии – стал пиком в его научной, музейной и педагогической деятельности. Подробности биографии (в том числе этих лет) содержат материалы личного архива ученого в Отделе письменных источников ГИМ, научное описание которого завершилось в 2020 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 545).

Исторический музей (Москва) на протяжении более 40 лет был основным местом работы А.Я. Брюсова. В начале 1930-х гг. после чистки и увольнения «буржуазных специалистов» именно ученики В.А. Городцова (А.В. Арциховский, А.П. Смирнов, С.В. Кисёлев, Е.И. Крупнов, Б.А. Рыбаков, М.Е. Фосс, О.А. Гракова и др.) заняли в ключевые позиции в его археологических отделах. С 1933 г. А.Я. Брюсов возглавил 1-й археологический отдел, продолжил начатую еще В.А. Городцовым реэспозицию археологических залов, открыл новые разделы экспозиции, явился создателем многих новаторских выставок и автором-составителем путеводителей по археологическим залам музея (1934, 1938, 1940, 1947). В соавторстве с А.П. Смирновым, А.В. Арциховским, Д.Н. Эдингом им разработаны правила учета фондов археологических материалов. Музейные археологические сборники тех лет выходили главным образом под его редакцией. Он неизменно избирался членом Ученого совета ГИМ. Более 10 лет (с 1938 г.) А.Я. Брюсов вел большую общественную работу в музее, являясь председателем Бюро секции научных работников учреждений Политпросвета.

Многие московские археологи, в том числе А.Я. Брюсов, в первой половине 1930-х гг. отrekliсь от своего учителя – «буржуазного формалиста» Городцова. В их научных трудах отразились характерные тенденции того времени: борьба за «марксистскую» археологию, кризис буржуазной археологии, восхваление гения Сталина, приверженность идеям яфетической теории или нового учения о языке академика Н.Я. Марра, принципы автохтонизма и стадильности и пр. Идеи марксистской социологии нашли отражение в ряде опубликованных работ А.Я. Брюсова тех лет, а также во многих рукописях, сохранившихся в его архиве. С другой стороны, именно ученики Городцова в целом сохранили верность базовым исследовательским направлениям научной археологической школы своего учителя, прежде всего, приверженность типологическому методу как главному инструменту при работе с археологическими материалами.

В 1930–1940-е гг. А.Я. Брюсов был ведущим в стране специалистом по неолиту и эпохе раннего металла Русского Севера. Основная его полевая деятельность (с 1926 г.) проходила в Карелии, Вологодской, Ленинградской и Новгородской областях (свайное поселение на р. Модлоне, Сунские стоянки, бронзолитейная мастерская в устье р. Томи-

ца под Петрозаводском, стоянки по берегам оз. Машозеро и др.). Раскопки охватывают и другие регионы: Полтавская область УССР (Гонцовская палеолитическая стоянка), Средний Урал (Горбуновский торфяник), в Нижнем Прикамье проведены разведки у д. Иж-Борискино. В рамках задач, поставленных Комиссией по изучению фатьяновской культуры МОГАИМК, в центральных областях Русской равнины он вел раскопки Истринский и Давыдовский (Московская обл.), Холмогорский и Вауловский (Ярославская обл.) могильники, а также городища у ст. Мшанки (Рязанская обл.) и близ Тутаева (Ивановская обл.), палеолитическая стоянка Улянк (Чувашская АССР), Никопольские скифские курганы (Днепропетровская обл. УССР) и др.

Во второй половине 1930-х гг. появились значимые и ныне работы А.Я. Брюсова: «Карельские петроглифы» (1937), «Неолит» (1939), «Гонцовская стоянка» (1940), «История древней Карелии» (1940) и т.д. В эти годы началось сотрудничество ученого с издательством «Большая советская энциклопедия», в которой опубликовано немало его статей (многие сохранились в черновом варианте), и журналом «Советская археология».

С 1932 г. А.Я. Брюсов – старший научный сотрудник доклассового сектора МОГАИМК (с 1937 г. МОИИМК). Как следует из архивных документов, он участвовал в разработке нескольких научных тем: «Триполье», «Стоянки Балахнинского района», «Обмен в доклассовом обществе», «Мужские дома в системе первобытно-коммунистических отношений». Кроме того, он входит в состав Комиссии по изучению фатьяновской культуры и Комиссии по работам на Метрострое. В апреле 1939 г. вышел приказ, запрещающий совместительство в научных учреждениях, и Брюсов вынужден был уйти из ИИМК, сосредоточив свои усилия на работе в ГИМ.

В эти годы А.Я. Брюсов был активным участником и организатором некоторых конференций. В предвоенные годы особое значение имела 1-я Всероссийская археологическая конференция музеев системы НКП РСФСР (апрель 1939 г.). Ее главными организаторами были сотрудники МОИИМК и ГИМ А.Я. Брюсов и Д.А. Крайнов, выступившие с пленарными докладами «Состояние археологических исследований и задачи дальнейшей работы» и «О проекте пятилетнего плана археологических работ музеев РСФСР». В марте 1941 г. в ГИМ проходила археологическая сессия Ученого совета, на которой Брюсов познакомил коллег с результатами своих раскопок в Вологодской области и строил планы о дальнейших исследованиях на Русском Севере.

Все запланированные работы прервала Великая Отечественная война. Многие из его коллег из МОИИМК и ГИМ ушли на фронт и в народное ополчение. НКП РСФСР поручил А.Я. Брюсову возглавить эвакуацию музейных и библиотечных коллекций ГИМ сначала в Хвалынский, а затем в Кустанай. В 1941–1943 гг. он всецело был занят спасением коллекций и организацией их хранения в местах временного размещения, в том числе в Омске и Челябинске, куда была отправлена часть музейных грузов. Но даже в это трудное время, Брюсов не оставил научно-исследовательскую работу. Близ Кустаная он провел раскопки стоянок неолита-энеолита и курганов бронзового века у озер Светлый Джаркуль, Большой Аксаут и Коль, Кара-Тамарской стоянки на р. Тобол. В архиве отложились две его рукописи «Очерк древнейшей истории Кустанайской области» (1942) и «Неолит и начало бронзовой эпохи в Кустанайской области в Казахской ССР» (1943) для сборника «Кустанайская область», подготовку которого вел местный краеведческий музей по заданию Казахского филиала АН СССР.

В середине ноября 1943 г. А.Я. Брюсов был отозван из Кустаная в Москву. С этого момента возобновилась его полноценная музейная и научно-исследовательская работа. В декабре 1943 г. в МГУ состоялась защита его докторской диссертации «История древней Карелии». С августа 1944 г. возобновилась работа в ИИМК. Брюсов был в числе тех сотрудников ИИМК, кто подписал письмо с ходатайством о переводе дирекции института в Москву. С 1944 г. ученый продолжил прерванные войной археологические экспедиции ИИМК и ГИМ в Московской области (неолитические стоянки у дд. Бисерово и Льялово, фатьяновский могильник у д. Большое Буньково, славянские курганы у ст. Битца и д. Вешняки), в Карелии (металлургический Петровский завод, стоянка и

петроглифы Залавруга), в Вологодской области (стоянка Модлона), Крыму (стоянка бронзового века Челки), на Урале (Горбуновский торфяник), в Латвии (неолитическая стоянка торфяника Сарнате). При участии исследователя были созданы экспозиции Череповецкого, Каргопольского, Петрозаводского и ряда других музеев. В мае 1945 г. в составе специальной Государственной Комиссии Брюсов участвовал в поиске и спасении культурных ценностей в Кёнигсберге, в том числе занимался поиском знаменитой Янтарной комнаты. Кроме того, с 1948 г. он начинает читать курс «Археология» в Карело-Финском университете, готовит к печати местные издания.

В личном архиве А.Я. Брюсова сохранились работы, написанные в 1940-е гг.: «Окский неолит (1944)», «Древнейший этап в истории населения Вологодской области», «Итоги изучения неолита за 25 лет» (1946), «Теоретический очерк истории древних племен европейской части СССР в III–II тысячелетиях до христианской эры», «Племя в эпоху первобытно-общинного строя и его отражение в археологическом материале» (1949) и пр. Именно к этим годам относится новый этап теоретико-методологических разработок А.Я. Брюсова (например, заселение севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху, экспансия «культур с боевыми топорами», индоевропейская проблема), которыми он занимался уже в 1950–1960-е гг.

Таким образом, в 1930–1940-е гг. А.Я. Брюсов выдвигается в число лидеров советской археологии став признанным основоположником археологического изучения неолита и энеолита Русского Севера, первооткрывателем и исследователем многих интереснейших памятников древнейшей истории нашей страны. Надо признать, что некоторые из работ Брюсова этих лет и поставленные им проблемы были дискуссионными, тем не менее, они плодотворно повлияли на развитие важнейших исследовательских направлений, оказались востребованными и до сих пор являются актуальными.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.13-15>

А.Н. Бессуднов
(Липецк)

КРАЕВЕДЧЕСКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ И МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.Н. ЧЕРМЕНСКОГО В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ (КОНЕЦ 1930-х –1940-е ГОДЫ)

Пётр Николаевич Черменский (1884–1973) – известный исследователь древностей, краевед и организатор музейной работы Центрального Черноземья. Его предки носили фамилию Богоявленские, но после переезда деда в с. Чермные Тамбовской губернии (ныне Рязанская обл.) он стал именоваться Черменским. В этом же селе родился Пётр – самый младший, пятый, ребенок в семье.

Несмотря на бедность, родители стремились дать детям хорошее образование. Первоначальной грамоте их обучал отец, Николай Андреевич. Затем Пётр в течение 12 лет успешно освоил программу нескольких духовных и светских учебных заведений Тамбовской губернии, что позволило ему без экзаменов поступить на историческое отделение Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института (1905). В столице Пётр Николаевич находил время и для посещения по вечерам лекций в Археологическом институте (1907–1911), и для участия в семинарах и заседаниях кружков А.С. Лаппо-Данилевского и А.А. Спицына (с 1909). Летом того же года под руководством Б.В. Фармаковского принимал участие в раскопках Ольвии, где, видимо, и приобрел первый опыт полевых исследований.

Высказывалось мнение, что свои первые самостоятельные раскопки древнего мордовского могильника у с. Подлясово Спасского уезда Тамбовской губернии он провел на основании выданного ему открытого листа в 1911–1912 гг., однако бесспорно подтверждающих данный факт свидетельств пока не обнаружено. Имеется лишь отрывок неопубликованной статьи «Мичкимляйский могильник» в его личном фонде, храня-

щемся в Лебедянском краеведческом музее. Первая научная работа П.Н. Черменского «Очерки по истории колонизации Тамбовского края» была подготовлена на основе дипломного сочинения и увидела свет в 1912 г. в «Известиях ТУАК», а в следующем году он опубликовал книгу «Город Лебедянь и его уезд в XVII в.».

В 1916 г. Пётр Николаевич выдержал магистерские экзамены «и был оставлен при Историко-филологическом институте для подготовки к профессуре <...> по 1 января 1918 года со стипендией в 1200 р.» (цит. по: *Кривошеин, Рыжков*, 2011. С. 72). В январе 1918 г. он был избран в число членов-сотрудников Русского археологического общества.

Голод и разруха вынудили П.Н. Черменского в 1919 г. перебраться в Лебедянь, где он «работал в Наробразе заведующим музейной секцией и основал краеведческий музей» (Архив ЛОКМ. ОФ 3562/1-12). С 1920 по 1928 г. он жил в Тамбове, где вел активную трудовую и общественную деятельность, в разные годы работая директором губернского музея, заведующим народным музеем, преподавателем истории в Тамбовском пединституте и педагогическом техникуме, научным сотрудником Тамбовского губернского архива, ученым секретарем созданного, в том числе, и по его инициативе «Общества истории, археологии и этнографии Тамбовского края». Как ученый секретарь упомянутого выше общества участвовал в полевых исследованиях стоянки абашевской культуры на юго-западной окраине д. Перикса недалеко от Тамбова, провел раскопки русского поселения XVII в. в урочище Мордвиже, выезжал на место находки остатков мамонта в Красивскую волость Кирсановского уезда (*Черменский*, 1925). Пётр Николаевич не терял при этом связи и с Лебедянью. В ГАТО, в частности, имеется информация о том, что в сентябре 1920 г. он организовал две археологические экскурсии в окрестности с. Волотово для отыскания и раскопок знаменитого кургана Волотова могила (ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 369. Л. 25, об., 29; об. 30).

В 1928 г. П.Н. Черменский «принял предложение Воронежского исполкома на должность ученого секретаря секции изучения производительных сил Облплана», где «руководил работой научных учреждений Центрально-Чернозёмной области, проверял их планы, участвовал в их собраниях и т.д.» (Архив ЛОКМ. ОФ 3562/1-12), а также активно участвовал в руководстве краеведческим движением Центрального Черноземья, за что и был репрессирован и осужден на 10 лет по сфабрикованному «Делу краеведов» (*Акиншин, Ласунский*, 1990). Но и в период отбывания срока (1931–1939) он «в свободное время изучал историю и археологию Карелии и публиковал свои материалы в газете «Перековка» (*Кривошеин, Рыжков*, 2011. С. 138–139). Некоторые из статей имели непосредственное отношение к древним объектам: «Медвежья гора и Повенец 3000 лет тому назад» (1934), «Вычегские петроглифы» (1935).

По освобождении он вернулся в Лебедянь, но клеймо «врага народа» вынудило в августе 1940 г. переехать в Курск. Он надеялся на должность в пединституте, но пришлось ограничиться только преподаванием немецкого языка в школе для взрослых (январь – конец августа 1941 г.).

Во время оккупации Курска немцами П.Н. Черменский работал директором краеведческого музея, много сделал для сохранения экспонатов. Но эта непростая страница в его жизни требует отдельного рассмотрения.

После освобождения Курска советскими войсками продолжал работу в музее (до 15 марта 1944 г.) и одновременно приступил к преподавательской деятельности в Курском педагогическом институте (с 1 ноября 1943 г.). В вузе читал лекции по истории древнего мира, руководил педагогической практикой студентов, вел занятия в научно-историческом кружке, совершил целый ряд экскурсий по окрестностям Курска, обнаружив несколько новых памятников. В это время им был получен открытый лист на исследование позднелитической стоянки на р. Тускарь (хранится в личном фонде П.Н. Черменского в Лебедянском краеведческом музее). Хотя так и остается неясным, проводил ли он их или нет, так как отчет в архивах не выявлен, (отчет об этих работах хранится в Научном архиве ИА РАН).

В 1946 г. Пётр Николаевич представил к защите диссертацию «Очерки из истории Мещеры и Рязанской Украины», но осуществить давнюю мечту в силу разных причин так и не смог. Более того, в августе 1947 г. он вынужден был уволиться из вуза, но при этом почти год оставался в Курске, работая учителем в средней школе (*Кривошеин, Рыжков*, 2011. С. 160–166). Еще одной из причин, задержавших П.Н. Черменского в Курске, стала возможность принять участие в исследованиях отрядом Деснинской экспедиции Липинского археологического комплекса. Об этом факте упоминает А.А. Формозов – участник той же экспедиции (*Формозов*, 2006. С. 197). В конце лета 1948 г. Пётр Николаевич переехал в Ставрополь, оттуда в начале 1950 г. вновь вернулся в Лебедянь, где продолжил вплоть до своей кончины активно заниматься краеведческой работой.

Осведомленность П.Н. Черменского о древностях Центрального Черноземья ценили и столичные ученые, избравшие эту территорию в качестве региона своих изысканий. В частности, по этому поводу с ним вела переписку и неоднократно встречалась М.Е. Фосс. Наиболее развернутая характеристика памятников различных эпох тамбовской и курской земли, а также описание наиболее интересных находок, в том числе и хранящихся у него лично, содержится в письме Петра Николаевича к ней от 22 декабря 1953 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 153. Л. 95–98).

Подводя итог, мы можем констатировать, что П.Н. Черменский не оставил после себя значимого научного археологического наследия, и назвать его настоящим ученым-археологом было бы ошибкой. Но, вне всякого сомнения, он является ярким представителем той плеяды исследователей-краеведов – воспитанников дореволюционной школы, которые искренне трудились на ниве познания своего родного края во всем его многообразии.

ЛИТЕРАТУРА

Акиншин А., Ласунский О., 1990. «Дело краеведов» Центрального Черноземья // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М.: Профиздат. С. 56–66.

Кривошеин Н.В., Рыжков Ю.А., 2011. Пётр Николаевич Черменский: жизнь и деятельность выдающегося краеведа. М.: Древлехранилище. 315 с.

Формозов А.А., 2006. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак. 344 с.

Черменский..., 1925. Черменский П.Н. Краеведческая работа в Тамбовской губ. // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. № 1. С. 8–9.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.15-18>

А.Л. Бойко, И.В. Толочко
(Ростов-на-Дону)

«ПЕРЕВЕРНУЛАСЬ ЗЕМЛЯ ПОДОБНО ГОНЧАРНОМУ КРУГУ»: ДОНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В 1933–1950 ГОДАХ

Изречение из древнеегипетского источника «Речения Ипувера» точно показывает динамику и итог событий короткого по историческим меркам периода в истории донской археологии. За 17 лет полностью изменилась не только организационная структура донской археологии и количественный состав специалистов. Изменения затронули более глубинные процессы: характер отношения властных структур и научных организаций, определение целей и объема археологических работ, подготовку кадров, и, что не менее важно, личный состав ведущего звена донских археологов. Безусловно, на фоне грандиозных событий 1933–1950 гг. может показаться, что эти изменения были обусловлены исключительно макроисторическими процессами или бесчисленными административно-территориальными реформами. Нам важным представляется тот путь, который в это время проделали краеведческие организации, которые в начале 1930-х гг.

декларативно объявлялись центрами изучения края, а к 1938 г. были окончательно ликвидированы Постановлением Президиума Ростоблисполкома от 25.02.1938 г. «О реорганизации краеведческой работы в Ростовской области» (ГАРО. Ф.Р.-3737. Оп. 2. Д. 24. Л. 116–117).

Произошла трансформация массовых общественных организаций в органы государственного наблюдения и контроля над состоянием определенных типов памятников, что было закреплено названием «Ростовское областное бюро охраны и изучения памятников революции, искусства, культуры и археологии» (далее – РОБОИПРИКА). Этот процесс можно обозначить как «профессионализацию археологии», окончательное выделение ее из общего набора направлений исторического краеведения. Основные направления деятельности определялись задачами: «а) планомерного раскопчного и разведочного изучения определенных объектов <...> и б) внеочередного обследования мест и установления условий случайных находок различных предметов древности на территории Ростовской области» (Лунин, 1940. С. 7).

Отдельно велась работа по обновлению списков охраняемых памятников археологии. На 01.05.1939 г. в составе «Единого списка историко-культурных памятников Ростовской области, подлежащих обязательной государственной охране» было 5 крупных поселений эпохи античности – раннего средневековья (Кобяковское, Нижне-Гниловское, Недвиговское, Елизаветовское и Цимлянское городища) и общая категория № 19 «Древние курганы, могильники, стоянки, городища, валы, развалины надземных старинных сооружений (крепости и пр.), каменные статуи («бабы») и др.» (ГАРО. Ф.Р.-3737, Оп. 2. Д. 128. Л. 106–107).

При этом фактическое закрытие массовых краеведческих организаций не означало прекращения ни краеведческих, ни собственно археологических работ. В условиях 2-й пятилетки - «пятилетки коллективизации», требовались менее многочисленные, но более эффективные и управляемые организации - так называемое «производственное краеведение».

Параллельно с административно-территориальными реформами шло преобразование и самой системы организации работ в сфере археологии. В 1920-х гг. она определялась планами работ Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК при очень малом объеме собственных исследований. С работавшими в 1930-х гг. на территории Дона экспедициями ГАИМК сотрудничество стало минимальным.

В пределах этого десятилетия создается система проведения работ по прямым заявкам конкретных организаций или администраций населенных пунктов. На Дону основным местом проведения подобных раскопок стал Азов, в 1926 г. вновь получивший статус города. С 1934 г. работы велись на его территории ежегодно (Лунин, 1962. С. 20), причем план их проведения определялся не только хозяйственной необходимостью, но и чисто научными целями (раскопки С.А. Вязигина на Подазовском городище в 1938–1940 гг.). В организации раскопок были задействованы: РОБОИПРИКА как организатор и куратор археологических исследований, Азовский районный музей краеведения как производитель работ и место хранения выявленного материала. Сам автор раскопок (С.А. Вязигин) был сотрудником научной библиотеки Ростовского госуниверситета.

С восстановлением в полном масштабе исторического образования в высшей школе важным центром развития археологии становится Ростовский педагогический институт, где на базе археологического кружка сформировалась полноценная археологическая экспедиция под руководством М.А. Миллера, проводившая работы на Нижне-Гниловском городище и его некрополе.

Свидетельством объема и качества проводимых работ стало издание в 1940 г. научного сборника «Памятники древности на Дону», бывшего практически первым в истории донской археологии профильным научным изданием. Вводную статью к сборнику написал сам В.А. Городцов, с которым Б.В. Лунин установил еще в 1928 г. теплые личные отношения.

Другим событием, качественно характеризовавшим коллектив донских археологов, стало то обстоятельство, что М.А. Миллер 15.06.1940 г. в стенах ИИМК защитил дис-

сертацию по археологии по теме «Из истории Нижнего Дона (доскифский период)» и получил звание доцента.

Начавшаяся Великая Отечественная война стала тем рубежом, который разделил не только жизнь всего советского общества на «до» и «после», но резко поляризовал отношение ряда донских археологов к советской власти и ее институтам. Исследователи призывных возрастов с честью служили в рядах армии, зачастую достигнув высоких воинских званий или высших государственных наград. С другой стороны, некоторые представители «старшего поколения» краеведов, оставшиеся на временно оккупированной территории в той или иной степени стали коллаборационистами. В этом плане наиболее показательны метаморфозы судьбы М.А. Миллера, ставшего во время 2-й оккупации Ростова-на-Дону директором бывшего областного музея краеведения и активным членом «Комиссии по казачьим делам при представительстве Штаба Войска Донского в Ростове». Соответственно, остается открытым вопрос о степени его причастности к потерям фондов музея, опись которых заняла семьдесят страниц (Коневская, 2002. С. 17). Оккупационной администрации удалось открыть для собственных целей Ростовский, Новочеркасский и Таганрогский музеи. Была сделана попытка создать объединение интеллигенции в составе Ростовского антропологического общества, но политика захватчиков в области высшего образования оказалась провальной.

По окончании войны были арестованы и осуждены на значительные сроки М.Б. Краснянский (10 лет, умер в заключении), профессор В.В. Богачев (10 лет), доцент А.И. Иванов (8 лет) и др.

Вероятно, это объясняет тот факт, что некоторые специалисты после демобилизации из рядов советской армии предпочли не возвращаться на Дон, а сделали успешную карьеру в Средней Азии (Б.В. Лунин – д.и.н., профессор, ведущий сотрудник АН Узбекистана, С.А. Вязигин – к.и.н., ученый секретарь Института истории, языка и литературы Туркменского Филиала АН СССР). Лишь Г.А. Иноземцев вернулся к началу 50-х гг. к активной научной деятельности, защитив кандидатскую диссертацию «Бронзовый век Нижнего Дона» (1955) и стал деканом историко-филологического факультета Ростовского госуниверситета.

Послевоенные изменения коснулись не только кадрового состава донских археологов, но и самого принципа организации археологической деятельности. РОБОИПРИКА было фактически ликвидировано, а функции координации археологической деятельности перешли к отделу культурно-просветительской работы Ростовского облисполкома. Работавший там старшим инспектором С.М. Марков стал одним из создателей новой конфигурации археологических учреждений области. Под его непосредственным руководством велись работы по реализации Постановления Совета министров СССР от 14.11.1948 г. «О мерах по улучшению охраны памятников культуры». Показательно, что в 1950 г. был обнародован перечень выявленных памятников археологии, значительно превышающий список охраняемых объектов в 1939 г.

Принципиально важным стало и возрождение археологического образования как формы специализации в историческом цикле предметов историко-филологического факультета Ростовского госуниверситета, а позднее и Ростовского пединститута. З.А. Витков, последовательно преподававший в этих вузах в 1948–1955 гг., добился организации археологической практики летом 1950 г. Первым объектом исследования стал Раздорский казачий городок. Организация подобных исследований позволила положить начало формированию новой генерации донских археологов, к числу которых относился Ю.П. Ефанов и его многочисленные последователи.

ЛИТЕРАТУРА

Коневская Т.И., 2002. Ростовский областной музей краеведения страницы истории (1937–1957) (К 65-летию со дня создания) // ИРОМК. Вып.10. Ростов н/Д: ЗАО «Книга». С. 9–20.

Лунин Б.В., 1940. Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938 и 1939 гг. (Общий обзор) // Памятники древности на Дону. Материалы к описанию и изучению археологических памятников Подонья-Приазовья. Ростов-н/Д.: Ростведиздат. С. 7–24.

Лунин Б.В., 1962. Археологическое изучение Подонья-Приазовья в дореволюционные и довоенные годы // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д: изд-во РГУ. С. 5–21.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.18-19>

А.В. Вайтович
(Минск)

АРХЕОЛОГИЯ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ВОЕННЫЕ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Поступательное развитие Белорусского государственного университета было оборвано 22 июня 1941 г. Однако уже в июне 1942 г. СНК БССР принял постановление о восстановлении БГУ (*Яновский, Ходин, Прохоров*, 2015. С. 11). Работы по возобновлению деятельности университета активизировались спустя полгода, и уже в октябре 1943 г. на железнодорожной станции Сходня под Москвой студенты приступили к занятиям.

Учебный процесс налаживался с большим трудом. Штатных преподавателей не хватало, и белорусским специалистам помогали их московские коллеги. В условиях нехватки кадров учебный план был значительно сокращен. Тем не менее, будущие историки смогли прослушать курс «Основы археологии», который читал профессор

Московского государственного университета, известный археолог Борис Александрович Рыбаков. Очевидно, имея большую педагогическую нагрузку, ученый был вынужден иногда идти на нарушения трудовой дисциплины. В феврале 1944 г., во время зимней сессии, ректорат БГУ был недоволен тем, что, принимая экзамен, он «за 4 часа проэкзаменовал 30 человек. Иначе говоря, вместо 20–30 минут на одного экзаменуемого профессор Рыбаков затрачивал не более 8 минут» (НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 45. Л. 21).

Ситуация на фронте постепенно менялась. Постановлением СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 1 августа 1944 г. БГУ было разрешено вернуться в Минск (*Яновский, Ходин, Прохоров*, 2015. С. 28). Руководство исторического факультета планировало в новом 1944/1945 учебном году принять на работу белорусского археолога Василия Родионовича Тарасенко (НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 57. Л. 9). Во второй половине 1930-х гг. он работал в Могилевском педагогическом институте. В июне 1941 г. В.Р. Тарасенко был призван на фронт, а после тяжелого ранения был «перечислен в запас» и учительствовал в разных учебных заведениях, эвакуированных в Кемеровскую область. В феврале 1944 г. он переехал в Москву и вскоре был принят на должность старшего научного сотрудника сектора Института истории Академии наук БССР (Архив БГУ. Ф. 205. Оп. 1пс. Д. 104. Л. 10 об.). Предполагалось поручить ему чтение курса «Основы археологии», рассчитанного на 54 лекционных часа (НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 57. Л. 9).

Однако эти планы не были реализованы. В.Р. Тарасенко был зачислен «доцентом по кафедре древней истории на почасовую оплату» только с 12 апреля 1945 г. (Архив БГУ. Ф. 205. Оп. 1пс. Д. 104. Л. 6). В июне 1945 г. он вернулся в Минск и приступил к новым обязанностям.

В 1945/1946 учебном году В.Р. Тарасенко читал «Основы археологии» студентам двух курсов. Первокурсники прослушали 48 лекционных часов, а четверокурсники – 42 часа (НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 46. Л. 47).

В июне 1946 г. археолог подвел итоги первой послевоенной сессии. Он отметил: «<...> степень освоения учебного материала студентами не только IV, но и I курсов не-

плохая. Однако нельзя пройти мимо тех трудностей, которые приходилось преодолевать в связи с прохождением предмета. Такой основной трудностью было почти полное отсутствие литературы. Так, в библиотеке университета имеются лишь работы профессора В.И. Равдоникаса и П.П. Ефименко, которые охватывают лишь эпоху палеолита. Правда, первая из указанных выше книг, написанная в качестве учебного пособия для студентов Ленинградского государственного университета (вернее, лишь первая его часть, написанная еще до Великой Отечественной войны), содержит и некоторые методологические указания. Более всех других приближается к требованиям университетского курса служащая пособием для студентов Московского государственного университета книга профессора А.В. Арциховского «Введение в археологию». Но и в ней отсутствует изложение методики археологических исследований, а также материалы с анализом археологических памятников БССР, да книги профессора Арциховского в университетской библиотеке нет. Таким образом, основным учебным материалом при подготовке к экзаменам являлся, по необходимости, лекционный курс в виде студенческих записей» (НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 46. Л. 47–47 об.).

Несмотря на ограниченность материальной базы и кадровые проблемы, планы на следующий 1946/1947 учебный год были оптимистичные. Кафедра истории древнего мира должна была обеспечить преподавание дисциплины «Основы археологии» для первого курса. Для третьекурсников предполагалось разработать специальный курс «Археологические памятники БССР» и «спецсеминарий по археологии БССР» (НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 46. Л. 52). Однако студенты смогли прослушать только общий курс по археологии, рассчитанный на 56 часов (НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 1300. Л. 5). Занятия вел В.Р. Тарасенко. Он знакомил первокурсников исторического факультета с основами археологии вплоть до конца 1953 г. (НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 142. Л. 84; Д. 185. Л. 23; Д. 389. Л. 102; Д. 1303. Л. 13)

Летом 1954 г. в БГУ была проведена первая в послевоенное время археологическая практика. Раскопками руководил научный сотрудник Института истории Академии наук БССР Алексей Григорьевич Митрофанов (НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 389. Л. 80–81). Именно с его именем было связано дальнейшее развитие университетской археологии.

ЛИТЕРАТУРА

Яновский О.А., Ходин С.Н., Прохоров А.А., 2015. 21-й учебный год белорусского университета – возрождение в условиях Великой Отечественной войны // Российские и славянские исследования. Вып. X. С. 9–30.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.19-21>

А.С. Вдовин, Н.П. Макаров
(Красноярск)

АРХЕОЛОГИЯ В КРАСНОЯРСКОМ МУЗЕЕ: 1940 ГОД

История археологии Красноярского краевого краеведческого музея с момента его организации в 1889 г. насчитывает уже более 130 лет. Авторы неоднократно обращались к этой теме (Вдовин, Макаров, 2017. С. 12–14; Вдовин, Макаров, 2019. С. 17–19; Макаров, Вдовин, 2018). Успешная деятельность в Красноярском музее В.Г. Карцова и А.Ф. Каткова учеников В.А. Городцова по разным причинам прерывается к середине 30-х годов. В.Г. Карцов возвращается в Москву и становится сотрудником ГИМ. А.Ф. Катков трагически погибает в археологической экспедиции музея. Красноярский музей остался без археолога до середины 40-х годов.

Как известно, что в 1920-е годы на заседаниях коллегии музея выступали В.А. Городцов, С.А. Теплоухов, Г.К. Мергарт, Н.К. Ауэрбах и Г.П. Сосновский с представлением результатов своих раскопок и первыми периодизациями древностей Енисея. Выявленные документы свидетельствуют, что в предвоенном 1940 г. Красноярский музей со-

храняет авторитет как научного учреждения региона, где было проведено два археологических совещания.

Одно из заседаний проходило 16.09.1940 г. под председательством директора Красноярского музея И.Л. Нейтмана. С основным докладом выступил старший научный сотрудник ИИМК Г.П. Сосновский. Он поделился результатами своих последних исследований в окрестностях Красноярска, отметив разрушение наиболее известной палеолитической стоянки на Афонтовой горе, а так же отметил застроенность и захламленность других палеолитических памятников краевого центра в Ладейках, у Военного городка и Переселенческого пункта. На вопрос И.Л. Нейтмана: «Насколько разрушена Афонтова гора?», Г.П. Сосновский ответил: «По сравнению с 1927 г. она осыпалась на 10–15 метр [ов], с 1934 г. метров на пять. Раньше видимый культур[ный] слой был ок[оло] 1 ½ метров, сейчас ок[оло] 8 см ширины и ок[оло] 7 метров длины» (НА КККМ. Оп.1. Д. 488. Л. 48). Среди своих новых открытий Г.П. Сосновский отметил палеолитические стоянки у Кирпичных сараев и д. Солонцы.

Следует отметить, что в 1918–1920 гг. Г.П. Сосновский начинал в Красноярском музее в качестве помощника Г.К. Мергарта. Теперь же, два десятилетия спустя он выступает как представитель ИИМК, центрального археологического учреждения страны. Заметно это и по несколько назидательному тону. Г.П. Сосновский в своем докладе обозначил себя сторонником учения Н.Я. Марра и борцом с буржуазными учеными. В порядке дружеской критики докладчик отметил свои указания на исправление недостатков археологической экспозиции музея, главным из которых было показ отвлеченных стадий без конкретных указаний места находок. Показательна и фраза Г.П. Сосновского: «Условия работы [в экспедиции] были трудные, приходилось ходить пешком, таща за собой продовольствие. Мешал также недостаток рабочей силы и транспорта. Надо сказать, что не в пример Красноярскому краю, в Алтайском, например, оказывалось большее содействие. В будущем надо избежать всего этого, т.к. иначе археологические работы будут переноситься в другие края и области, минуя Красноярск» (НА КККМ. Оп.1. Д. 488. Л. 47 об.).

В сжатом абзаце Б.О. Долгих запротоколировал основные теоретические взгляды Г.П. Сосновского высказанные им в докладе: «Важно также показать не только юг, но и север и центральную часть края. Мне удалось проследить на территории края, бронзовую культуру, связывающую не только с его югом, но и с востоком бассейна Селенги. Удалось так же обнаружить керамик иллюстрирующую связь населения южной части края с востоком. Эта культура прослеживается до устья Подк[аменной] Тунгуски. На р. Тасеевой могло добываться олово, и таким образом бронза могла изготавливаться в пределах края. На юге бронза раньше вытеснила камень, на севере они долго сосуществовали одновременно. Это надо учесть этнографии. Отмечу, что проблема заселения Америки может быть, понята лишь в связи с изучением Сев[ерной] Азии, ибо в Америке палеолита не было. Поэтому очень интересны материалы Сибирских музеев. Вопросы этногенеза Сиб. народов требуют совместных усилий историков, археологов и этнографов. Можно говорить, что север был не так отстал, как это думали раньше. С народом Забайкальского неолита можно, например, связывать северных эвенков и этим опровергнуть ряд миграционных теорий, в частности развитию финнами «теорию» оправдывавшую экспансию Финдландии на восток. Теперь мы знаем исторические памятники лучше, чем финны и знаем, что никаких финно-угорск. племен здесь не было, как не было никаких неисторических народов» (НА КККМ. Оп.1. Д. 488. Л. 47 об.).

Резюмируя свое выступление, Г.П. Сосновский подчеркивает, что он очень доволен восстановлением контакта с Красноярским музеем.

Столь многообещающие контакты Красноярского музея и центральных научных учреждений были прерваны Великой Отечественной войной.

ЛИТЕРАТУРА

Вдовин А.С., Макаров Н.П., 2017. «Научный кооператив»: Послереволюционный феномен Сибирской археологии // 1917 год: российская археология на переломе эпох.

Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: Институт археологии РАН. С. 12–14.

Вдовин А. С., Макаров Н.П., 2019. У истоков советской археологии: Красноярский музей в 1920-е годы (к 130-летию Красноярского краеведческого музея) // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: Институт археологии РАН. С. 17–19.

Макаров Н.П. Вдовин А.С., 2018. Археология в Красноярском краевом краеведческом музее. 125 лет истории. Красноярск: Сиб. Федер. ун-т. 208 с.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.21-22>

П.Г. Гайдуков, А.А. Кудрявцев
(Москва)

АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АРЦИХОВСКИЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ С КОЛЛЕГАМИ И УЧЕНИКАМИ)

В военные годы ученые-археологи ИИМК АН СССР оказались разбросаны по всей стране: одни ушли на фронт, другие отправились в эвакуацию, кто-то остался в Москве. Среди сотрудников были и репрессированные. Но все они, где бы ни были, старались поддерживать связь друг с другом. Центром притяжения стал учитель нескольких поколений советских археологов, заведующий кафедрой археологии Московского государственного университета Артемий Владимирович Арциховский.

В архивах РАН, ИА РАН, Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и в отделе письменных источников НГОМЗ сохранилась переписка Артемия Владимировича с его коллегами и учениками. В этих письмах, повествующих о военных судьбах конкретных людей, отражается история всего военного поколения: ранен, убит, пропал без вести, был в плену, сослан, награжден, вернулся с фронта. Но есть и то, что выделяет их из общей массы: все пишущие ощущают себя частью братства ученых-археологов, и, даже находясь далеко друг от друга, они интересуются новостями о научной работе коллег, о раскопках, об университете, об институте.

На данный момент из этого обширного эпистолярного наследия военного времени опубликованы лишь 11 писем А.В. Арциховского своему ученику В.В. Кропоткину за 1943–1945 гг., который в эти годы служил рядовым в железнодорожных войсках (Каменецкая, 2004). В Архиве РАН хранятся 3 ответных письма В.В. Кропоткина, отправленных из Донбасса и Смоленска (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 152). Опубликовано 5 писем А.В. Арциховского Б.А. Колчину, адресованные на рудник Большая Инта в республике Коми АССР, где ученый отбывал наказание, вероятно, за пребывание на оккупированной территории после участия в боях на Юго-Западном фронте и выхода из окружения осенью 1941 г. (Гайдуков, 2004. С. 29–34). В Архиве РАН хранится только одно ответное письмо Б.А. Колчина от 27.04.1944 г. (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 150).

Наиболее раннее из военных писем, адресованных А.В. Арциховскому, принадлежит его ученику А.В. Никитину. Письмо от 11.07.1941 г. отправлено из-под Вязьмы. Он упоминает совместное с учителем кратковременное обучение в Нахабино (сейчас городской округ Красногорск), где бойцы 8-й Московской стрелковой дивизии народного ополчения Краснопресненского района, сформированной в том числе и из студентов и преподавателей МГУ, проходили строевую подготовку. После этого А.В. Арциховский вернулся в Москву и в октябре вместе с университетом эвакуировался в Ашхабад, а А.В. Никитин прошел рядовым всю войну. Отметим, что сама Краснопресненская дивизия в ходе боев под Ельней в начале октября 1941 г. понесла тяжелые потери и вскоре была расформирована.

Следующее письмо А.В. Никитина датируется уже 12.03.1945 г. Он сообщает, что находится недалеко от осажденного Кенигсберга. В письме ученый также комментиру-

ет отрицательные оценки, данные А.В. Арциховским итогам Всесоюзного археологического совещания, проведенного 25 февраля – 2 марта на базе ИИМК в Москве (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 185).

Письмо из действующей армии от 02.09.1941 г. было отправлено коллегой А.В. Арциховского по работе в ИИМК и ГИМ А.П. Смирновым. В этот период он служил в 1-й Ленинской дивизии народного ополчения. Следующее письмо датируется 04.03.1942 г., когда А.П. Смирнов уже демобилизовался. Он сообщает об обследовании подмосковных памятников архитектуры, разрушенных немцами – ряд сотрудников ИИМК занимались такими исследованиями в рамках деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, организованной в январе 1942 г. И.И. Минцем. Сведения об этой работе содержит и письмо В.Д. Блаватского от 02.02.1942 г. (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 110). В следующих двух письмах от 13.03.1942 г. и 13.06.1942 г. А.П. Смирнов рассказывает о начавшихся лекциях в университете, коллегах и положении в Москве. Два письма, датированные июнем 1945 г., были отправлены из Берлина (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 207), где в мае – июле А.П. Смирнов работал по специальному заданию для изучения коллекций музеев Германии (ОПИ ГИМ. Ф. 496. Д. 153. Л. 90).

Следующие фронтовые письма относятся уже к 1943 г., когда А.В. Арциховский вернулся из эвакуации. Среди них 3 письма от Д.А. Авдусина. В одном из них (от 22.08.1943 г.), отправленном из с. Сазыкино (сейчас в Елецком р-не Липецкой области), он сообщает о пулевом ранении и нахождении в госпитале (Архив Новгородской археологической экспедиции; АРАН. Ф. 1804. Д. 91).

Следующий блок писем военного времени включает переписку А.В. Арциховского с коллегами и учениками, находящимися в эвакуации. Среди них недатированное письмо А.Ф. Медведева из Свердловска с новостями о жизни университета в эвакуации (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 173), письмо А.Л. Монгайта от 28.04.1943 г. из с. Дегерес (Алматинская область) с подробным рассказом о работе учителем в сельской школе (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 173). П.П. Ефименко в письме от 20.08.1944 г. из Елабуги сообщал о раскопках Луговского могильника и научной деятельности в условиях эвакуации (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 132).

Отметим и некоторые послания от самого А.В. Арциховского. Среди них письмо М.Н. Тихомирову из Свердловска от 23.01.1943 г. (АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 91. Л. 1) и пространное письмо В.И. Равдоникасу, отправленное уже из Москвы 06.01.1944 г. с подробными сведениями о судьбах московских археологов (СПбФ АРАН. Ф. 1049. Оп. 3. Ед. хр. 32).

Переписка А.В. Арциховского военного времени, хотя и не часто содержит конкретные данные с учетом действия военной цензуры, но ярко отображает повседневную жизнь археологов на фронте и в эвакуации, показывает их стремление к возвращению в науку и постоянную потребность в новостях о судьбах коллег и товарищей, деятельности ИИМК и Московского университета.

ЛИТЕРАТУРА

Гайдуков П.Г., 2004. Артемий Владимирович Арциховский и Борис Александрович Колчин (1935–1950 гг.) // Новгородские археологические чтения–2. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения А. В. Арциховского. Великий Новгород, 21–22 сентября 2002 г. / под ред. В.Л. Янина, А.С. Хорошева, Е. А. Рыбиной. Великий Новгород: б.и.. С. 22–34.

Каменецкая Е.В., 2004. Артемий Владимирович Арциховский в годы войны (по материалам переписки) // Новгородские археологические чтения–2. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения А. В. Арциховского. Великий Новгород, 21–22 сентября 2002 г. / под ред. В.Л. Янина, А.С. Хорошева, Е. А. Рыбиной. Великий Новгород: б.и.. С. 17–22.

**«ОНА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ АРХЕОЛОГИЧКА»*:
РАБОТЫ А.В. ДМИТРИЕВСКОЙ в 30-е – 40-е ГОДЫ XX ВЕКА**

Ангелина Васильевна Дмитриевская – малоизвестная ученица Василия Алексеевича Городцова. С.В. Кузьминых и И.В. Белозёрова отмечают, что биографические сведения об А.В. Дмитриевской крайне скупы, и она не упомянута в «Списке наиболее выдающихся учеников профессора В.А. Городцова» (Кузьминых, Белозёрова, 2014. С. 229–294).

Небольшое упоминание об А.В. Дмитриевской есть в обобщающей работе «Академическая археология на берегах Невы», посвященной истории ИИМК РАН. «ДМИТРИЕВСКАЯ Ангелина Васильевна (1901 – после 1967) – археолог. Ученица В.А. Городцова. В ИИМК/ЛОИИМК с 1942 по 1946 г. Впоследствии сотрудница Орловского государственного литературного музея И.С. Тургенева. Жительница блокадного Ленинграда. Специализация: технология изготовления древнерусских ювелирных изделий XI–XIII вв.». (Академическая..., 2013. С. 345).

Основные полевые работы А.В. Дмитриевской пришлось на 1920-е гг.: раскопки Туровского поселения в Подмоскowie, разведки в Коми АССР, раскопки, по поручению Зарайского музея, Палецкого городища и рядом расположенной курганной группы в 1926 г., исследования в Зарайском кремле.

Однако время осмысления полученных материалов наступило во второй половине 1930-х. Спустя 10 лет А.В. Дмитриевская опубликует материалы этих раскопок, пожалуй, в своей единственной крупной статье – «Палецкие курганы» (Дмитриевская, 1937. С. 289–299).

Автор работ отмечает необычность кургана № 1 и связывает его с местом проведения языческой тризны. Однако А.Л. Монгайт на основе анализа дневников раскопок приходит к выводу, что курганная группа была насыпана на более раннем славянском селище, и те ямы и очаги, которые были обнаружены А.В. Дмитриевской, не имеют отношения к кургану № 1.

А.Л. Монгайт пишет о трудности изучения материала из чужих, плохо документированных раскопок, но предполагает, что «загадка» Палецких курганов решается следующим образом. Курганное кладбище XII в. возникло на территории раннего вятичского поселения, из культурного слоя которого лепная керамика и попала в насыпи курганов. А.Л. Монгайт отвергает какую-либо связь курганного некрополя с Палецким городищем, отмечая, что памятники находятся на разных берегах реки Вобли, и, скорее всего, некрополь принадлежал к селищу, расположенному неподалеку.

Тем не менее, обвинять А.В. Дмитриевскую в плохо проведенных раскопках, наверное, будет не совсем верно. Методика раскопок 1920-х гг. все-таки еще отличалась от методики 1960-х и, тем более, – от современной. В своих отзывах на отчет рецензент П.П. Ефименко и учитель В.А. Городцов отмечали «весьма добросовестные» исследования.

В 1934 г. А.В. Дмитриевская по протекции своего учителя, В.А. Городцова, пытается устроиться в Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР, однако это не получилось. Согласно записи в личном деле, в 1942 г. Ангелина Дмитриевна становится младшим научным сотрудником ЛОИИМК АН СССР.

В годы Великой Отечественной войны А.В. Дмитриевская не покидала Ленинград и во время блокады оставалась в ЛОИИМК АН СССР на должности младшего научного сотрудника. Она была занята исследованием инвентаря русских курганов XI–XIII вв. на основе технологического анализа и подготовила работу «Ювелирные предметы из костромских курганов». Кроме того, вела работу по сохранению и камеральной обработке археологических коллекций, хранящихся в ИИМК.

* В.А. Городцов в письме к Д.Н. Льву. См.: Кузьминых, Белозёрова, 2014. С. 249.

Известно, что даже в тяжелые годы блокады А.В. Дмитриевская продолжала работать над своей кандидатской диссертацией. В 1944 г. выступила на собрании Института с темой «Типологический анализ материалов из костромских курганов» (тезисы кандидатской диссертации).

В следующем 1945 г. на заседании сектора Древней Руси (ЛОИИМК) был заслушан доклад «К датировке русских курганов», по всей вероятности, также являющийся частью диссертационного исследования А.В. Дмитриевской. Доклад под измененным названием был опубликован в 1947 г. в виде небольшой заметки в сборнике АН СССР. Работа была посвящена рассмотрению инвентаря ивановских курганов, датированных исследовательницей XIII в. (*Дмитриевская*, 1947. С. 82).

В дальнейшем, по приглашению П.П. Ефименко, который после войны возглавил Институт археологии НАН Украины, А.В. Дмитриевская начинает раскопки там. Уже в следующем 1946 г. А.В. Дмитриевская проводит раскопки летописного города Городеск, упомянутого в «Ипатьевской летописи» под 1257 годом.

И вдруг резко после 1947 г. А.В. Дмитриевская покидает археологию. О причинах, побудивших ее сделать это, нам пока остается только гадать. Позднее она становится сотрудником государственного музея им. И.С. Тургенева, где отметилась в 1953 г. авторством тематико-экспозиционного плана стационарной литературной экспозиции музея. И совершенно неожиданно уходит в религию, становится «духовной дочерью» орловского старца Афанасия Андреевича Сайко, известного советского религиозного диссидента и юродивого. Этот поздний этап жизни А.В. Дмитриевской наиболее туманен и ждет дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Академическая..., 2013. Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН: 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин. 416 с.

Дмитриевская А.В., 1937. Палецкие курганы. // СА. IV. С. 289–299.

Дмитриевская А.В., 1947. Датировка костромских курганов // Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. М.-Л.: АН СССР, ОИФ. С. 82.

Кузьминых С.В., Белозёрова И.В., 2014. Переписка В.А. Городцова и Д.Н. Льва // *Stratum Plus* (1). С. 229–294.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.24-26>

В.Ю. Ганенко
(Кемерово)

КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ ГРИНЕВИЧ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1940–1948)

История советской археологии второй половины 1930-х–1940-х гг. была наполнена драматичными сюжетами. Политическим репрессиям 1930-х гг. был подвергнут ряд археологов как в столичных учреждениях, так и на периферии. Тяжелые социально-экономические условия периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет осложнили проведение археологических исследований, поставили вопрос о сохранении историко-культурного наследия страны. Однако и в столь сложное время изыскания в области археологии продолжались, что было уделом отдельных подвижников науки. Одним из таких подвижников являлся археолог-антиковед К.Э. Гриневич (1891–1970), волею обстоятельств оказавшийся в 1940 г. в Томске.

К моменту приезда в Томск Константин Эдуардович Гриневич был уже сложившимся ученым. В 1915 г. он окончил историко-филологический факультет Харьковского университета, а в 1915–1918 гг. проходил стажировку в Петроградском университете. Сферой его научных интересов было изучение античных памятников Северного Причерноморья (Ольвии, Боспора, Херсонеса и др.). Кроме того, К.Э. Гриневич активно

занимался музейным делом и в 1919–1921 гг. являлся заведующим Керченским музеем древностей, а в 1924–1927 гг. – Херсонесским археологическим музеем. В 1926 г. он получил звание профессора и в 1927 г. переехал в Москву, став заведующим музейным отделом в одном из управлений Народного комиссариата просвещения РСФСР и сотрудником ряда столичных научно-исследовательских и образовательных учреждений. В 1933 г. К.Э. Гриневич был осужден и отправлен в ссылку в Новосибирск. В 1935 г. ученого обвинили в шпионаже, и до 1940 г. он отбывал наказание в Карагандинском лагере. После освобождения К.Э. Гриневич не получил право проживать в европейской части страны и был определен в Томск (*Дьячков, Ручинская*, 2016. С. 179–183).

В 1940 г. в Томском государственном университете был восстановлен исторический факультет, где К.Э. Гриневич стал заведовать кафедрой древней истории и Музеем истории материальной культуры (МИМК). Профессор вел занятия по истории Древней Греции и Рима, основам археологии. Константин Эдуардович не ограничился кругом своих научных интересов и возглавил работу по изучению древней истории Томского края и сопредельных регионов (*Дьячков, Ручинская*, 2016. С. 184–186). Прежде всего, К.Э. Гриневич занялся подготовкой кадров для ведения археологических изысканий. В 1940–1948 гг. он руководил археологическим кружком, где студенты занимались разбором коллекций из фондов МИМК, написанием научных работ и подготовкой докладов для участия в студенческих конференциях (*Хаминов*, 2011. С. 54). Под его руководством работал аспирант Е.М. Пеняев, начинали свой путь в археологии Г.В. Трухин, Р.А. Ураев. К.Э. Гриневич и сам повышал свою научную квалификацию. В 1944 г. в Москве исследователь защитил докторскую диссертацию по теме «Стены Херсонеса Таврического», что являлось неординарным событием, учитывая обстоятельства военного времени и наличие у ученого судимости (*Дьячков, Ручинская*, 2016. С. 184).

Как заведующему МИМК, К.Э. Гриневичу в годы войны пришлось решать проблему размещения фондов. Главный корпус университета, где располагался музей, был отдан под эвакуированное предприятие. Ученый вместе с коллегами и студентами сделали все возможное для консервации коллекций и их перенесения в свободные помещения. Только к 1948 г. была вновь открыта экспозиция музея (*Хаминов*, 2011. С. 56, 73).

Значительной страницей томского периода научной деятельности профессора Гриневича являлись организация и проведение в 1944–1946 гг. совместной с Томским пединститутом экспедиции в урочище Басандайка под Томском. Экспедиция носила комплексный характер и включала в свой состав археологов, историков, антрополога, почвовед, геолога. В качестве целей работы на Басандайке К.Э. Гриневич отмечал возможность практического ознакомления студентов с методикой полевых археологических исследований, поиск аналогий для атрибуции предметов из непаспортизованных коллекций, хранящихся в МИМК, а также изучение социально-экономических процессов в древних обществах на территории Сибири. В результате трехлетних работ экспедиции под руководством К.Э. Гриневича были исследованы средневековый Басандайский курганный могильник I (раскопано 20 курганов) и разновременное (материалы от эпохи камня до средневековья) Басандайское городище I (изучено 437 м²). По материалам раскопок и под редакцией профессора Гриневича к 1948 г. был подготовлен сборник трудов «Басандайка», куда вошли статьи по археологической, антропологической, геологической и почвоведческой характеристикам памятников этого урочища (*Барсуков, Торощина, Чернова*, 2016. С. 109–111).

В 1948 г., несмотря на успехи в деятельности К.Э. Гриневича и нехватку опытных преподавателей в университете, профессор был вынужден покинуть Томск. Вероятнее всего, ученый стал жертвой кампании по борьбе «с низкопоклонством перед Западом». Однако томский период жизни К.Э. Гриневича можно признать вполне плодотворным, учёный сыграл большую роль в активизации археологических исследований в Томске.

ЛИТЕРАТУРА

Барсуков Е.В., Торощина Н.В., Чернова И.В., 2016. Эпоха «Басандайки»: неизвестные сюжеты, забытые имена // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 4 (14). С. 108–118.

Дьячков С.В., Ручинская О.А., 2016. Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970). Страницы биографии // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Т. 14. С. 178–198.

Хаминов Д.В. 2011. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск: Изд-во ТГУ. 270 с.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.26-28>

А.А. Евгеньев
(Оренбург)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИИ В ОРЕНБУРГСКОЙ (ЧКАЛОВСКОЙ) ОБЛАСТИ (1930-е ГОДЫ)

Первые десятилетия советской власти – своеобразный период в изучении археологического наследия Оренбургского Предуралья. После Октябрьской революции прекратила существование являвшаяся местным центром археологической деятельности Оренбургская Ученая архивная комиссия, а Общество изучения Киргизского края, декларировавшее себя преемником ОУАК, таковым стать не смогло. В итоге большую часть археологических работ в регионе взяли на себя исследователи из других научных центров – Самары, Москвы, Ленинграда. Единственным же местным исследовательским центром стал Оренбургский (Чкаловский) краеведческий музей.

В 1930-е гг. археологические работы в пределах образованной в 1934 г. Оренбургской области велись по двум направлениям: 1) новостроечные экспедиции, организованные ГАИМК и проводимые на ее кадровой основе; 2) спорадическая археологическая деятельность музея, интенсивность которой определялась главным образом личностным фактором.

Новостроечные экспедиции были организованы в Оренбуржье, в восточной части региона, дважды:

1) в 1933 г. Южноуральская экспедиция ГАИМК (Б.Н. Граков, П.А. Дмитриев, А.И. Тереножкин) обследовала территорию строительства проектируемых Губерлинской, Орской, Ириклинской и Магнитогорской ГЭС. В соответствии с этим экспедиция работала по четырем маршрутам, соответствующим районам будущихстроек, а также в окрестностях Орска, выявлено 168 могильников, пять стоянок и две пещеры. Главной целью экспедиции являлись фиксация и описание памятников, рекогносцировочные раскопки проводились на отдельных могильниках андроновской культуры, кочевников РЖВ и средневековья. К сожалению, большинство выявленных памятников были разрушены при строительстве Ириклинского водохранилища, лишь несколько могильников впоследствии были подвергнуты изучению (Евгеньев, 2018).

2) в 1936 г. Орская экспедиция ГАИМК провела раскопки памятников, разрушаемых в ходе строительства железной дороги Орск – Ново-Аккермановка. Экспедиция, возглавляемая ленинградским археологом Г.В. Подгаецким, работала двумя отрядами. Первый отряд под руководством самого Подгаецкого исследовал андроновский могильник у поселка Ново-Аккермановка и курган на 14-м километре железной дороги Орск – Ново-Аккермановка. Второй отряд во главе с К.В. Сальниковым работал на курганном могильнике кочевников РЖВ у аула Джанатан к востоку от Орска.

Б.Н. Граков, судя по его переписке с О.А. Кривцовой-Граковой, изначально планировал сам проводить раскопки разрушающихся памятников, приехал в Оренбург и Орск для заключения хоздоговора, который так и не состоялся. О прекращении хлопот по его

заключению мы знаем по краткой телеграмме Гракова: «Порвал Кипарисовым работы не начал выезжаю Москву» (И жизнь..., 2011. С. 143–144, 146)*.

Если суммировать научные результаты новостроечных работ 1933 и 1936 гг., то главным их итогом, помимо выявления множества памятников, было уточнение особенностей андроновской культуры в восточном Оренбуржье и расширение ареала сарматской культуры на восток. Все исследования проводились с соблюдением методических требований того времени, своевременно и качественно вводились в научный оборот.

Что же касается организации археологической деятельности непосредственно в Оренбурге, то следует признать обоснованность мнения Б.Н. Гракова о «ненормативном положении дел с исследованием археологических памятников в Оренбургской области» (И жизнь..., 2011. с. 143). 8 апреля 1936 г. была образована Оренбургская областная комиссия по охране памятников революционного движения, Гражданской войны, искусства, культуры и археологических памятников (курганов, городищ, селищ, стоянок, могильников). Как было сказано в решении президиума Оренбургского облисполкома, это было сделано «в целях сохранения памятников революционного движения, домов, связанных с историческими событиями и археологических памятников» (ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 566 Л. 8, 104). Однако, судя по отзывам приезжих ученых, эффективность этого учреждения была крайне низкой: Б.Н. Граков называл его «мертворожденное дитя Сальникова» (И жизнь..., 2011. С. 143), а Г.В. Подгаецкий отмечал, что Комиссия за несколько месяцев собиралась лишь один раз (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 – 1936. № 293/1. Л. 4). Поэтому единственной местной организацией, хоть сколько-нибудь занимавшейся археологической деятельностью, являлся Оренбургский (с 1938 г. Чкаловский) краеведческий музей. Это вполне соответствовало установкам государства: так, в постановлении I Всероссийской археологической конференции музеев системы Наркомпроса РСФСР (1939 г.) было сказано, что местные музеи «являются не только хранилищами вещественных источников <...>, но и исследовательскими центрами, осуществляющими ответственную работу по добыванию и изучению археологических памятников» (ГАОО. Ф. Р-2554. Оп. 1. Д. 42. Л. 43).

Следует, однако, заметить, что археологическая деятельность музея была напрямую увязана с личностным фактором – сотрудниками, в интересы которых входила археология. В начале 1930-х гг. таким подвижником археологии был Иван Антонович Зарецкий (1856–1936). Он неоднократно предпринимал разведочные поездки по Оренбургской области, выявлял новые памятники, в 1935 г. вел раскопки могильников РЖВ и средневековья в Акбулакском районе (Евгеньев, 2016). Б.Н. Граков отзывался о Зарецком довольно резко: «он еще очень крепкий старик, но инертен и вял» (И жизнь..., 2011. С. 143), что можно списать на его недовольство перераспределением финансирования на археологические работы в пользу музея, распоряжавшегося финансами не в полной мере.

Преемником И.А. Зарецкого, скончавшегося в ходе разведочной поездки в 1936 г., в археологической деятельности музея стал Константин Владимирович Сальников (1900–1966) – фигура, знаковая для уральской археологии. В 1935–1937 гг. он работал архивистом-консультантом в Областном архивном управлении и сотрудником Оренбургского краеведческого музея. Южноуральская археология была ему хорошо знакома: начиная с 1929 г. он работал в Оренбуржье и Западном Казахстане под началом Б.Н. Гракова. Именно в качестве сотрудника музея К.В. Сальников принял участие в работе Орской новостроечной экспедиции. А летом 1937 г. он впервые произвел раскопки срубных курганных могильников в Западном Оренбуржье – у села Погромного Тоцкого района.

Нельзя не упомянуть работу К.В. Сальникова по популяризации археологической науки. В частности, он практиковал проведение для местного населения экскурсий на месте раскопок. В 1940 г. он опубликовал в альманахе «Степные огни» научно-

* Телеграмма не датирована, предположительно относится к первой половине июля 1936 г., когда Б.Н. Граков находился в Орске. Уже 22 июня 1936 г. начала формироваться экспедиция во главе с Г.В. Подгаецким. Ф.В. Кипарисов (председатель ГАИМК) в августе 1936 г. был арестован и в дальнейшем приговорен к высшей мере наказания.

популярную статью «Курганы Чкаловской области», знакомящую читателей с основными этапами древней истории Южного Предуралья и с наиболее знаковыми памятниками.

После переезда К.В. Сальникова в Челябинск в 1937 г. археологическая деятельность музея закономерно приостановилась – фигур масштаба Сальникова или Зарецкого в штате музея не было. К тому же весь период 1920-х – 1930-х гг. для музея был временем перманентной борьбы с организационными и финансовыми трудностями, не располагавшей к научно-исследовательской работе.

В 1940 г. К.В. Сальников вернулся в Чкаловскую область, однако об археологической работе речи не шло. Он преподавал бухгалтерию в Учебном комбинате ЦСУ Госплана, читал курс «Основы археологии» в Чкаловском пединституте, работал учителем истории и арифметики в семинарии села Ждановка, в 1944–1946 гг. – заместителем ответственного секретаря газеты «Чкаловская коммуна». В переписке с директором Челябинского музея И.Г. Гороховым К.В. Сальников сетовал на то, что «черт-Гитлер меня лично лишил любимого дела». В то же время ученый констатировал: «забыть свое любимое дело я, конечно, просто не в силах. Буду жить надеждами на будущее и по мере возможности ... ковыряться» (Валиахметова, 2020. С. 306, 308).

После войны К.В. Сальников переехал в Свердловск и к оренбургской археологии возвращался в дальнейшем лишь единожды, обследовав в 1950 г. Еленовский микрорайон памятников позднего бронзового века. Археологические исследования в Оренбургском Предуралье вновь приобрели регулярный характер лишь в 1950-е годы – с началом исследований Южно-Уральской (Оренбургской) экспедиции ИА АН СССР, возглавляемой К.Ф. Смирновым, а также в связи с работой в краеведческом музее С.А. Попова.

ЛИТЕРАТУРА

Валиахметова З.А., 2020. «Дорогой Иван Гаврилович!...»: из переписки К.В. Сальникова и И.Г. Горохова 1941–1945 годов // Гороховские чтения: материалы одиннадцатой региональной музейной конференции. Челябинск: ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала». С. 305–311.

Евгеньев А.А., 2016. «Надо продолжать путь». Археологическая деятельность в Оренбуржье Ивана Антоновича Зарецкого // Кадырбаевские чтения–2016. Материалы V Международной научной конференции. Актобе. С. 248–253.

Евгеньев А.А., 2018. Работы Б.Н. Гракова на Южном Урале и в Западном Казахстане в 1930-е гг. в контексте развития советской археологии // Маргулановские чтения–2018. Духовная модернизация и археологическое наследие. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Алматы – Актобе. С. 242–245.

И жизнь..., 2011. И жизнь, и слезы, и любовь... / сост. А.Г. Плешивенко. Запорожье: ООО «ЛИПС» ЛТД. 368 с.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.28-30>

Е.Н. Жукова
(Тверь)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1930-е ГОДЫ

Археологические исследования, проводившиеся в 20-е гг. XX в. на базе общественных краеведческих организаций губернии, к середине 30-х гг. полностью перемещаются в поле деятельности соответствующих государственных структур. Это областной музей и педагогический институт. Кадровый состав участников кардинально меняется. Все меньше становится краеведов-любителей, и все более древности Верхней Волги привлекают интерес профессиональных археологов. Из активных участников краевед-

ческого движения 20-х гг. и дореволюционного времени, занимавшихся изучением древней истории края можно назвать только А.Н. Вершинского, профессора Калининского пединститута. Как и в 20-е гг., в предвоенное десятилетие разведочные работы и раскопки на территории области проводят начинающие профессиональные археологи, такие как Л.Я. Крижевская, М.В. Талицкий, С.А. Тараканова. Определяющим фактором становятся масштабные полевые исследования в рамках решения социально-экономических задач модернизации советского общества. Экспедиционные исследования становятся плановыми, находящимися в непосредственной зависимости от реализации строительства народно-хозяйственных объектов: гидросооружений, реконструкции городов.

На территории Тверской области работала экспедиция ГАИМК под руководством О.Н. Бадера. В 1933 г. Отто Николаевич провел обследование Тверского кремля и принял решение о проведении полевых изысканий в городе Калинин. Весной 1934 г. О.Н. Бадер был приглашен кафедрой истории СССР пединститута «... для прочтения лекций и производства пробных раскопок курганов» (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 455. Л. 12). Предполагалось, что эти работы будут проводить либо Бадер, либо Вершинский. От Калининского пединститута была подана заявка на открытый лист для этих исследователей. Однако для проведения полевых работ в область был направлен сотрудник экспедиции ГАИМК Н.П. Милонов. К этому времени он уже имел опыт изучения курганов Верхневолжья в Конаковском и Кимрском районах (Глинники, Заборье, Пекуново). С 1934 г. Н.П. Милонов начал работать в Тверском музее в должности старшего научного сотрудника, а также на кафедре истории СССР Калининского пединститута на условиях внештатного сотрудника и почасовой оплаты.

С 1934 по 1941 г. была обследована территория Тверского кремля, в 1938 г. студенты пединститута под руководством А.Н. Вершинского и Н.П. Милонова принимали участие в раскопках городища, селища и курганной группы на р. Медведице, в 1939 г. была организована экспедиция в район д. Дуденево Калининского района (раскопки курганов и городища раннего железного века), были организованы работы по исследованию Торопецкого городища. В 1940 г. А.Н. Вершинский руководил раскопками 6 курганов у д. Мельниково Калининского района.

К сожалению, инновации в области полевой методики не коснулись работ Калининского пединститута. А.Н. Вершинский работал в рамках полевой археологии начала XX в., а деятельность Н.П. Милонова не отвечала основному требованию полевого исследования – тщательной фиксации изучаемого памятника. Отсюда и некая поспешность выводов и слишком широкие обобщения, не подкрепленные фактами, свойственные Н.П. Милонову. Наиболее существенным недостатком полевых работ Вершинского и Милонова являлось, отмеченное в отзыве ИИМК, плохое качество графической части отчета: не применялся квадратно-секторный прием раскопок, не было общей привязки стратиграфии раскопок к единой системе координат. Все это сопровождалось плохим качеством чертежей, ошибками в нивелировочных отметках, отсутствием фотографий. О недобросовестном отношении к делу свидетельствуют отзывы на работы Н.П. Милонова ведущих археологов, его современников – Н.Н. Воронина, А.В. Арциховского. В частности А.В. Арциховский отмечает: «... обидно читать упрек, делаемый Гроздову, Чагину и Танцорову, копавшим эти курганы в 1870 г. (по всей видимости, курганная группа у с. Михайлово-Прудово. – Е.Ж.). Упрек в малоценности работы и в отсутствии "научной фиксации". Курганные инвентари этих исследований изданы и для науки не погублены, а их преемник через 70 лет свой материал губит» (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 9. Л. 10). П.Н. Третьяков указывал на неверную интерпретацию объектов полевого исследования, например, древесный тлен в погребениях дуденевских курганов А.Н. Вершинский принял за футляры вещей. А.В. Арциховский отметил в качестве недостатка в печатной работе по итогам исследований на р. Медведице неиспользование метода археологических аналогий при построении хронологических определений и, как следствие этого, неточные выводы о времени функционирования археологических памятников.

Полевые работы по изучению средневековой истории региона были запланированы и на 1941 г., однако начавшаяся Великая Отечественная война в очередной раз меняет как состав участников полевых работ, так и приоритеты в научных исследованиях.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.30-31>

Р.С. Зоря
(Казань)

К БИОГРАФИИ УЧЕНОГО: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.Ф. КАЛИНИНА ВО 2-й ПОЛОВИНЕ 1930-х – КОНЦЕ 1940-х ГОДОВ

Николай Филиппович Калинин (1888–1959) – известный казанский исследователь, музейный работник и педагог. Область его научных интересов была чрезвычайно обширна: привлекали ученого вопросы топографии и краеведения г. Казани, истории и археологии Волжской Булгарии, Казанского ханства. Большое внимание Н.Ф. Калинин уделял охране памятников культурного наследия (*Ситдииков, Старостин, 2002*).

Высшее образование Николай Филиппович получил в Казанском университете в 1906–1910 гг. Из архивных данных известно, что его научным руководителем был М.М. Хвостов. Курс средневековой истории читал В.К. Пискорский, а курс русской истории – Н.Н. Фирсов (НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 5. Оп. 41. Д. 26. Л. 134). После окончания университета молодой Калинин, в основном, занимался преподаванием истории и географии в школах, где он создавал краеведческие кружки. Как ученый-исследователь он сформировался в середине 1920-х – нач. 1930-х гг.

Ввиду целого ряда причин, в 1930-е гг. в ТАССР центром историко-краеведческой и археологической (в меньшей степени) деятельности становится Центральный музей (*Хакимова, 2011. С. 18*). Николай Филиппович, возглавлявший историко-археологический отдел (до 1936 г.; в 1938–1946 гг. работал в качестве старшего научного сотрудника), являлся чуть ли не единственным местным профессиональным археологом, прошедшим обучение в Казанском университете и воспитанным в традициях региональных научных сообществ.

В те годы археологическая наука в Казани переживала тяжелые времена – помимо проблем с финансированием, музейным организациям была дана установка изучать не отвлеченное прошлое, а заниматься политико-пропагандистской работой. Археологическая деятельность, в основном, сводилась к проведению охранных работ. Так, Н.Ф. Калинин еще в августе 1933 г. составил план археологических работ по республике, куда входили работы на Болгарском городище и Казанском кремле. Однако раскопки в г. Казани были осуществлены только в октябре 1934 г. (у стен кремля) и в мае 1935 г. (во дворе ТатЦИКа, где сотрудники цветочного хозяйства начали возведение парников и оранжереи) (ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Ех. 293. Л. 7–8). Работы на Болгарском городище начались в 1938 г. (совместно с А.П. Смирновым) и проводились ежегодно до 1941 г. – далее помешала война (*Руденко, 2014. С. 77–78*).

В 1939 г. в республике произошло два знаменательных для региональной науки события: был создан Татарский научно-исследовательский Институт языка, литературы и истории, а в Казанском университете возрожден историко-филологический факультет (*Ситдииков, 2012. С.10*).

В годы войны Н.Ф. Калинин совмещает работу в ЦМ, ИЯЛИ (с 1939 г.) и КГУ (с 1941 г.). Немногочисленные археологические изыскания осуществлялись в рамках экспедиций по изучению болгаро-татарской эпиграфики. Так, в августе 1942 г. в результате визуального осмотра и сбора подъемного материала было открыто Альменевское городище в ЧАССР, а в 1943 г. проведены небольшие работы на Болгарском городище (АИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Ех. 76. Л. 2).

С момента начала педагогической деятельности Николая Филипповича в КГУ был введен курс археологии. Исследователь прекрасно осознавал необходимость подготовки местных специалистов и понимал, что археологическое изучение памятников

ТАССР невозможно осуществить усилиями одного-двух человек. Особенно остро встал вопрос о нехватке кадров в 1945 г., после 1-го Всесоюзного археологического совещания, на котором перед учеными была поставлена задача составить археологическую карту ТАССР.

Курса «Введение в археологию», программа которого была рассчитана на 50 часов, явно не хватало. В 1946 г. Николай Филиппович создал студенческий кружок и археологический кабинет, где учащиеся получали практические знания. Работы в кружке способствовали раннему формированию исследовательских навыков и стремление к самостоятельной научной деятельности у студентов. Если в 1945 г. в экспедициях Н.Ф. Калинина работал только 1 студент историко-филологического факультета, то к 1948 г. их было уже 9, причем трое были назначены начальниками отрядов. Также учащиеся участвовали в раскопках Болгарского городища под руководством А.П. Смирнова.

Одновременно с созданием кружка Н.Ф. Калинин выступал за введение в КГУ археологической специализации (в форме отдельной кафедры археологии и этнографии), превращение кабинета в полноценный археологический музей и активно работал над учебной программой по основам археологии. План предусматривал 4-х летнее обучение и включал программы по общему курсу археологии, археологии местного края, археологии Волго-Камского региона и методике археологии (АИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 2. Ех. 103. Л. 22–27).

Как хороший руководитель и наставник, Н.Ф. Калинин пытался устроить дальнейшую научную судьбу своих воспитанников и после выпуска из университета. Его инициативы, организация научных работ, научная и педагогическая деятельность оказали значительное влияние на развитие археологической науки в Татарстане. Созданный и возглавляемый Н.Ф. Калининым студенческий кружок при КГУ стал для будущих исследователей замечательным научным полигоном, а некоторые его выпускники впоследствии стали известными историками и археологами (Т.А. Хлебникова, А.Х. Халиков).

В данной работе мы рассмотрели лишь некоторые аспекты деятельности Николая Филипповича. Представляется, что фигура исследователя, его труды, научное и творческое кредо заслуживают более пристального внимания со стороны историографов и нуждаются в более глубоком осмыслении.

ЛИТЕРАТУРА

Руденко К.А., 2014. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования». 767 с.

Ситдинов А.Г., Старостин П.Н., 2002. Николай Филиппович Калинин. 1888– 1959. Казань: Изд-во КазГУ. 24 с.

Ситдинов А.Г., 2012. Н.Ф. Калинин и его роль в развитии археологии в Казанском университете // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого кружка Казанского университета. Казань: Изд-во «ЯЗ». С. 10–13.

Хакимова А.З., 2011. Роль краеведческой работы в изучении и популяризации историко-культурного наследия Татарстана в 1920–2000-е гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань. 28 с.

**БАЗОВЫЙ КУРС ПО АРХЕОЛОГИИ А.В. АРЦИХОВСКОГО
НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ:
ПЕРВЫЕ ГОДА ЧТЕНИЯ**

Введение ежегодного базового курса «Основы археологии» для студентов-историков Московского университета связано с именем основателя кафедры археологии А.В. Арциховского, начавшего читать соответствующий годовой курс с 1937/1938 учебного года. Это знаковое событие имеет определенную предысторию.

Археологию в Московском университете преподавали, начиная с учреждения здесь в 1804 г. (согласно университетскому Уставу) Отделения словесных наук с целым рядом курсов (или кафедр, в терминах того времени), среди которых была и кафедра «теории изящных искусств и археологии». Этот курс предполагал преимущественно искусствоведение и в основном касался классической античности, порой с освещением искусства других цивилизаций. Археологию в понимании, более близком современному – как изучение вещественных источников – в Московском университете начал регулярно с 1880-х гг. преподавать Д.Н. Анучин: на кафедре антропологии, затем на кафедре географии и этнографии (при историко-филологическом и, затем, физико-математическом факультете). Это была профессионально-профилированная подготовка в контексте знаменитой анучинской «триады» (археология, антропология и этнография), не предполагавшая чтение общего курса археологии студентам-гуманитариям и продолжавшаяся вплоть до конца 1920-х гг. Причем с 1919 г. Д.Н. Анучин (он скончался в 1923 г.) и его ученики преподавали эту дисциплину на вновь организованной кафедре антропологии физико-математического факультета МГУ (Канторович, 2019. С. 24–25).

Параллельно развивалась подготовка археологов в рамках Археологического отделения, созданного В.А. Городцовым в 1921 г. на факультете общественных наук. Но и здесь, несмотря на обширный тематический охват, который предполагала всеобъемлющая программа, разработанная В.А. Городцовым (Канторович, 2009. С. 210–211), общеархеологический курс для студентов-гуманитариев не предусматривался, тем более, что студентов-историков в СССР как таковых не было до восстановления исторического образования в 1934 г. В этом году был открыт исторический факультет Московского университета, и неизбежно встал вопрос о разработке общего курса «Основы археологии» для историков. Соответствующий курс был создан А.В. Арциховским – учеником В.А. Городцова, выпускником Археологического отделения.

Лекции курса «Основы археологии» были адресованы студентам-историкам всех специальностей (первоначально на 3-м курсе их обучения, позднее эта базовая дисциплина была перенесена на 1-й курс). А.В. Арциховский исходил из того, что археология – наука историческая, следовательно, с одной стороны, все историки, вне зависимости от их дальнейшей специализации, должны прослушать курс основ археологии, с другой стороны, студенты, специализирующиеся по археологии, должны овладеть всей суммой исторических знаний без каких-либо исключений. Поэтому с 1937 г. курс «Основы археологии» в Московском университете (а вслед за ним и по всей стране) стал обязательной составляющей частью высшего исторического образования, и в том же году студенты-историки из МГУ впервые приняли участие раскопках на Славне в Великом Новгороде под руководством А.В. Арциховского (Арциховский, 1949. С. 120).

Успех курса «Основы археологии» был во многом обусловлен педагогическим талантом А.В. Арциховского, который сам читал курс и принимал по нему экзамены у всех студентов. Артемий Владимирович осознавал и необходимость издания специального учебного пособия по археологии. Реализацией этой задачи А.В. Арциховский занимался практически все годы своей лекционной деятельности. Первоначально, в 1938 г. была напечатана программа курса (31 лекция), в том же году появилось стекло-

графическое издание текста этих лекций (тираж – 200 экземпляров), а в 1940 г. вышло из печати первое издание пособия «Введение в археологию» (допечатка в 1941 г.), в котором количество лекций было сокращено до 30, поскольку археология Древнего Рима теперь излагалась в рамках не трех лекций, как ранее, а двух (Арциховский, 1941). В 1947 г. было издано фактически новое учебное пособие под тем же названием, а в 1954 г. опубликован классический учебник А.В. Арциховского «Основы археологии» (переиздан в 1955 г.), ставший ориентиром для всех последующих учебников, созданных на кафедре археологии МГУ (учебники «Археология СССР» и «Основы археологии» Д.А. Авдусина и учебник «Археология» под редакцией В.Л. Янина). Таким образом, к изданию учебника по читаемому им курсу Артемий Владимирович шел в течение 17 лет, что говорит о его чрезвычайно высокой требовательности к себе как преподавателю и исследователю.

Впечатляет тематический охват курса, разработанного А.В. Арциховским. Курс был рассчитан на два семестра или на сдвоенное чтение в рамках одного семестра. Изначально, согласно опубликованной программе, лекции 1–5 были посвящены каменному веку и энеолиту, причем четверем из них присущ глобальный охват, а в пятой также речь идет о широкой территории, поскольку она посвящена неолиту и энеолиту СССР, причем энеолит, в условиях невозможности вместить в рамки курса весь материал из СССР, представлен на примере Триполья. Впоследствии в стеклографическом издании лекций и в соответствующем пособии эти лекции предварялись еще одной, вводной, характеризующей место археологии в системе исторических наук и, обзорно, историю важнейших археологических открытий (но регулярные отсылки к истории науки содержались и в следующих лекциях).

Лекции 6–10 были посвящены бронзовому веку, причем по целой лекции отведено древнейшим передневозточным цивилизациям – Вавилонии и Египту, также охвачена Западная Европа, отдельно освещены юг СССР и север СССР.

Лекции 11–22 были посвящены раннему железному веку и ныне не выделяемому «среднему железному веку», при этом охвачены и Западная Европа с гальштатской и латенской культурами, и античная археология (в том числе северопричерноморские колонии), и скифо-сибирский мир, и сарматская эпоха, и греко-бактрийские древности, и «алано-хазарская эпоха» в степях, и Закавказье, и лесная зона Восточной Европы (дьяковская, ананьинская, пьяноборская культуры).

Лекции 23–31 были посвящены средневековью и началу Нового времени: здесь и Западная Европа (Меровинги и Каролинги), и Ближний Восток, и Волжская Болгария, и половцы, и домонгольская Русь, и Золотая Орда, и Московское царство вплоть до Смутного времени.

Очевидно, именно по примеру лекционного курса А.В. Арциховского аналогичный курс начали читать в МИФЛИ: здесь в осеннем семестре 1937 г. его читал Ю.В. Готье (Архив кафедры археологии МГУ / МИФЛИ. Кафедра археологии. Оп. 1. Папка 1. Д. 1). Затем, в 1938 и 1939 гг. 60-часовой курс «Основы археологии. Первобытная археология» в рамках одного семестра (то есть «сдвоенный» курс) читал В.А. Городцов (Архив кафедры археологии МГУ / МИФЛИ. Кафедра археологии. Оп. 1. Папка 1. Д. 2). С 1939–1940 учебного года 60-часовой курс «Основы археологии» (также в рамках одного семестра, то есть «сдвоенный» курс) начал читать Б.Н. Граков (Архив кафедры археологии МГУ / МИФЛИ. Кафедра археологии. Оп. 1. Папка 1. Д. 2; папка 3. Д. 16; папка 7. Д. 31, 41).

Курс Б.Н. Гракова, будучи во многом сходным с курсом А.В. Арциховского, имел ряд существенных отличий. Он предусматривал значительно большее внимание характеристике методики и истории археологии, этим сюжетам были посвящены лекции 1–6, то есть в этом отношении курс Б.Н. Гракова был более специальным. Лекции 7–13 были посвящены каменному веку, лекции 14–21 – эпохе палеометалла (при этом, наряду с Месопотамией и Египтом, характеризовались также хеттская цивилизация и цивилизация Хараппа, к которым А.В. Арциховский в своем курсе не обращался). Лекции 22–32 характеризовали ранний железный век Евразии, включая античную цивилизацию. При

этом гораздо меньше внимания, нежели в курсе А.В. Арциховского, уделялось археологии Средневековья – ей Б.Н. Граков отводил только лекции 31–32, обзорно характеризуя славяно-русскую археологию и археологию Хазарского каганата, Волжской Болгарии и Золотой Орды.

Таким образом, изначальной особенностью лекционного курса «Основы археологии» и, соответственно, пособий и учебников А.В. Арциховского было беспрецедентное в преподавании археологии соединение в едином изложении первобытной, античной и средневековой науки о древностях (Янин, Канторович, 2015. С. 10–12).

ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский А.В.*, 1941. Введение в археологию. М.: Заоч. отд-ние МГУ. 132 с.
- Арциховский А.В.*, 1949. Раскопки на Славне в Новгороде // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1 / Отв. ред. Н.Н. Воронин. М.: Изд-во АН СССР. С. 119–151. (МИА. № 11)
- Канторович А.Р.*, 2009. Заметки о преподавательской деятельности В.А. Городцова в Московском университете // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева / Отв. ред. А.Е. Мусин. Великий Новгород; СПб; М: Леоп-Арт. С. 309–313.
- Канторович А.Р.*, 2019. К предыстории кафедры археологии исторического факультета МГУ // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 24–26.
- Янин В.Л., Канторович А.Р.*, 2015. К 75-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. № 3. С. 5–45.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.34-35>

Л.Ю. Китова
(Кемерово)

СИБИРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ДО И ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К концу 1930-х гг. в Сибири почти не осталось археологов и учреждений, которые могли бы заниматься археологическими исследованиями или предоставлять желающим высшее историческое образование со знаниями и навыками по археологии.

С 1929 по 1937 г. была уничтожена вся краеведческая археология в Сибири, закрыты краеведческие организации, арестованы и расстреляны десятки сотрудников. Из профессиональных археологов в сибирских музеях остались ученики В.А. Городцова – В.П. Левашёва и С.М. Сергеев, правда, им тоже приходилось вести борьбу за существование. После того, как у В. П. Левашёвой в 1937 г. были расстреляны муж и отец, ее уволили из Минусинского музея, выселили из квартиры с двумя маленькими дочерьми. Однако она не сдалась, боролась и была восстановлена на работе. В.П. Левашёва в 1930–1944 гг. в основном проводила небольшие изыскания в окрестностях Минусинска. Много усилий она прикладывала к созданию археологической экспозиции музея, систематизации и хранению археологических фондов. Благодаря ее деятельности в годы войны были сохранены многие археологические коллекции. Кроме того, она ежегодно участвовала в исследованиях С.В. Кисёлева и Л.А. Евтюховой в Южной Сибири.

С.М. Сергеев, будучи директором Бийского музея, в 1932 г. был исключен из членов коммунистической партии как случайно попавший в нее. В 1934 г. он был переведен директором в Ойротский (Горно-Алтайский) музей, который находился в состоянии полного развала. С.М. Сергеев провел большую работу по воссозданию экспозиции музея, по формированию и учету его фондов, по налаживанию научной деятельности музея. Тем не менее, в 1937 г. после доноса он был отстранен от работы, однако ему удалось вернуться в Бийский музей, в котором он оставался научным сотрудником до дня

кончины в 1947 г. С.М. Сергеев открыл и исследовал на Алтае многие памятники от эпохи палеолита до средневековья. Он внес весомый вклад в создание Бийского музея и формирование его фондов. До сих пор по содержанию археологических коллекций Бийский музей является одним из богатейших в Сибири. Немалую лепту С.М. Сергеев внес и в образование Горно-Алтайского музея, в дело охраны древних памятников. Самые крупные археологические исследования он провел в 1930 г. по заданию конторы «Новоэкспорт» и в 1935 г. участвовал в работе Саяно-Алтайской экспедиции под руководством С.В. Кисёлева.

Томский краевой музей практически не вел археологические исследования. Только в 1938–1939 гг. сотрудник музея Н.А. Чернышев проводит археологические разведки вокруг Томска в радиусе более 100 км. Обнаруженные 100 памятников наносятся на археологическую карту края, но в отчете отсутствуют как подробное описание памятников, так и какие-либо культурные и хронологические привязки (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1 – 1938. Д. 71). Такие рекогносцировочные работы показательны для сибирских музеев в конце 1930-х гг. На более обширные и значительные исследования они не имели ни сил (кадров), ни средств. Если и появлялись в сибирских музеях специалисты высокого уровня, то часто они даже не успевали себя проявить. Так случилось с Р.П. Митусовой, антропологом, этнографом, археологом, ученицей Ф.К. Волкова и С.И. Руденко, которая в 1920-е гг. проводила широкие палеоэтнологические исследования в Обь-Тазовском районе. В 1935 г. она поселилась после ссылки по делу Русского музея в Кемерово и была назначена директором Кемеровского краеведческого музея, однако уже в 1937 г. она снова была арестована и приговорена «тройкой» НКВД к расстрелу.

В сибирских университетах (Томск, Иркутск) историческое образование было возрождено только в 1940 г. Правда, отчасти проблема исторического образования в 1930-е гг. в Сибири была решена за счет создания педагогических и учительских институтов в Томске, Иркутске, Новосибирске, Омске, Барнауле. В Красноярском пединституте исторический факультет был открыт в 1942 г., в Тюменском – в 1945 г., но археологией в тот период во всех вышеперечисленных вузах не занимались. Годы Великой Отечественной войны не способствовали развитию археологии в стране, хотя Томск получил ссыльных археолога-античника, профессора К.Э. Гриневича и филолога, профессора А.П. Дульзона. Появление таких исследователей и преподавателей во второй половине 1940-х гг. резко выделило Томск как центр подготовки историков, привлекло студентов историко-филологического факультета ТГУ к занятию археологией. Систематические исследования в Томской области К.Э. Гриневич и А.П. Дульзон начали еще в 1944 г. И не смотря на то, что в 1948 г. была проведена очередная «чистка», К.Э. Гриневич был уволен из университета и уехал из города, именно в Томске будут созданы в 1950-е гг. наилучшие условия для развития исторических исследований в целом, археологических в частности. А.П. Дульзон продолжил исследования памятников позднего средневековья в низовьях р. Чулым и на правобережье Оби в 1950-е гг. Главные задачи в области археологии он видел в решении проблем этногенеза коренных народов Сибири.

Возобновление исследований в Красноярском крае связано с именем Э.Р. Рыгдыло-на, который в 1945–1949 гг. проводит небольшие, в основном рекогносцировочные работы на юге. В 1947 г. в Минусинской котловине начинает раскопки археолог Абаканского музея А.Н. Липский.

В Иркутске научная жизнь едва теплилась. П.П. Хороших в конце 1940-х гг. смог вернуться из западносибирской ссылки в Иркутск. Он практически стал единственным археологом и этнографом в городе. Исследователь занимался сбором подъемных материалов, открытием новых памятников, однако самостоятельных раскопок не вел. Его интересы были сосредоточены на пещерах Сибири.

Все масштабные, систематические и планомерные исследования до Великой Отечественной войны и после нее проводились в Сибири учеными из Москвы и Ленинграда: С.В. Киселёвым, Г.П. Сосновским, А.П. Окладниковым, С.И. Руденко, М.П. Грязновым и В.Н. Чернецовым. Именно эти изыскания сформируют основные направления археологических исследований в Сибири на вторую половину XX в.

ВСЕСОЮЗНОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ 1945 ГОДА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ПОСЛЕВОЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ*

Всесоюзное Археологическое совещание состоялось в феврале – марте 1945 г., когда территория СССР уже была освобождена от врага, однако война еще была далека от завершения. Факт проведения Совещания является общеизвестным. Оно неоднократно упоминается и в советской, и в новейшей российской научной литературе (*Гайдуков и др.*, 2019; *Кудрявцев, Володин*, 2020), чаще всего, в контексте выработки плана археологических исследований в СССР на послевоенные годы. Вместе с тем, масштаб и значимость этого события для развития советской и российской археологии видятся гораздо шире.

Во-первых, в 1945 г. была твердо восстановлена преемственность советской археологии с дореволюционным периодом истории отечественной археологической науки. В подготовительных документах и на самом Совещании в выступлениях было прямо заявлено о продолжении традиции дореволюционных археологических съездов уже без опасения назывались имена классиков русской археологии (за редким исключением). В 1945 г. на волне патриотического подъема и ослабления идеологического пресса государства, в отличие от времени конца 1920-х гг., советская власть уже не боялась сравнений с дореволюционным периодом развития отечественной науки, не опасалась конкуренции со стороны идеологически чуждых представителей «старой школы» (часть из них была физически уничтожена в 1930-е гг.). На Совещании были впервые подведены итоги археологических исследований в дореволюционной России и СССР, и они рассматривались в неразрывной связи. Советская археология к этому моменту могла с гордостью говорить о существенном развитии научного знания практически по всем периодам – от палеолита до древнерусского времени, географически – от Белоруссии и Украины до Средней Азии и Дальнего Востока.

Во-вторых, было успешно усилено централизованное планирование исследований в масштабах Советского Союза. Был принят и опубликован перспективный пятилетний план археологических исследований в СССР, включающий Украину и Белоруссию и с учетом развития археологии в Казахстане, Средней Азии и Закавказье (*Итоги...*, 1945). Такой централизации и планирования исследований удалось достичь впервые в истории отечественной археологической науки.

– В-третьих, Совещание 1945 г. – важнейший этап в истории Института археологии РАН (тогда – Института истории материальной культуры АН СССР), который именно с этого момента окончательно замыкает на себе и систему выдачи Открытых листов, и сбор отчетов о полевых исследованиях в Научном архиве института. Совещание закрепило ведущую роль московского ИИМК в структуре археологических учреждений РСФСР, переведя центр управления археологической наукой из Ленинграда в Москву. Этим шагом был подведен итог многолетней борьбе московской и ленинградской (петербургской) археологических школ и четверти века соперничества и определенной раздробленности научных институтов в масштабах Союза ССР.

– В-четвертых, существенное внимание было уделено вопросам охраны памятников. В материалах Совещания подведены итоги развития законодательства в РСФСР и фактически совершен переход к упорядочению общесоюзного законодательства по этим вопросам. Начиная с 1941 г. коллективом московской части ИИМК проводилась работа по фиксации разрушений, произведенных оккупантами на нашей земле. Эвакуация в тыл музейных коллекций и архивов спасла тысячи бесценных памятников культуры и искусства. К концу войны государственная политика в области охраны памятни-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-40115 (Древности).

ков существенно поменяла ориентиры в направлении сохранения национального достояния и культурных ценностей.

Основным источником по истории Совещания являются его материалы (Итоги..., 1945), оперативно опубликованные уже в 1945 г. под редакцией академика В.П. Потемкина. Показателен состав авторов сборника: Н.М. Бачинский, В.Д. Блаватский, А.Я. Брюсов, Н.Н. Воронин, Е.И. Горюнова, Б.Н. Граков, П.П. Ефименко, А.В. Збруева, С.В. Киселёв, А.П. Круглов, А.В. Мишулин, Т.С. Пассек, Б.Б. Пиотровский, Б.А. Рыбаков, С.П. Толстов, П.Н. Третьяков, П.Н. Шульц, А.Ю. Якубовский. Это представители первого – собственно советского – поколения исследователей в российской археологии. Среди участников совещания есть и представители более старшего поколения, но они уже не претендуют на руководящую роль в науке. Именно эта состоявшаяся смена поколений сделала Совещание возможным в таком масштабе. Все предшествующие попытки в 1920-е – начале 1930-х гг. созвать Всесоюзный археологический съезд не увенчались успехом, а масштабные репрессии 1930-х гг. подорвали саму веру в успех этого предприятия.

Важным и недооцененным источником по истории отечественной археологической науки являются стенограммы и протоколы Совещания, которые сейчас готовятся к публикации (АРАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 7–17).

События, происходившие внутри научного цеха археологов, неразрывно связаны с определяющими векторами развития государства. Централизация всех процессов, возвращение в науку имен предшественников, постановка конкретных научных задач по проведению экспедиций на реперных памятниках и в малоизученных регионах – ко всему этому археологическая наука России была готова еще с момента основания Российской академии истории материальной культуры. Но ей пришлось вместе со всей страной пройти через период отречения от своего исторического прошлого, репрессий, идеологических чисток. С Всесоюзного археологического совещания 1945 года – преемника Всероссийских археологических съездов – начинается новейший период отечественной археологии.

ЛИТЕРАТУРА

Гайдуков П.Г., Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., 2019. Из истории Института археологии РАН в 1920–1940-е годы // Институт археологии РАН: 100 лет истории / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 11–15.

Итоги..., 1945. Итоги и перспективы развития советской археологии (материалы для делегатов Всесоюзного Археологического совещания) / под ред. В.П. Потемкина. М. б/и. 196 с.

Кудрявцев А.А., Володин С.А., 2020. Всесоюзное археологическое совещание 1945 года и его влияние на археологию СССР в послевоенный период // Липецкая археологическая конференция молодых ученых: материалы Всероссийской археологической научной конференции с международным участием, 6–7 октября 2020 года / отв. ред. Р.В. Смольянинов. Липецк: ЛГПУ. С. 144–147.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.37-39>

И.Л. Кызласов
(Москва)

К СТАНОВЛЕНИЮ ГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ. ПОСЛЕВОЕННАЯ БАЗА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ АРХЕОЛОГА-ФРОНТОВИКА

Изучение личного архива и домашней библиотеки Л.Р. Кызласова, как и в иных подобных случаях, позволяет на примере конкретной судьбы понять многие общие особенности, отличавшие советскую археологию.

Пройдя фронт, Л.Р. Кызласов прямо из госпиталя приезжает в Москву, поступает в МГУ и в 21 год становится учеником С.В. Кисёлева.

Сергей Владимирович в те годы – профессор кафедры археологии и заместитель директора ИИМК АН СССР, один из ведущих археологов страны. Его роль в науке, широту и глубину знаний проявляют публикации рассматриваемого периода. Помимо активной и разносторонней южносибирской деятельности, именно им написаны сводные обзоры о 25-лети советской археологии (1942, 1944), двух военных ее годах (1943), экспедициях ИИМК 1945 г. и планах работ на 1946–1950 гг. (1946), об открытиях памятников эпохи бронзы в СССР за 25 лет (1944/1946) и исследованиях первого послевоенного пятилетия (1951, 1952), рецензии на монографии коллег о раскопках в Триалети (1942), древней культуре Узбекистана (1946) и историческом пути народов Якутии (1946), греческой колонизации Северного Причерноморья (1948) и истории первобытного общества (1949), об археологическом поприще Д.А. Анучина (1947).

Сразу после войны, в 1946 г. С.В. Киселёв и Л.А. Евтюхова возобновляют работы в Хакасии, а в 1947 г. начинают исследования в Туве, почти неведомой в археологическом отношении. К раскопкам гуннского дворца на Абакане и широкому полевому обследованию Тувинской котловины привлечен студент Кызласов. В 1948 г. он проводит раскопки и разведки уже в Центрально-Казахстанской экспедиции, руководимой А.Х. Маргуланом. В следующем 1949 г. Л.Р. Кызласов защищает дипломную работу «Алтай в V–X вв.». Иными словами, в университетские годы археолог Кызласов получает, как сказали бы ныне систематизаторы науки, цельную кочевниковедческую подготовку.

Однако состав его формирующейся библиотеки свидетельствует о том, что со студенческой молодости Леонид Романович профессионально готовил себя к полевому изучению сложных архитектурных объектов. Особенности отыскания и постижения храмовых комплексов постигались по ранним публикациям Пенджикентской экспедиции. С первого года ее работы в 1946 г. (тогда Верхнезарафшанский отряд Согдийско-Таджикской, затем Таджикской археологической экспедиции, руководитель А.Ю. Якубовский), на городище древнего Пенджикента для раскопок был избран Объект 1 – как и предполагали, оказавшийся городским храмом. В 1947–1948 гг. он был полностью раскопан А.М. Беленицким, затем приступившим к исследованию второго храма, существовавшего неподалеку (Объект 2).

В студенчестве Л.Р. Кызласов не мог, конечно, предвидеть того, что в грядущих 1953–1954 гг. возглавит Чуйский археологический отряд Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР и проведет поныне знаменитые раскопки на развалинах Суяба – столицы Западнотюркского каганата (городище Ак-Бешим). Однако к выходу в семиречинское поле он уже настолько хорошо представлял себе первоначальный облик руин и архитектурные особенности пенджикентских храмов, что сумел среди сотен бугров огромного городища выделить те, которые имели характерную конфигурацию сакральных раннесредневековых построек. Впервые в Средней Азии были археологически изучены буддийский храм и несторианская церковь. Оценивая уровень профессионализма, проявленного 29-летним ученым, следует сказать, что это были первые и единственные его городские раскопки, проведенные в Средней Азии.

Много лет спустя именно Леонид Романович Кызласов отыскал в ходе полевых работ и сразу правильно понял, что скрывали большие бугры, стоявшие в Хакасии посреди поселка станции Ербинская и возделанных полей на 34-м километре трассы Абакан–Аскиз. Раскопки их впервые обогатили науку монументальными кирпичными храмами, стоявшими в городах раннего средневековья в тех краях, которые числились исконными кочевыми пространствами и были вдоль и поперек исхожены археологами нескольких поколений.

В личной библиотеке аспиранта Л.Р. Кызласова, последовательно появляются четыре изданных в Ереване тома, посвященные раскопкам 1936–1949 гг. Б.Б. Пиотровского развалин урартской крепости VII–VI вв. до н.э., скрытых холмом Кармир-блур. Позднее к ним добавился и фундаментальный обобщающий труд Б.Б. Пиотровского «Ванское царство (Урарту)».

В необходимости познаний, полученных при археологических исследованиях древнего Кармир-блур или раннесредневекового Пенджикента, Л.Р. Кызласова, возможно, убедило участие в раскопках дворца в Хакасии в 1946 г. Через много лет этот накопленный опыт изучения памятников городского зодчества привел к совершенно новой историко-культурной оценке самого гуннского дворца на р. Абакане. Пока китайцы спорили о его датировке, увязывая ее с событиями, происходившими гораздо позднее и в иной, не названной в источниках местности, Л.Р. Кызласовым была показана та ближневосточная традиция текстуры, планировки, строительной техники и системы отопления, согласно которой было сооружено дворцовое здание. Для демонстрации устойчивости, исторической глубины и широты распространения этих западноазиатских архитектурно-строительных канонов были использованы и дворцовые комплексы Урарту.

Самостоятельно поставленная перед собой большая задача и целенаправленная подготовка к ее разрешению привели к формированию специалиста, обладавшего уникальными знаниями, в результате упорного применения которых был открыт новый этап в истории южносибирской археологии, изначально изучавшей и по сей день преимущественно изучающей погребальные памятники-курганы. Вопреки взглядам на якобы извечную для Сибири и тюркских народов кочевую стихию, в казалось бы неплохо обследованных землях один-единственный археолог сумел обнаружить и с различной полнотой изучить городские памятники тюркшей и карлуков (VII–IX вв.) в Чуйской долине Кыргызстана, 17 городов уйгуров (VIII – первая половина IX вв.) в Туве, два го-рода и ряд каменных крепостей средневековых хакасов (середины VIII – начала XIII вв.) на Среднем и 6 городов древних монголов (XIII–XIV вв.) на Верхнем Енисее.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.39-41>

В.В. Левченко
(Одесса)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУЦИЙ В ОДЕССЕ В 1934–1941 ГОДАХ

Деятельность археологических институций в Одессе в указанный период продолжала осуществляться на фундаменте дореволюционной российской археологии. Организационная преемственность проявлялась в том, что национализированный в марте 1920 г. музей Одесского общества истории и древностей (ООИД) составил основу Одесского государственного историко-археологического музея (ОГИАМ), а открытую в 1934 г. кафедру истории древнего мира и археологии на историческом факультете учрежденного в 1933 г. Одесского государственного университета (ОГУ), возглавил профессор Б.В. Варнеке. В 1913–1919 гг. он же заведовал музеем ООИД.

В 1934–1941 гг. кризис системы высшего образования, отсутствие институций осуществлявших подготовку археологов, недостаток финансирования научных исследований, активное вмешательство государственно-партийных структур в деятельность вузов и научных обществ привели к тому, что штаты археологов оставались малочисленными. В конце 1930-х гг. в составе ОГИАМ работали 6 человек: директор К.А. Раевский, ученый секретарь М.Ф. Болтенко, сотрудники А.В. Добровольский, С.В. Дониц, В.И. Селинов, Г.Д. Штейнванд (О научной работе..., 1941. С. 142). Именно эта генерация, выросшая на традициях дореволюционной археологии, своей деятельностью сохраняла преемственность в развитии археологической науки в Одессе и определяла структуру, проблематику и основные ее направления.

Во второй половине 1930-х гг. экспедиции академических учреждений организовывались в соответствии с общесоюзным планом научно-исследовательских работ по археологии, контролировались ГАИМК им. Н.Я. Марра, ИИМК АН СССР, Управлением по делам искусства при СНК УССР. Отличительной чертой этого процесса явля-

лось преобладание научного интереса при выборе объектов полевых работ. Научные интересы обусловили возобновление работ в южном регионе УССР в первую очередь на тех объектах, начало исследования которых относилось еще к досоветскому времени. Например, экспедиции в Ольвию, последний досоветский сезон которых состоялся в 1917 г., были проведены в 1935 г. (Ф.А. Козубовский) и 1936–1937 гг. (Л.М. Славин).

Во второй половине 1930-х гг. южный регион УССР стал местом проведения систематических раскопок академических экспедиций при участии местных профессиональных кадров. Сотрудники ОГИАМ активно участвовали в работе академических экспедиций, эпизодически проводили и самостоятельные исследования: ученый секретарь М.Ф. Болтенко занимался исследованием так называемой усатовской культуры; заведующий отделом феодализма и торгового капитализма в причерноморских странах В.И. Селинов изучал древнегреческие поселения IV–III вв. до н. э. на основе материала, полученного в полевых археологических исследованиях (раскопки в 1936 г. в Ольвии и в 1937–1939 гг. в Лузановке вблизи Одессы); Г.Д. Штейнванд изучал историю греческих поселений. Полученные материалы пополняли фонды музея и находили отражение преимущественно в публикациях в местной прессе. Постепенно ситуация с материальным и техническим обеспечением изменялась в лучшую сторону. В конце 1930-х гг. ОГИАМ был размещен в специально приспособленном здании. Его просторные выставочные залы поражали обилием ценнейших памятников культуры Черноморского побережья (О научной работе..., 1941. С. 142).

Во второй половине 1930-х гг. произошел разрыв в отношениях между археологами всех учебно-научных учреждений Одессы. К дистанционированию друг от друга, как на личном уровне, так и на уровне институций их подтолкнула проводимая советской властью политика тотального контроля над проведением научных исследований, которая влияла на судьбы многих ученых. Как следствие, крупным недостатком в научной работе исторического факультета ОГУ была его изолированность от научной работы других исторических учреждений Одессы и СССР в целом. В области проведения археологических исследований ученые ОГУ не поддерживали научные контакты с сотрудниками ОГИАМ, которые в отличие от университетских коллег проводили активную исследовательскую работу по археологии. Вследствие этого, в программу научной сессии исторического факультета ОГУ, проходившей 14–18 апреля 1941 г., не был включен ни один доклад сотрудников ОГИАМ по археологии или по истории Причерноморья и Востока (О научной работе..., 1941. С. 141). Этот факт подтверждает и состоявшееся 11 апреля 1941 г. на историческом факультете ОГУ совещание историков Одессы, на котором присутствовало около 60 ученых. Один из присутствующих археологов – В.И. Селинов – отметил разобщенность историков города, подчеркнул, что в научном сборнике ОГИАМ, в котором принимали участие ученые из Киева и Москвы, не участвовали коллеги по историческому факультету ОГУ (О научной работе..., 1941. С. 142–143). Инициатива сотрудников ОГИАМ в налаживании научных взаимоотношений с коллегами СССР получила отображение в их планах организовать осенью 1941 г. научную конференцию, посвященную вопросам усатовской культуры. На конференцию были приглашены научные работники из Киева, Москвы и Ленинграда (О научной работе, 1941. С. 142), но начало войны не позволило реализовать задуманное.

На этом же совещании историков Одессы, проходившем 11 апреля 1941 г. на историческом факультете ОГУ, был поднят вопрос о возрождении публикации научных трудов одесских археологов в центральных академических изданиях. В ответ на выступление представителя редакции журнала «Историк-марксист» А.Л. Сидорова, сделавшего сообщение о плане работы печатного органа Института истории АН СССР, одесский историк В.И. Селинов выступил с инициативой. Он отметил, что поскольку в журнале «Историк-марксист» мало материалов по вопросам археологии, следовало бы заполнить этот пробел регулярными отчетами об исследованиях крупных археологических экспедиций и о работе научных конференций по археологии, в частности отводить гораздо

больше места на страницах журнала публикациям о результатах работы археологов по изучению Северного Причерноморья (О научной работе..., 1941. С. 142–144).

После многолетнего перерыва в практике публикации научной продукции в 1940 г. ОГИАМ подготовил сборник «Записок» (30 печатных листов), посвященный исследованию древней культуры северного побережья Черного моря. В 1941 г. он был набран, сверстан и сдан в печать (Синицын, 1960. С. 12). В том же году был подготовлен второй том «Записок», специально посвященный вопросам усатовской культуры (О научной работе..., 1941. С. 142). Из-за начавшейся войны оба тома не были изданы.

Для развития археологической науки в Одессе период с 1934 по 1941 г. оказался исключительно значимым: произошло расширение ареала исследуемых памятников, в научный оборот вводились новые материалы, требовавшие осмысления, постановки и решения новых задач.

ЛИТЕРАТУРА

О научной работе..., 1941. О научной работе историков Одессы и Киева // Историк-марксист. № 6. С. 140–147.

Синицын М.С., 1960. Развитие археологии в Одессе // Записки Одесского археологического общества. Одесса. Т. 1 (34). С. 7–14.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.41-42>

Н.М. Малов
(Саратов)

АРХЕОЛОГИЯ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ 1930-х – 1940-х ГОДОВ

Все 1930-е годы археология успешно развивалась в СГУ и краеведческих музеях Нижнего Поволжья. Саратовский государственный университет – первый региональный вузовский центр археологического изучения обширной территории юго-востока России. До 1937 г. его возглавлял профессор П.С. Рыков. Из выпускников СГУ под его руководством сформировалась провинциальная школа талантливых археологов. Выполняя постановление «О преподавании гражданской истории» в 1935 г. открыли исторический факультет СГУ, деканом которого назначили П.С. Рыкова.

До конца 1930-х гг., под руководством профессора планомерно проводили археологические экспедиции на территории Нижнего Поволжья. Исследования Павла Сергеевича внесли существенный вклад в изучение первобытных и средневековых культур степной зоны Восточной Европы. Летом 1937 г. П.С. Рыков сделал свои последние выдающиеся открытия при раскопках погребений эпохи средней бронзы в урочищах «Бичкин-Бурук» и «Три брата» республики Калмыкия. Из редких находок в европейской археологии бронзового века наиболее известны: наконечник копья-дротика из метеоритного железа, модель глиняной повозки, фрагменты деревянных колес и остатки от ковра.

Однако материалы этих исследований Павел Сергеевич не успел ввести в научный оборот, так как, возвратившись из калмыцкой экспедиции, был арестован по ложному обвинению. После того, как П.С. Рыкова и Н.К. Арзютова необоснованно осудили как «врагов народа», был ликвидирован НВИК (Малов, 2017. С. 403–406).

Дальнейшее развитие археологии в СГУ связано с именем И.В. Синицына (Максимов, Малов, 2000. С. 9–19). Иван Васильевич смог сохранить и в последующем опубликовать некоторые архивные материалы из раскопок своего учителя. В конце 1930-х гг. И.В. Синицын исполнял обязанности директора НВИК, после закрытия которого полностью стал работать на истфаке СГУ. Здесь он преподает дисциплины «История доклассового общества», «Основы археологии», а также руководит кафедрой археологии и этнографии. Дисциплина, читаемая Иваном Васильевичем в 1949 г., уже именовалась иначе – «История первобытного общества и основы археологии».

Весной 1939 г. он участвовал в работе Первой Всероссийской конференции музеев РСФСР (Первая..., 1939. С. 44, № 15; 48, № 20; 66, № 19). Конференция утвердила пятилетний план археологических работ, который на территории Саратовской области и Республики Немцев Поволжья от СОМК и музея г. Энгельса стал реализовывать Иван Васильевич. В экспедиционной деятельности участвовала группа студентов СГУ. В процессе сплошного обследования Саратовской области и изучения палеолита Поволжья предстояло исследовать памятники в бассейне рек Б. Иргиз, Терешка и Иловля, провести разведки в районе с. Теликовка. На территории Немреспублики планировались: раскопки курганов и стоянок на реках Еруслан и Тарлык, а также на окраине г. Энгельса. Результаты осуществленных полевых исследований Сеницын смог опубликовать только после окончания войны.

И.В. Сеницын выступал за организацию подготовки молодых специалистов- археологов. Поэтому с 1941 г. кафедра археологии и этнографии СГУ должна была начать привлекать студентов к экспедиционной работе, но этому помешала начавшаяся Великая Отечественная война.

В военные годы ряд музеев региона, обладавших и археологическими материалами, понес существенные потери. Сталинградский краеведческий и Калмыцкий историко-этнографический музеи перестали существовать. Сталинградский музей был разрушен, его экспонаты почти полностью погибли. Спасенную их часть, с некоторыми археологическими материалами, удалось эвакуировать. Невосполнимый ущерб коллекциям историко-этнографического музея Калмыкии нанесла фашистская оккупация г. Элисты. В августе 1941 г. их перевели на консервацию в Энгельсский краеведческий музей Республики Немцев Поволжья. С 10 октября 1941 г. для посетителей закрыли СОМК. Вскоре Саратов и область стали зоной оперативного тыла Сталинградского фронта. До августа 1943 г. ситуация с обеспечением надлежащего хранения фондов и экспозиции СОМК была чрезвычайной.

В апреле 1942 г. на базе СГУ возобновилась учебная и научная работа эвакуированного ЛГУ. Совместная деятельность коллективов объединенных университетов в прифронтовом Саратове протекала в тесном сотрудничестве. Находясь в Саратове, В.И. Равдоникас писал вторую часть учебного пособия «История первобытного общества». В декабре 1943 г. на заседании Ученого совета исторического факультета ЛГУ И.В. Сеницын защитил кандидатскую диссертацию по теме «Поселения родового общества на территории Нижнего Поволжья». Оппонентами были профессора В.И. Равдоникас и В.В. Мавродин.

Экспедиции СГУ, возглавляемые И.В. Сеницыным, возобновляют процесс послевоенного археологического изучения Нижнего Поволжья. Летом 1945 г. Иван Васильевич произвел разведки по трассе строительства газопровода Саратов-Москва. Во второй половине 1940-х годов он раскапывает курганы около с. Пролейки Сталинградской области, обследует районы северного Прикаспия и степной зоны Волго-Уральского междуречья.

ЛИТЕРАТУРА

Максимов Е.К., Малов Н.М., 2000. Профессор Иван Васильевич Сеницын – советский археолог XX века // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына. Саратов: изд-во СГУ. С. 9–19.

Малов Н.М., 2017. Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы) // Известия СГУ. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Т. 17. Вып. 3. С. 403–406.

Первая..., 1939. Первая Всероссийская археологическая конференция (10–13 апреля 1939 г.). М.: ГИМ. 69 с.

ПОДГОТОВКА НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ В ГАИМК: СУДЬБА АСПИРАНТА А.Х. МАРГУЛАНОВА*

В 1929–1930 гг. в соответствии с общей политикой перевода советской науки на марксистские позиции в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) начались радикальные структурные преобразования. Изменения обусловили острую необходимость «улучшить социальный и партийный» кадровый состав, пополнить штат учреждения новыми «идеологически правильными» сотрудниками и воспитать смену молодых ученых уже на основе марксистской методологии. С этой целью количество мест в аспирантуре ГАИМК в первой половине 1930-х гг. было значительно увеличено: если в 1925–1926 гг. там обучалось тринадцать человек, то в 1932 г. числилось уже сорок аспирантов.

Активно развернувшееся советское национальное строительство на территории СССР также выявило острую нехватку национальных научных кадров на местах. Экспедиционные исследования в союзных республиках для изучения национальностей и их территорий были в обязательном порядке включены в планы ГАИМК в 1930-х гг. Одновременно требовалось максимально вовлечь в работу национальные краевые организации, а также подготовить научных работников из «националов» на базе марксистско-ленинской теории. С 1931 г. аспирантура по распоряжению Наркомпроса должна была включать не менее 15 % представителей национальных меньшинств.

Именно по этой квоте и был принят в аспирантуру ГАИМК А.Х. Маргулан – будущий основоположник казахской школы археологии и этнографии. О жизни и деятельности ученого издано множество статей, но о периоде его жизни в Ленинграде в 1930-х гг., когда он был аспирантом ГАИМК, до сих пор известно мало. В Научном архиве ИИМК РАН удалось выявить материалы, характеризующие обучение А.Х. Маргулана в ГАИМК, и частично ввести их в научный оборот (Медведева, 2020). Протоколы заседаний Институты, документы аспирантуры ГАИМК, трудовая книжка, отчеты об учебе, план диссертации, финансовые ведомости, фотоколлекция из поездки 1932 г. – все это дало возможность проследить, как происходило поступление А.Х. Маргулана в аспирантуру, как менялись его научные руководители и тема диссертационного исследования, и чем все это было обусловлено. Однако самый главный биографический комплекс – личное дело аспиранта А.Х. Маргулана – по сведениям из учетных документов архива было отослано в 1938 г. в Москву в Управление подготовки научных кадров АН СССР на основании распоряжения заместителя директора ИИМК АН СССР. В результате архивных поисков обнаружилось, что дело хранится в Архиве Академии наук и содержит немало интересной информации, способной конкретизировать биографические данные ученого в целом и охарактеризовать период его жизни, связанный с ГАИМК / ИИМК АН СССР не только в Ленинграде (1931–1934), но и в Москве (1937–1939). В деле хранятся личные листки по учету кадров разных лет, написанные собственноручно А.Х. Маргуланом жизнеописание и заявления, материалы для зачисления в аспирантуру ГАИМК, различные характеристики, медицинские справки, переписка о восстановлении его в аспирантуре в 1937 г. и другие документы.

Сообщающиеся в них факты однозначно указывают на причину его отчисления из аспирантуры в 1934 г.: 29 июня 1934 г. он пытался совершить самоубийство, после чего попал в психиатрическую клинику. По воспоминаниям родных и коллег А.Х. Маргулана поводом для такого страшного поступка послужил арест и нахождение в застенках НКВД (Маргулан..., 1998. С. 489; Стукалина, 2004. С. 4), однако в документах Академии никаких подтверждающих данных пока не нашлось. В списках арестованных

* Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ РАН по теме государственной работы № 0184-2019-0010.

аспирантов/сотрудников ГАИМК его имя тоже не значится, хотя в ряде случаев такие перечни сохранились в архиве.

Период восстановления и возвращения к научной деятельности растянулся на несколько лет. Только в декабре 1937 г. А.Х. Маргулан обратился в Сектор спецаспирантуры АН СССР с просьбой дать ему возможность завершить работу над диссертацией. 1 февраля 1938 г. он был зачислен в аспирантуру Московского отделения ИИМК АН СССР, но и здесь ему не случилось защитить диссертацию. В июне того же года состоялось обсуждение работы А.Х. Маргулана, где ему было предложено внести правку и перенести защиту на 1939 г. Однако в декабре 1938 г. Комитет по заведыванию филиалов и баз АН направил его для продолжения научной работы в Казахский филиал Академии наук, с которым была связана вся его последующая плодотворная научная жизнь. Там он, наконец, защитил диссертацию, данные к которой собирал все эти годы.

Сложные жизненные обстоятельства во время учебы в ГАИМК в 1930-е гг. выпали не только на долю А.Х. Маргулана. 1920–1930-е гг. закрутили в трагическом вихре перемен судьбы многих людей. После революции 1917 г. талантливым представителям национальной молодежи был дан уникальный шанс получить разностороннее образование в крупнейших научных центрах России, которое они, вероятнее всего, никогда бы не смогли получить при другой исторической ситуации. Вся позитивность этого процесса была перечеркнута позже идеологическим давлением и репрессиями. Молодые энергичные ученые, обладавшие значительным потенциалом и страстным желанием развивать науку, гибли в жерновах репрессий либо утрачивали на долгие годы возможность полноценно заниматься научной деятельностью.

Годы обучения в аспирантуре ГАИМК / ИИМК АН СССР были очень непростыми для А.Х. Маргулана, но тем не менее, вероятно, именно они сыграли решающую роль в формировании его как археолога.

ЛИТЕРАТУРА

Маргулан..., 1998. Маргулан Алькей Хаканович [Краткая биограф.] // Казахи: Деяни-том. попул. справ. Алматы: IDK-ТИРО. Т. 2. Исторические личности. С. 488–490.

Медведева М.В., 2020. «В упорной борьбе за марксистскую историю материальной культуры...»: документы аспиранта ГАИМК Алькея Маргуланова из архивного собрания ИИМК РАН // ЭНОЖ «История». Т. 11. № 5 (91). С. 27.

Стукалина М., 2004. Осуществляя связь времен: К 100-летию академика А. Маргулана // Мысль. № 10. С. 2–6.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.44-47>

О.М. Мельникова
(Ижевск)

ОТ «КАМСКО-УРАЛЬСКОЙ БРИГАДЫ» В ИИМК АН СССР К ШИРОКОМАСШТАБНЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ НА УРАЛЕ

На протяжении XX века не раз изменялся научный археологический ландшафт Урала. С процессами централизации научных изысканий конца 1920-х – начала 1930-х гг. основные импульсы в развитии региональной археологии стали исходить из Москвы и Ленинграда.

В справочнике «Наука и научные работники Москвы», опубликованном в 1930 г., в разделе «Археология Урала» указаны две фамилии исследователей этого региона – П. Дмитриев и С. Матвеев. Последний был известен своими работами 1926–1927 гг. совместно с А.П. Смирновым по линии Главнауки в Удмуртии, а свои научные интересы связывал с древностями Приуралья, Поволжья, чудскими и финскими древностями (Наука..., 1930. С. 179–180). Однако после 1930 г. имя С.Г. Матвеева исчезает со страниц научной литературы.

Таблица 1

Археологические экспедиции ГАИМК / ИИМК на Урале в 1930-1941 гг.*

Название экспедиции	Год	Руководитель	Участники	Организаторы
Удмуртская	1930;1936	А.П. Смирнов	-	ГАИМК, ГИМ, Удмуртский краеведческий музей, УдНИИ при Правительстве УАССР
Уральская	1930-1932;1934;1936; 1939	Д.Н. Эдинг	-	ГИМ
Вятско-Камская	1930	Б.С. Жуков	О.Н. Бадер А.В. Збруева	Институт антропологии МГУ
Свердловская	1932; 1940	П.А. Дмитриев		ГАИМК, ГИМ; Свердловский музей
Камская (Средневологостройская)	1932–1937	А.В. Шмидт (1932); Н.А. Прокошев (1933–1937)	М.В. Воеводский (1933); А.В. Збруева (1933–1937); М.В. Талицкий (1935–1937); П.И. Борисковский (1935)	ГАИМК; МАЭ, Средневологострой, КамГЭС
Уфимская	1934	П.А. Дмитриев	К.В. Сальников	ГАИМК / ИИМК
Кировская	1938	Н.А. Прокошев	-	ИИМК
Прикамская (Пермская)	1938-1940	М.В. Талицкий	-	ИИМК, Кудымкарский музей
Чусовская	1940	Н.А. Прокошев	-	ИИМК

*Составлено по: (Археологические экспедиции..., 1962).

К 1930-ым гг. в Ленинграде (ГАИМК) и Москве (МОГАИМК), сложилась группа археологов, специализировавшихся на проблемах археологии Урала (в широком географическом контексте включавшего регионы по обе стороны Уральского хребта и Приуралья). А.В. Збруева, одна из этих исследователей, в предвоенной переписке с Н.А. Прокошевым постоянно упоминала о существовании «уральской группы» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 43. Арх. № 84. Л. 105 об.), группы «камчан» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 43. Арх. № 43. Л. 4 об.), «камско-уральской бригады» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 43. Арх. № 84. Л. 120) в лице А.В. Збруевой, А.П. Смирнова, М.В. Талицкого, П.А. Дмитриева. В связи с уральской тематикой она называет также работы Д.Н. Эдинга, Н.В. Чернецова, Т.А. Трофимовой, О.Н. Бадера. А.В. Збруева считала Н.А. Прокошева частью этой группы: «ведь Вы наш полпред в Ленинграде, а я Ваш полпред в Москве» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 43. Арх. № 84. Л. 49 об.).

Уже после Великой Отечественной войны О.Н. Бадер называл ключевой характеристикой исследований этих ученых «плановость и широкий размах» (Бадер, 1953. С. 4). Действительно, на протяжении 1930-х гг. на Урале и в Приуралье работало несколько крупных экспедиций ГАИМК / ИИМК (табл.1).

В апреле 1941 г. «камско-уральская бригада» планировала организацию «комплексной экспедиции для планового изучения Урала и Приуралья» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 43. Арх. Д. 84. Л. 105 об.). Были предприняты усилия по ее созданию. А.В. Збруева писала Н.А. Прокошеву: «Сегодня с Чебоксаровым обсуждали докл

[адную – О.М.] записку отн[осительно – О.М.] организации комплексной экспедиции. После разных хороших слов об актуальности вопросов этногенеза и работе, прод[ланной– О.М.] разными учреждениями по этой теме, решили предложить на 1941 г. конкретный план по след[ующим – О.М.] проблемам: 1. Взаимоотношения лесного и степного населения Приуралья и их культуры в ананьинскую эпоху, которая предшествовала формированию современных народностей (Работы Дмитриева и мои). 2. Этногенез Манси (работы антропологов и Чернецова). 3. Этногенез Коми (работы антропологов и Талицкого)» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 43. Арх. Д. 84. Л. 39).

Однако война помешала реализоваться этим замыслам, хотя работы в разных частях региона продолжались и в эти годы. Так, в Уральском университете на историческом отделении вплоть до своей гибели от дистрофии в 1943 г. преподавал археологию Н.Н. Бортвин, участник экспедиции под руководством П.А. Дмитриева. Е.М. Берс занималась сбором материалов к археологической карте Свердловской области. К.В. Сальников организовал археологическую экспозицию Оренбургского музея. Ученые, эвакуированные в Свердловск и Елабугу, стремились приложить усилия к археологическому изучению региона. В 1944–1945 гг. после кончины Н.Н. Бортвина А.А. Иессен читал в университете лекции по археологии. М.П. Грязнов и Е.М. Берс разобрали археологические коллекции местного музея. Елабужская группа ИИМК также осуществляла археологическую работу (Бадер О.Н., Оборин В.А., 1953. С. 179–186).

Важнейшая проблема послевоенного изучения Урала была связана с гибелью ученых, активно работавших до войны по уральской тематике: М.В. Талицкого, Н.А. Прокошева, П.А. Дмитриева и уходом из жизни в 1946 г. Д.Н. Эдинга (О научном наследстве..., 1953. С. 187–197).

Собирателем археологических сил для изучения Урала, основателем новой системы организации уральской археологии станет О.Н. Бадер, который в силу драматических обстоятельств начала Великой Отечественной войны окажется на Урале (Мельникова, 2003а). Ключевым событием для уральской археологии стало археологическое совещание, прошедшее в Перми с 20 по 24 апреля 1947 г. с целью «установления на новом, послевоенном этапе археологического изучения Урала научной преемственности по отношению к обширным исследованиям предвоенных лет, которые в большинстве своем оставались неопубликованными», «так же в подведении общих и некоторых частных научных итогов и разработке основных моментов общего плана археологического изучения Урала в 1947–50 гг.» (Мельникова, 2006. С. 74).

Преемственность замыслов для новой эпохи и новой генерации археологов была обозначена и серией статей о предшественниках, заложивших научные основы изучения археологии Урала в предвоенные годы (О научном наследстве..., 1953. С. 187–197).

Жизненность Уральским археологическим совещаниям как эффективному способу коммуникации между учеными способствовали принципы, заложенные О.Н. Бадером: рассмотрение региональных проблем археологии как части единых исторических процессов; максимально широкая кооперация столичных и региональных исследователей; интеграция университетской, академической и музейной археологической науки и краеведов; междисциплинарность как принцип изучения региона; привлечение молодежи к научным мероприятиям; информационная поддержка мероприятия в СМИ (Мельникова, 2016. С. 21–24).

Созданные О.Н. Бадером в Пермском университете кабинет археологии, специализация по археологии, музей археологии, Камская археологическая экспедиция, а также сами Уральские археологические совещания впоследствии станут воспроизводиться его учениками в многочисленных университетах и институтах обширного Урало-Поволжского региона.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические экспедиции..., 1962. Археологические экспедиции ГАИМК. 1919–1956 гг. М.: Изд-во АН СССР. 263 с.

Бадер О.Н., 1953 . Итоги шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947–1952) // Ученые записки Молотового государственного университета им. А.М. Горького. Труды Камской археологической экспедиции. Т. IX. Вып. 3. Харьков. С. 4.

Бадер О.Н., Оборин В.А., 1953. Археологические исследования на Урале в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Молотового государственного университета им. А.М. Горького. Труды Камской археологической экспедиции. Т. IX. Вып. 3. Харьков. С. 179–186.

Мельникова О.М., 2003. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск: УдГУ. 184 с.

Мельникова О.М., 2016. Уральское археологическое совещание как событие памяти и как реальность // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 25–29 октября 2016 г. Ижевск. С. 21–24.

Наука..., 1930. Наука и научные работники СССР: справочник. Ч.4. Научные работники Москвы / Сост. Комис. «Наука и науч. работники СССР» под наблюдением и непосредств. рук. С.Ф. Ольденбурга, Е.Ф. Карского. Л.: Изд-во АН СССР. 750 с.

О научном наследстве..., 1953. О научном наследстве советских исследователей археологии Урала Н.Н. Бортвина, П.А. Дмитриева, М.В. Талицкого. Д.Н. Эдинга, Н.А. Прокошева, Е.П. Аликина, П.Н. Топоркова // Ученые записки Молотового государственного университета им. А.М. Горького. Труды Камской археологической экспедиции. Т. IX. Вып. 3. Харьков, 1953. С.187–197.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.47-49>

Дж.З. Мирзаев
(Термез)

ТЕРМЕЗСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1936–1938 ГОДЫ)

Термез – один из немногих городов современного Узбекистана, которые сохраняют свое значение и в древности, и в средневековье, а также в новое время. Он принадлежал к числу тех городов Центральной Азии, чей генезис и эволюция протекали не в одном месте; где исторические памятники, отражающие все периоды их существования, являли взору исследователей непрерывную смену времени.

Термез – это огромная агломерация, составные разновременные части которой перемещались в пространстве и во времени на обширной территории внутри треугольника, заключенного между Амударьей и Сурхандарьей. Подобного рода агломерации являются характерной особенностью развития городов в Центральной Азии. Причины подобных перемещений внутри одной агломерации различны: разрушительные войны, изменения источников водоснабжения, социальные и религиозные кризисы.

Город расположен в самом центре легендарной области Бактрия на берегу могучего Окса – Амударьи. По обеим сторонам этой реки несколько тысячелетий назад, в эпоху бронзы сложилась блестящая цивилизация Бактрии, впоследствии ставшая средоточием великих культур Востока, симбиозом цивилизаций Востока и Запада. Одни бактрийские города, просуществовав отпущенный им историей срок, завершили его еще в глубокой древности, другие, пережив все перипетии истории, дожили до наших дней, превратились в современные города. Среди них – Термез, к которому, единственному из всех бактрийских городов история благоволила и благоволит сейчас. Термез, несмотря на все сложности своего жизненного пути, восстал из руин и пожарищ, перемещался с места на место, а в условиях независимости становится цветущим современным городом – главным форпостом, южными воротами Республики Узбекистан.

Древности Термеза уже с 80-х гг. XIX в. привлекали внимание посетителей, осматривавших его развалины и оставлявших беглые описания и зарисовки. Однако целенаправленное их изучение начинается с середины 20-х гг. XX в., когда наступила по-

ра широких археологических работ, сочетавших разведывательные поездки с систематическими раскопками и углубленным историко-культурным анализом извлеченных материалов. Исследования 1925–1934 гг., осуществленные Среднеазиатским Комитетом по охране памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарисом), экспедицией московского Музея восточных культур во главе Б.П. Денике, раскопки М.Е. Массона на городище Айритам, показали необходимость проведения комплексных исследований в этом регионе в более крупных масштабах. В течение трех полевых сезонов в 1936–1938 гг. работала Термезская археологическая комплексная экспедиция – ТАКЭ, созданная специально для изучения истории города Термеза.

Исследование осуществлялось в порядке опыта многопрофильной экспедицией, костяк которой составляли работники Узкомстариса при участии ИИМК, Эрмитажа, Центрального антирелигиозного музея в Москве и Сурхандарьинского окружного музея. Отдельные отряды экспедиции работали над изучением памятников первобытного общества в Термезе и его районе, общей исторической топографии, буддийских монастырей на возвышенностях Чингизтепа и Кара-тепа, городища Айритам, проводили раскопки мечети IX в., дворца термезских правителей XI–XII вв., жилого дома XII в., квартала металлостроителей, изучали вопросы истории водоснабжения Термеза и орошения его района, отдельные архитектурные памятники. Кроме того, прорабатывался ряд частных историко-археологических тем, и предварительно обследовались отдельные объекты.

При изучении памятников первобытного общества в рамках ТАКЭ А.П. Окладниковым был открыт грот Тешикташ, давший впервые в Средней Азии палеолитические памятники времени палеолита и скелет ребенка неандертальца. Самые ранние находки (кремни, фрагменты древнейшей крашеной керамики) на самом городище Старого Термеза относились к неолиту, а каменные орудия с городища Айртам к периоду верхнего палеолита.

В широком масштабе проводил раскопки в Чингизтепе Б.Б. Пиотровский. В статье М.Е. Массона впервые в специальном разделе исследованы находки, связанные с буддизмом. При работах был применен принцип определения и привходящих среди археологических комплексов остатков палеоботанического и палеозоологического характера. Исследованиями архитектуры занимались В.Д. Жуков, И.А. Сухарев, В.А. Шишкин, Г.А. Пугаченкова, Н.М. Бачинский и М.Е. Массон.

Детально изучена историческая топография Старого Термеза, В.А. Шишкиным был снят подробный план древнейшей части города. Были подняты и разрешены на данной стадии изучения многие вопросы, связанные с началом заселения территории городища. В.Д. Жуков изучил цитадель, заложив глубокий шурф. Выяснено, что первоначальный город был на месте средневековой цитадели и имел площадь около десяти гектаров. Самые ранние точно датированные находки, сделанные здесь, – монеты – относились ко времени греко-бактрийского царства. На фрагменте одного каменного сосуда встречен обрывок текста *кхароитхи*, впервые зарегистрирована находка надписи этим шрифтом на территории СССР. Установлено наличие нескольких периодов кладки крепостных стен из крупных квадратных сырцовых кирпичей домусульманского типа. Культурный слой цитадели превышал десять метров глубины. Исследователи пришли к выводу, что период кушанов был эпохой наивысшего расцвета домусульманского периода Термеза.

Разведочные работы Е.А. Пчелиной на Каратепе показали, что здесь есть остатки древнего буддийского монастыря полупещерного типа. На Каратепе и рядом с ним расположены руины сооружений *вихара*, *сангарамы*, *ступа*. В пещерах обнаружены процарапанные на стенках изображения ступы, а на штукатурке одного наземного сооружения встречены следы полихромной росписи с остатками изображений человеческих фигур.

Вопросами водоснабжения занимался Д.Д. Букинич, который выяснил, что основная система ирригационных магистралей была создана еще в домусульманский период, так как по берегам главных каналов открыты остатки поселений с керамикой кушанского времени.

Согласно исследованиям ТАКЭ, после X в. завершилась первая стадия развития Термеза как среднеазиатского города, в нем имелись *кала* – цитадель, город – *мадина*, пригород – *рабад*, окруженный стеной, и пригородная территория – *сурадикат*. Площа-

ди и улицы города были вымощены обожженным кирпичом. Раскопками В.А. Шишкина было определено, что к концу IX в. относятся остатки мечети вблизи минарета 1032 г. Здание ее было выстроено из обожженных кирпичей, имеет несколько массивных круглых кирпичных колон и принадлежит по плану к неизвестному до работ экспедиции типу мечетей. Ее *михраб* как бы сведен из девяти сомкнутых стволов полуколонок, образующих гофрированную поверхность.

Археологические раскопки показали, что на XI–XII вв. приходится период расцвета средневекового Термеза. Заново обожженным кирпичом были укреплены стены цитадели. *Мадина* был опоясан новым кольцом внутренних стен. Исходный *рабад* получил новую планировку, причем кварталы ремесленников достигали больших размеров. Так, квартал металлостов, изученный П.И. Князевым, занимал площадь свыше четырех гектаров. Отмечены были кварталы стеклодувов и керамистов. Вне *рабада* установлена территория, занятая кирпичными заводами.

В *рабаде* рядом с производственными кварталами располагались дома горожан. Одному из них принадлежало здание, в котором раскопана парадная комната с полом узорной кладки из жженого кирпича, такой же панели и алебастровой оконной решеткой со вставленными в гнезда *панджара* осколками разноцветного стекла. В широком масштабе В.Д. Жуковым проводились раскопки дворца термезских правителей, начатое исследованием экспедицией Музея восточных культур и Средазкомстариса в 1927 г. Парадный дворец занимал площадь около 7000 кв. м. Посреди обширного двора раскопан выложенный обожженным кирпичом *хауз*. Произведены полные раскопки аудиенц-зала, с роскошной штукатуркой и обнаружено много фрагментов полихромной росписи. При расчистке павильона встречено много стеклянных декоративных медальонов с надписями и с изображениями.

Итоги экспедиции изданы в двух томах и многочисленных статьях, что в результате привело к пересмотру прежних представлений о Термезе. Коллектив экспедиции рассматривал проведенные работы как «предварительный этап широкой разведки обширного городища Термеза». Напряженность социально-политической обстановки не позволила продолжить работу экспедиции в 1939 г. Также не увидел свет готовившийся обобщающий третий том ТАКЭ.

После долгого перерыва, с 60-х гг. XX в. до сегодняшнего дня продолжают работы различных экспедиций по изучению города Термеза. Но ни одно исследование истории Термеза не вправе игнорировать археологических данных или выводов исследователей ТАКЭ.

ЛИТЕРАТУРА

Массон М.Е., 1940. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ) // КСИИМК. Вып. VIII. М.-Л.: Изд-во АН СССР. С.113–116.

Пугаченкова Г.А., 2001. Роль ТАКЭ в изучении Старого Термеза // Термиз: Тарихий тадқиқотлар, илмий хулосалар. Тошкент: Абдулла Қодирий нашриёти. 14–17б.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.49-51>

А.А. Непомнящий
(Симферополь)

РАБОТЫ ПО ПОДГОТОВКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА (1935–1936)

Руководство Крымской АССР, согласно решениям общесоюзных учреждений, в середине 30-х годов XX столетия активно занималось преобразованием Южного берега Крыма во всесоюзную здравницу. С этой целью при Совете Народных Комиссаров Крымской АССР был создан Комитет по планировке Южного берега Крыма (руководил нарком Эмир-Салиев). Тогда же получила вторую жизнь еще досоветская идея строи-

тельства железнодорожной ветки от Севастополя до Ялты. Все побережье покрывалось сетью санаториев с обширными коммуникациями. В этой связи потребовалось скорейшее обследование этих территорий на предмет наличия археологических памятников, проведение археологических разведок и фиксация объектов, экспертиза их ценности. К этой работе в Комитете по планировке Южного берега Крыма были привлечены Н.И. Репников (сотрудник кафедры методики и техники полевых исследований Института феодального общества, успешно руководивший до этого рядом археологических экспедиций в Крыму) и Н.Л. Эрнст (заведующий археологическим отделом Центрального музея Крымской АССР). Территория разбита на секторы. Координировал исследования Алупкинский государственный дворец-музей, который в 1934–1937 годах провел совместно с Н.И. Репниковым и Н.Л. Эрнстом (с каждым отдельно) ряд экспедиций, в которых в роли руководителей также участвовали Я.П. Бирзгал и С.Д. Коцюбинский.

Исследователи тщательно проверяли все известные факты о памятниках района, в частности, сообщенные в «Крымском сборнике» П.И. Кёппена, обнаружили в описаниях пионера крымоведения огромное количество ошибок и неточностей. Ими были подготовлены многотомные описания памятников Южнобережья. На каждый памятник заводилась отдельная папка с обязательной фотофиксацией объекта. Сведения сверялись с известными материалами из архивов Москвы и Ленинграда (*Непомнящий*, 2019. С. 114–115). Все эти материалы были переданы на хранение в фонды Алупкинського государственного дворца-музея (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 25. Л. 2).

Н.Л. Эрнст отмечал, что наиболее значительными группами выявленных памятников древности на Южном берегу оказались: 1) «памятники доклассового, первобытного общества в виде стоянок людей каменного века на Яйле и на склонах гор, могильников тавров бронзового века, состоящих из больших гробниц, сложенных из четырех каменных плит с крышкой, так называемых дольменов, и стоянок этих же тавров; таких могильников с дольменами очень много на ЮБК; 2) римской эпохи – Римская крепость Харакс I–III вв. н. э., уже упомянутая выше, и склепные могильники этого же времени; 3) готские могильники раннего средневековья; 4) развалины греческих церквей, часовен и монастырей с VIII до XVII веков; 5) развалины греко-готских крепостей X–XIV веков, так называемых исаров; таких укреплений на скалах Южного берега найдено и обследовано 25, некоторые из них были до сих пор совершенно неизвестны; они представляют высокий научный и туристический интерес; 6) греко-готские могильники позднего средневековья; 7) развалины генуэзских крепостей; 8) остатки старых греческих и татарских деревень; 9) древности современных татарских деревень: старинные дома, мечети, кладбища с надгробиями; 10) памятники первой эпохи русской царско-помещичьей колонизации ЮБК, дворцы, помещичьи усадьбы, винные подвалы, парки и т. д.; 11) памятники дворянско-буржуазной колонизации ЮБК в эпоху капитализма, дачи, виллы, дворцы, особняки и т. д.; 12) памятники, связанные с пребыванием в Крыму выдающихся деятелей культуры писателей, художников, ученых и т. д.; 13) памятники революционного движения и Гражданской войны, могилы, места расстрелов, памятные здания и т. д.» (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 14. Л. 27).

На основе наработанных описаний ученые занялись составлением «Археологической карты Южного берега Крыма» с основательной легендой к ней в виде описания и атрибуции археологических объектов. Результаты этих работ были опубликованы в 1935 г. в сборнике «Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма». Материал «Историко-археологические памятники», подготовленный Н.И. Репниковым и Н.Л. Эрнстом по своим секторам, помещен без подписи. С учетом научного противостояния двух археологов ни один из них не давал согласия на публикацию материала в соавторстве. Очевидно, редакция сочла возможным самостоятельно обобщить полученные от обоих археологов материалы. В этом же сборнике была опубликована составленная Н.Л. Эрнстом «Карта историко-археологических памятников Южного берега Крыма» (Историко-археологические..., 1935; Эрнст, 1935).

После исследований археологов большая часть древностей, находящихся вблизи побережья, была уничтожена в связи с застройкой.

Подготовленная информация для археологической карты района имела еще одно назначение. 7 октября 1934 г. Крымский обком ВКП(б) принял решение о подготовке двух многотомных изданий «Истории народов Крыма» и «Советской энциклопедии Крыма». Уже в декабре 1935 г. задачи проекта были изменены. Партийное руководство постановило, что материалы двух многотомных изданий лучше будет обобщить в одном. Приняли решение выпустить «Полное описание Крыма» в 10 томах, два из которых посвятить истории и археологии края (*Непомнящий*, 2016). Материалы об археологических объектах Южного берега Крыма были переработаны в виде статей для энциклопедии. До нас дошел только подготовленный Н.Л. Эрнстом очерк «Источники изучения истории Крыма», которые предполагалось напечатать сначала в нескольких номерах журнала «Литература и искусство Крыма». Там отдельным корпусом выделены археологические источники. Так, материал, предназначенный для публикации в четвертом номере за 1936 г., сохранился. Он заканчивается словами, «продолжение следует» (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–32). Причем Эрнст уже успел внести запись об этой публикации в список своих трудов (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 12. Л. 1). Установлено, что издание обрывается после выхода второго номера за этот год. Рукопись сохранилась в личном архивном фонде историка (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–85).

ЛИТЕРАТУРА

Историко-археологические..., 1935. Историко-археологические памятники // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма: материалы районной планировки ЮБК / Комитет по планировке Южного берега Крыма при СНК Крымской АССР / Сост. Репников Н.И., Эрнст Н.Л. Симферополь: Госиздат Крымской АССР. С. 423–444.

Непомнящий А.А., 2016. Неизвестные проекты крымоведческих справочных изданий 30-х гг. XX в. // Библиография и книговедение. № 6. С. 80–87.

Непомнящий А.А., 2019. «Многие теперь прячутся...»: Б.Д. Греков и крымоведение 30-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. № 58. С. 112–116.

Эрнст Н.Л., 1935. Карта историко-археологических памятников Южного берега Крыма // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма: материалы районной планировки ЮБК / Комитет по планировке Южного берега Крыма при СНК Крымской АССР. Симферополь: Госиздат Крымской АССР. С. 440.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.51-53>

С.В. Палиенко
(независимый исследователь)

ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИА АН УССР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ И ИХ РЕШЕНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЖЕГОДНЫХ ОТЧЕТОВ)

История повседневности как направление в рамках истории археологии на постсоветском пространстве сейчас активно развивается. Однако исследования охватывают далеко не все периоды. Послевоенное время в истории археологии советской Украины является одним из наименее изученных. При этом события второй половины 1940-х, когда шло восстановление работы Института археологии АН УССР, пострадавшего в результате войны, рассматриваются Н.С. Абашиной и В.А. Колесниковой лишь в контексте общей истории учреждения (*Абашина, Колесникова*, 2015. С. 35–42). Поэтому данный доклад посвящен бытовым условиям и проблемам, с которыми пришлось столкнуться сотрудникам киевского Института археологии в ходе послевоенного восстановления. Основными источниками по данной теме являются отчеты о работе Института за 1946, 1947 и 1949 гг. из Научного архива ИА НАН Украины (Ф. 62. Оп. 1-дод., Д. 1946/2; 1947/2; 1949/2).

Если сравнивать Институт археологии АН УССР с ИИМК АН СССР в Москве и ЛОИИМК АН СССР в Ленинграде, то первый пострадал гораздо больше как в результате репрессий 1930-х гг., так и войны. Причем это касалось и кадрового состава, и материальной базы. Восстановление Института началось уже в 1944 г., когда, как указывают В.А. Колесникова и Н.С. Абашина, в апреле – июне был произведен небольшой ремонт помещений, вставлены окна, а также удалось отыскать и вернуть какую-то часть уцелевшей мебели, книг, архивных материалов и реставрационного оборудования. 7 июля 1944 г. вышло официальное Постановление Президиума АН УССР № 100 о возобновлении работы учреждения (*Абашина, Колесникова, 2015. С. 36*).

Восстановление продолжалось и в последующие годы, однако Институт испытывал недостаток квалифицированных кадров. Выходом стало привлечение иногородних специалистов, однако осуществить это было не просто, так как поначалу существовала проблема с жильем для уже работающих сотрудников. Так, в 1946 г. из-за отсутствия жилья от переезда в Киев отказался С.Н. Бибилов, при этом из 55 сотрудников учреждения 10 не имели своей жилплощади, а 6 семей были вынуждены жить прямо в помещении Института. Эта проблема существовала и в 1947 г., вследствие чего в ИА АН УССР незаполненными оставались шесть вакансий.

Во второй половине 1940-х гг. проводились и работы по приведению в порядок помещения Института, располагавшегося в здании по адресу: г. Киев, бул. Тараса Шевченко, 14 (теперь – Желтый корпус КНУ имени Тараса Шевченко). В 1946 г. Большой зал Института был перегороджен на 3 комнаты, что дало возможность обеспечить отдельными помещениями два отдела и бухгалтерию с хозяйственно-административной частью, закончено оборудование фотолаборатории и реставрационно-камеральной лаборатории, закуплена новая и отремонтирована старая мебель, в том числе и специальная для лабораторий. В помещениях поддерживались чистота и порядок, а в части комнат была произведена побелка. Институт был хорошо подготовлен к зиме и холодам: были переложены $\frac{3}{4}$ всех печей Института и построены 2 новые, а также своевременно завезено на склады необходимое топливо на весь отопительный сезон. В следующем году фотолаборатория была дооборудована, коридор Института был подготовлен под экспозицию выставки экспедиционных достижений – изготовлены витрины и стенды для экспонатов, а также были сделаны хозяйственная кладовая и помещение для топлива. Дооборудование лабораторий, а также пополнение имущества для хранения фондов, ремонт рабочих комнат и благоустройство рабочих мест сотрудников были произведены в 1949 г.

Существенно пополнился и автопарк Института. Так, в 1946 г. в дополнение к легковому автомобилю дирекции учреждение приобрело новую 1,5 тонную грузовую машину, а в следующем году – еще три. Правда, на их состояние негативно влияло отсутствие гаража. Тем не менее, машины поддерживались исправными и использовались во время полевого сезона.

Всем необходимым, насколько это было возможно, снабжались и экспедиции. Так, в 1946 г. свыше 40 экспедиций Института были обеспечены прозодеждой и прозобувью – по одной паре на всех сотрудников – участников экспедиций, полностью упаковочным материалом, частично раскопным инструментом, фиксационным материалом (тетради, чертежная бумага, канцелярские принадлежности), фотографическим оборудованием, измерительными инструментами. В 1947 г. удалось добиться обеспечения экспедиций наличными деньгами.

В 1946 г. Институт устроил постоянную выставку работ. А с конца 1940-х гг. проводилось пополнение библиотеки учреждения специальной литературой и периодическими изданиями.

При этом необходимо отметить, что данная деятельность требовала огромных усилий. В отчете за 1946 гг. сказано, что проведение всех этих работ было связано с большими трудностями, поскольку от Управления делами Академии наук УССР удавалось получить лишь небольшую часть всего того, что необходимо, а самостоятельным централизованным снабжением Институт был не в праве пользоваться. В 1947 г., в связи с

тяжелым финансовым положением, основные камеральные работы по экспедициям того года были перенесены на январь – май.

Таким образом, главной проблемой, мешавшей наладить работу ИА АН УССР после войны, было отсутствие жилья для сотрудников. Во второй половине 1940-х гг. Институт активно восстанавливался: ремонтировались помещения, закупалась мебель, оборудование для полевой и камеральной работы, пополнялся автопарк, благодаря чему учреждение смогло полноценно заработать.

ЛИТЕРАТУРА

Абашина Н.С., Колесникова В.А. (2015). Нариси історії Інституту археології. // Інститут археології Національної академії наук України. 1918–2014. К.: ВД «АДЕФ–Україна». С. 11–98.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.53-54>

Е.Г. Панкратова
(Санкт-Петербург)

УТРАЧЕННЫЕ ПИСЬМА ИЗ ФОНДА Н.Я.МАРРА В СОСТАВЕ СП6Ф АРАН: К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕТА АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ «ВРАГОВ НАРОДА» (1936–1939 ГОДЫ)

С начала 1930-х гг. архивная политика советского государства была нацелена на строгую регламентацию деятельности архивов. После начавшейся волны политических репрессий, количество обращений органов ОГПУ/НКВД в архивы стало несопоставимо количеству сотрудников, которые обязаны были исполнять «оперативно-чекистские» запросы. И.о. управляющего Центрального архивного управления (ЦАУ), В.Н. Мальцев* неоднократно обращался в НКВД, информируя об отсутствии необходимого кадрового резерва для данной работы, после чего ему было поручено разработать проект о передаче архивов в ведение НКВД. Основные его положения были изложены в записке «О состоянии архивного дела в СССР», после чего вся структура архивов была передана в ведение Главного архивного управления НКВД (ГАУ НКВД) (Хорхордина, 1994. С. 156). Безусловно, подобные изменения повлекли за собой не только повсеместные чистки архивистов, но и ведение особого контроля и учета документов «врагов народа».

21 марта 1938 г. сотрудникам всех секретных отделов архивов и учреждений были даны предписания, как обращаться с документами «врагов народа» (ЦГА. Ф. 924. Оп. 12. Д. 4. Л. 4). Согласно этим правилам, подлинные приказы, циркуляры, распоряжения, положения, инструкции, подписанные осужденными сотрудниками и не аннулированные последующими указами, хранились незасекреченными. Не засекречивались и протоколы заседаний, отчеты, доклады и служебная переписка. Личная переписка «врагов народа» неслужебного характера подлежала засекречиванию, после просмотра ее специально выделенной комиссией и с санкции ЦАУ, позже ГАУ НКВД, могла быть уничтожена. Фото, киноматериалы воспроизводящие отдельные исторические события (конгрессы, съезды, конференции, открытие новостроек) в которых заняты «враги народа» хранились в секретном порядке, а фото-кино и фоно-записи в которых враги народа выступали как основные или частные лица подлежали уничтожению (ЦГА. Ф. 924. Оп. 12. Д. 4. Л. 5). В Распоряжении ЦАУ от 21 июля 1938 г. было дано уточнение: выделенные секретные архивные материалы должны были сдаваться в государственные архивы из «учреждений, предприятий и организаций города Ленинграда» по истечении трех лет после архивирования (ЦГА. Ф. 924. Оп. 12. Д. 4. Л. 9).

Огромное количество архивных фондов и единиц хранения были полностью депортированы, либо вовсе уничтожены в ходе реализации данных распоряжений.

* Мальцев Владимир Николаевич (1891–1941) – руководитель Центрального архивного управления, начальник Главного архивного управления НКВД (1938–1939).

В качестве крайне показательного примера можно привести утраченные материалы из фонда академика Н.Я. Марра** (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1–9).

В 2018 г., в ходе проведения работ по выявлению материалов, относящихся к биографии Ф.В. Кипарисова, автор обратился к его письмам к Н.Я. Марру (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3.). В описи было обозначено изъятие писем из фонда по акту от 10 февраля 1939 г. В ходе фронтального просмотра третьей описи было установлено изъятие этим же актом писем еще 28 корреспондентов, среди которых: В.Б. Аптекарь (10 п.), В.Н. Бенешевич (21 п.), Г.И. Боровка (2 п.), А.С. Бубнов (3 п.), С.Н. Быковский (20 п.), Э.Д. Гримм (4 п.), Ф.В. Кипарисов (19 п.), Н.М. Маторин (3 п.), А.Г. Пригожин (12 п.), Н.И. Троцкая (2 п.), М.Л. Ширвиндт (1 п.) и др. Все выделенные корреспонденты были осуждены по различным пунктам 58 ст. УК СССР в 1931–1936 гг., после чего сосланы в лагеря, либо расстреляны.

При обращении к учетным документам фонда было выявлено «Дело о передаче материалов архива Н.Я. Марра в Спецчасть», крайние даты которого 16 декабря 1938 г. – 10 февраля 1939 г. При изучении документов этого дела выстраивается хронологическая последовательность событий. 16 декабря 1938 г., по соответствующему запросу, полученному из ЦАУ/ГАУ НКВД, и.о. директора ИИМК АН СССР М.И. Артамонов подготовил и направил в Спецотдел Ленинградских учреждений АН СССР уведомление об обнаружении писем «некоторых осужденных лиц», которые не подлежали просмотру в архиве. К письму была приложена опись данных писем, датируемая 10 февраля 1938 г. Через год, 10 февраля 1939 г., был составлен акт о передаче выделенных писем парторгом ИИМК АН СССР А.Н. Рогачёвым и заместителем заведующего кабинетом Н.Я. Марра, В.А. Миханковой заведующей Спецотделом АН СССР «тов. Гармаш»***. К сдаточной описи были составлены краткие сопроводительные комментарии о содержании переписки, подготовленные В.Н. Миханковой.

Вместе с основным объемом фонда 24 ноября 1950 г. данные письма в ЛО Архива АН СССР не вернулись. Не известно их местонахождение и в настоящее время, тем не менее, автор не теряет надежду на их обнаружение и восстановление пробелов в истории отечественной археологии, возникших в ходе преступных репрессий 1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

Хорхордина Т.И., 1994. Архивы и тоталитаризм (опыт сравнительно-исторического анализа) // Отечественная история. № 6. С. 145–159.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.54-56>

Н.И. Платонова
(Санкт-Петербург)

ВЛАДИСЛАВ ИОСИФОВИЧ РАВДОНИКАС НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ (ОТКУДА ПОШЕЛ ДЕНЬ АРХЕОЛОГА)*

Предвоенные годы стали для В.И. Равдоникаса периодом взлета – и научного, и карьерного. Удачи сопутствовали ему везде – в поле, за рабочим столом, в делах организационных. Он заслуженно считался автором лучшего в Европе исследования петроглифов. Был ключевой фигурой в редакции «Советской Археологии», создателем архео-

** Фонд археолога, филолога, академика (1912), вице-президента АН СССР (1930–1934) Н.Я. Марра был передан 10 июля 1935 г. его вдовой, Александрой Алексеевной Марр, в ГАИМК, где был принят по соответствующему акту и описи Ф.В. Кипарисовым. С 5 ноября 1935 г., согласно распоряжению А.С. Бубнова, в ГАИМК был организован научно-исследовательский кабинет им. Н.Я. Марра, где хранились архив и библиотека. 24 ноября 1950 г. все материалы были переданы на постоянное хранение в ЛО Архива АН СССР (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1–9).

*** В акте фамилия дана без инициалов, на настоящий момент сотрудник, принявший письма не установлен.

* Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0006 («Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей»).

логического отделения ЛГУ и первого учебника по истории первобытного общества. Студенты любили его как прекрасного лектора.

Важным фактором, обеспечившим Равдоникасу возможность занимать крупные посты в конце 1930-х, послужил, как ни смешно, его беспартийный статус. Исключение из РКПб в 1922 г., еще до начала борьбы фракций, отводило от него все подозрения в причастности к оппозиции. Когда в 1937–1938 гг. в университете и Академии наук поголовно репрессировали коммунистов-управленцев («эффективных менеджеров» начала 1930-х, занимавших все руководящие должности в научных учреждениях СССР), их посты стали замещать уже не большевиками, а учеными. В ряду новых руководителей оказался и В.И. Равдоникас.

На личном фронте дела его обстояли куда хуже. Первый брак, заключенный в юности, развалился в середине 1930-х, а второй (накануне войны) уже трещал по швам. Многолетняя работа на износ, перманентный стресс, неизбежный в эпоху Большого Террора, а также привычка снимать напряжение алкоголем не способствовали миру в семье.

Второй женой Равдоникаса была художница Людмила Иванова – его правая рука в экспедициях по исследованию петроглифов, художник-оформитель великолепного издания этих материалов, автор первой обложки «Советской Археологии». Письма В.И. к ней (Музей истории СПбГУ. Ф. 118) представляют собой редкий источник, характеризующий его с личной стороны.

Людмила Александровна эвакуировалась из Ленинграда с двумя детьми в первый месяц войны. Сам Равдоникас был внесен в списки докторов наук, которых по указу правительства должны были вывезти авиарейсами в начале ноября 1941 г. Он собирался лететь тем же бортом, что и директор ИИМК М.И. Артамонов. Но 7 ноября его арестовали, и это стало причиной дальнейших бед. Правда, следователь поверил в непричастность Равдоникаса к «пятой колонне», но эвакуация сорвалась. Оправиться от истощения, вызванного трехнедельным пребыванием на тюремном пайке, в условиях первой блокадной зимы оказалось невозможно. Запасов в доме не было – ведь члены семьи тоже рассчитывали на эвакуацию. Племянник и сестра В.И. умерли у него на глазах. В начале февраля 1942 г. его самого нашли в квартире едва живым, «в обществе двух трупов», и поместили в стационар (Тихонов, 2016. С. 15). Он выкарабкался. В июле того же года его, наконец, вывезли из города через Ладожское озеро – с последней группой эвакуируемых сотрудников ИИМК. Он оказался в Елабуге.

Здоровье было сильно подорвано. В последующие несколько лет Равдоникас постоянно попадал в больницу, и диагнозы были серьезные – малярия, холецистит, гепатит. Тем не менее, в эвакуации он напряженно работал – преподавал, вел археологические практики, дописывал второй том «Истории первобытного общества», подготавливал публикацию материалов Старой Ладogi. С женой они все же расстались в 1943 г., но продолжали писать друг другу: В.И. не мыслил жизни без своих младших детей.

В 1944 г. он был назначен заведующим ЛОИИМК. Затем получил орден Трудового Красного Знамени, был избран иностранным членом Норвежской академии наук и литературы, а после этого – членом-корреспондентом АН СССР. Отметим: к концу войны среди советских археологов вообще не осталось ученых с академическим статусом, кроме директора ИИМК А.Д. Удальцова. В такой обстановке избрание В.И. Равдоникаса было вдвойне почетно.

С сотрудниками Староладожской экспедиции ЛОИИМК, успешно продолжившей работы, у него сложились теплые отношения, лишённые, впрочем, всякого панибратства. Г.Ф. Корзухина** сохранила в своем архиве уникальный документ, писанный ее рукой 13 августа 1947 г. и названный «проектом»:

«Глубокоуважаемый и дорогой Владислав Иосифович!

** Корзухина Гали Фёдоровна (1906–1974) – археолог, крупнейший специалист в области средневековых художественных ремесел, раннеславянских и скандинавских древностей Восточной Европы. Автор ряда важных исследований о раннесредневековой Ладoge. В 1947 г. – к.и.н., сотрудник сектора Древней Руси ЛОИИМК. Работала в Староладожской экспедиции.

Просматривая календари, ленинградские археологи с большой грустью отметили, что ни один из дней года не носит названия «Дня советского археолога». В ожидании более авторитетных решений по этому вопросу, перед разездом в экспедиции, в качестве предварительного начинания, ИИМКовцы решили 15-го августа каждого года собираться там, где их застанет работа, и вспоминать принесенными с собою запасами, отсутствующих товарищей.

В осуществление этого мероприятия, мы предполагаем, перенеся 15-ое августа на 16-ое, которое будет субботой, собраться на лужайке на правом берегу Волхова вблизи от перевоза и осуществить там детский крик.

Мы все очень надеемся, что такая уважительная причина позволит Вам задержать Ваш отъезд, о котором говорят, и Вы захотите провести этот вечер в обществе искренне любящих Вас товарищей.

Староладожская группа ИИМКовцев.» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 52. Л. 24).

К «проекту» приложена пояснительная записка, появившаяся явно позднее, когда ежегодное празднование 15 августа уже стало реальностью:

«С этого начался “день археолога”.

Были посланы поздравительные телеграммы в экспедиции:

Киевскую (Каргер)

Боспорскую (Гайдукевич)

Ольвийскую^{***}

Ответил только В.Ф. Гайдукевич.

1947 г.» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 52. Л. 25).^{****}

Таким образом, замысел принадлежал самой Г.Ф. и был успешно воплощен в жизнь «авторитетным решением» заведующего ЛОИИМК. В.И. увлекся идеей, включился в игру и не поленился разослать от своего имени упомянутые телеграммы. Необходимость «сдвижки» празднования на субботу вполне понятна: дисциплина в экспедициях была военная. Работа на Староладожском раскопе начиналась в 8.00 и заканчивалась ровно в 20.00. А в субботу рабочий день кончался на 3 часа раньше.

Участниками первого «детского крика», устроенного на берегу Волхова в честь профессионального праздника, стали, помимо Г.Ф. Корзухиной и В.И. Равдоникаса, Г.П. Гроздилов, Ф.Д. Гуревич, С.Н. Орлов и Маро Агаронян (будущая зав. фотолабораторией ЛОИА). В числе студентов – участников экспедиции 1947 г. – были известные в будущем археологи – Г.И. Смирнова, Н.Н. Диков, А.А. Иерусалимская и др. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. 1947. Л. 2).

Драматические события 1948г., ставшие началом резкого перелома в судьбе В.И. Равдоникаса, до сих пор освещались в историографии односторонне, преимущественно, по мемуарным источникам и домыслам современников. Это заметно исказило его образ в глазах потомства и стало причиной серьезных ошибок в трактовке упомянутых событий. Но данный сюжет, безусловно, требует отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

Тихонов И.Л., 2016. Археологи ЛГУ в годы Великой Отечественной войны: Владимир Иосифович Равдоникас // Санкт-Петербургский университет. № 5 (специальный выпуск). С. 15–16.

^{***} Начальником Ольвийской экспедиции в 1947 г. был Л.М. Славин, начальником Ленинградского отряда – Т.Н. Книпович.

^{****}Выражаю искреннюю признательность Владимиру Ковалёву, обратившему мое внимание на архивное дело № 52 в личном фонде Г.Ф. Корзухиной.

АРХЕОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИ В ТАССР В 1938–1949 ГОДАХ

К концу 1930-х гг. археологическая деятельность в ТАССР существенно оживилась. Стимулировала ее резолюция I Всероссийской археологической конференции музеев НКП РСФСР (Москва 10–13 апреля 1939 г.), где был утвержден план археологических изысканий на Средней Волге на 5 лет в связи со строительством гидроузла в районе г. Куйбышева (областного). На территории ТАССР планировались стационарные раскопки на Болгарском городище, исполнение которых было поручено А.П. Смирнову (центральная часть городища) и Н.Ф. Калинин (периферия памятника). Помимо этого, на территориях, которые попадали под затопление водами водохранилища, должны были быть организованы разведки (Н.Ф. Калинин). Приоритет был отдан бассейну р. Казанки. Предусматривались и наблюдения на новостройках в Казани (Н.Ф. Калинин).

Базой археологической деятельности в Татарии стал казанский Центральный музей (ЦМТР), где в это время работали А.М. Ефимова, в 1920-х гг. принимавшая участие в археологических экспедициях, О.С. Хованская, учившаяся у археолога В.В. Гольмстен и Н.Ф. Калинин. Отметим, что в Казани был еще один человек, знакомый с полевыми археологическими изысканиями – З.А. Акчурина, ученица В.Ф. Смолина, с 1939 г. являвшаяся сотрудником ИЯЛИ КФАН СССР.

Первые шаги по реализации программы исследований были сделаны в 1939–1940 гг., когда начались раскопки в Болгаре (Руденко, 2014. С. 78). Но война перечеркнула все планы. А.П. Смирнов 7 июля 1941 г. ушел добровольцем в московское ополчение. Казанский музей осенью того же года был свернут, а сотрудники почти все уволены. В 1943 г. музей возобновил свою деятельность, А.М. Ефимова, О.С. Хованская и Н.Ф. Калинин вернулись в штат ЦМТР. А.П. Смирнов 15 января 1942 г. был демобилизован и, практически сразу, был включен в состав комиссии ГКО по определению ущерба, нанесенного фашистами археологическим памятникам и музеям в западной части СССР (Руденко, 2020. С. 22). В 1942–1943 гг. А.П. Смирнов также осуществлял руководство экспедицией особого назначения (ЭОН) на Средней Волге по заданию ГКО. В составе ЭОН были археологи ИИМК, эвакуированные в ТАССР в 1941–1942 гг. В 1943 г. П.П. Ефименко, С.И. и Н.М. Руденко и др. провели разведки и раскопки памятников от эпохи камня и до раннего железного века в Елабужском районе ТАССР (Руденко, 2014. С. 80–81). В 1944 г. эвакуированные ученые вернулись в Москву и Ленинград.

Задачи послевоенных археологических исследований в СССР были определены на мартовском (1945 г.) Всесоюзном археологическом совещании. Казанские археологи должны были следовать в своей работе довоенной программе. Уже летом 1945 г. Н.Ф. Калинин организовал небольшие разведки в окрестностях Казани и нижнем течении Казанки с участием А.М. Ефимовой и О.С. Хованской. Экспедиционный сезон продолжился раскопками под руководством Н.Ф. Калинина и А.П. Смирнова на Булгарском городище (Руденко, 2014. С. 77, 97, 101).

В 1946–1949 гг. на территории ТАССР осуществлялись археологические работы согласно довоенной программе. На средства ИИМК, ГИМ и ГМТР была организована совместная экспедиция под руководством А.П. Смирнова на Болгарское городище (с 1947 г. Н.Ф. Калинин в раскопках в Болгарах участия не принимал). Разведочные работы по Татарии финансировались ИЯЛИ и велись экспедицией КГУ и ИЯЛИ (в 1946 г. и ГМТР) под руководством Н.Ф. Калинина. В организационном плане, основной проблемой проведения полевых археологических исследований была нехватка археологов – всего 5 человек на республику. Хотя с 1945 г. в полевых работах стали принимать участие студенты казанских вузов, до конца 1950-х гг. эта проблема так и не была решена.

Основная тяжесть полевых изысканий и последующей публикации материалов раскопок легла на руководителей работ: Н.Ф. Калинина, А.П. Смирнова и их коллег:

О.С. Хованскую, А.М. Ефимову и З.А. Акчурина. На интерпретационную сторону публикаций определенное влияние оказали идеологические компании позднего сталинизма.

При относительно небольших объемах вскрываемой в Болгарах площади (Хлебникова, 1987. С. 83–84), результаты были впечатляющими. Были полностью изучены остатки армянской церкви и кладбища XIV в. (Греческая палата), могильник на Бабьем бугре, начато изучение укреплений Малого городка; выявлены гончарный и металлургические районы средневекового города, получены ценные антропологические материалы и важные данные по этногенезу Волжской Булгарии. Особенно стоит отметить окончательную разработку А.П. Смирновым стратиграфической шкалы Болгарского городища – эталонной для средневековых памятников Казанского Поволжья. В те же годы был сделан прорыв в изучении памятников эпохи камня и бронзы, а разведками охвачены 2/3 территории Татарии (Н.Ф. Калинин). Таким образом, первые послевоенные годы стали переломными в развитии археологии в ТАССР и становлении ее научных основ.

ЛИТЕРАТУРА

Руденко К.А., 2014. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: Школа. 768 с.

Руденко К.А., 2020. Казанские археологи в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) (по материалам переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой). Казань: Школа. 92 с.

Хлебникова Т.А., 1987. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука. С. 32–88.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.58-61>

С.Н. Савенко
(Пятигорск)

СПАСЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ГОРОДА МОЗДОКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРАКТИКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1930-х ГОДОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Ситуация в организации и осуществлении работ по изучению археологических памятников в нашей стране принципиально поменялась в 1930-е гг., с одной стороны в связи с разгромом краеведения и репрессиями в отношении ученых с дореволюционными корнями, с другой – из-за существенного расширения масштабов хозяйственного освоения территорий в рамках реализации государственных программ социалистической индустриализации и коллективизации. Археологические исследования в это время проводили в основном те представители центральных и местных учреждений, которые выстояли в условиях тяжелого лихолетья, потерпев при этом преследования, вписавшиеся в круг пролетарской культурной интеллигенции или, в меньшем количестве, реальные выходцы из народа.

К числу таких «выстоявших» относились, в частности, два юбиляра 2021 г. – заведующий, позже сотрудник Терского окружного музея (Музея краеведения) в г. Пятигорске Н.М. Егоров (1876–1965) и ленинградский ученый – кавказовед А.А. Иессен (1896–1964), познакомившиеся в связи с исследованиями памятников и музейных коллекций Пятигорья в 1928–1929 гг. и поддерживавшие научные и личные контакты до конца жизни (Савенко, 2017. С. 57–68). В ранний период обстоятельства сблизили их (а также других известных археологов страны – Б.Б. Пиотровского, М.А. Миллера, А.П. Круглова) на почве красноречивого примера истории археологических исследований в регионе – спасения и изучения памятников округа города Моздока, входившего до начала 1930-х гг. в Терский округ, а с 1934 по 1937 г. в Северо-Кавказский край с центром в г. Пятигорске.

Значение этих работ не сразу было достойно оценено в советской науке. Так, в обобщающей статье профессора В.И. Авдиева об историко-археологическом изучении древнего Кавказа за 25 послереволюционных лет об исследовании в Моздоке ничего не сказано, хотя о других работах в соседних районах Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и на иных территориях региона в ней указывалось (Авдиев, 1942. С. 54–64). И это в то время, как в обзорах 1930-х гг. эта информация была (Археологические исследования..., 1941. С. 238–242). О находках сообщали центральные («Проблемы истории материальной культуры», «Наука и жизнь»), региональные и местные («Советский Северный Кавказ», «Северокавказский большевик», «Молодой ленинец» и др.) издания и СМИ, а в 1940 г. вышла в свет и монография по Моздокскому могильнику (Плютовский, Иессен, 1940). Примечательно, что 11 февраля 1941 г. Н.М. Егоров одним из первых получил эту книгу на добрую память от авторов. Определяющей причиной этого была причастность пятигорского ученого к процессу спасения и изучения моздокских древностей. Пятигорский краеведческий музей обладает представительными коллекциями, собранными и полученными во время изучения моздокских памятников в конце 1920-х – 1930-е гг. В них, помимо археологических материалов, имеются и документальные источники (записки, конспекты, письма) с данными о древностях Моздока. Они до сих пор введены в научный оборот только фрагментарно. Малоизвестные обстоятельства формирования этой коллекции, позволяют точнее выстроить последовательность и показать особенности рассматриваемой спасательной и научной работы.

В конце 1920-х гг. в Моздоке началась реконструкция старых и строительство новых предприятий, в частности, кирпичных заводов «Коммунистический маяк» и «Искра». Между Моздоком с Малгобеком была построена узкоколейная железная дорога и возведен мост через р. Терек, для чего потребовалось расширение карьера. В связи с этими мероприятиями развернулось и широкое разрушение археологических объектов, которые необходимо было спасти.

Началось все в 1928 г., когда в Терский окружной музей в Пятигорске поступила серия находок скифо-сарматского времени из кургана, разрушенного на территории кирпичного завода, доставленная С.А. Шимченко. Фактически это были (за единичными исключениями) первые археологические материалы из округа Моздока. С ними в музей ознакомился А.А. Иессен.

В 1929 г. сотрудник Академии наук геолог А.Д. Гожев, работавший в Моздокском районе, выявил в железнодорожном карьере палеонтологические и археологические находки и встретился по этому поводу с заведующим карьером Евменом Владимировичем Заплюй-Свечка. С ноября того года установилась переписка начальника карьера с Отделом доисторической археологии МАЭ (Ленинград) и часть находок стала поступать в этот музей. Процесс продолжился и позднее в связи с поездками в Моздок в 1932–1933 гг. музейного художника-реставратора П.А. Смелова.

На рубеже 1929–1930 гг. в данное дело включился и Н.М. Егоров. В феврале 1930 г. была налажена переписка между ним Е.В. Заплюй-Свечка и другими жителями Моздока, причастными к находкам. Особенно активным из последних был Семён Афанасьевич Хозиев, собиравший и фотографировавший древности. В течение 1930 г. Егоров получил не менее 5-ти писем и открыток от зав. карьером (Архив Н.М. Егорова, п. 10 в научной библиотеке ПКМ), причем особенно подробное письмо на 6 л. от 6 февраля содержало детальные описания разрушаемых захоронений с особенностями расположения инвентаря, положения и ориентировки погребенных в могилах, среди которых были и неполные скелеты, и частично сожженные кости и др. Другие письма касались отправки предметов в музей и частных моментов.

В декабре 1930 г. Н.М. Егоров получил очередное письмо от С.А. Хозиева о продолжении разрушения древних погребений. Исследователь выехал на место и провел сбор находок на участках карьера и у работников объекта. Серии предметов были получены и лично у Е.В. Заплюй-Свечка. Предметы поступали в музей в течение всего 1930 г. и позже. В результате собралась коллекция, включающая десятки целых и фрагментированных керамических сосудов различных форм, в том числе орнаментирован-

ных, бронзовые кольца, пластинки, браслеты, наконечники стрел, железные кольца, оселки, бусы, человеческие черепа, их части и др.

Интересным и показательным для нашей темы является письмо Е.В. Заплюй-Свечки Н.М. Егорову от 22 декабря 1932 г. В нем сообщалось о встрече начальника карьера с П.А. Смеловым и другие детали. Но особенно важным было желание Е.В. Заплюй-Свечки организовать «...в Моздоке кружка краеведов, которые займутся собиранием и созиданием памятников» в районе, для чего он получил историческую и краеведческую литературу у П.А. Смелова и надеялся приобрести ее от Н.М. Егорова. Образовался ли такой кружок, мне пока не известно, но жители Моздока продолжали помогать ученым и передавать им свои находки.

Первые Моздокский могильник научно исследовался экспедицией Эрмитажа под руководством Б.Б. Пиотровского и с участием И.М. Лурье в 1933 г. Проживали участники экспедиции у того же Е.В. Заплюй-Свечки. К обработке полученных материалов Б.Б. Пиотровский в 1934 г. привлек А.А. Иессена. В 1935 г. Моздокская экспедиция ГАИМК возглавлялась М.А. Миллером и в ней участвовал А.П. Круглов. В 1936 г. Б.Б. Пиотровский еще раз работал в районе станции Моздок, но на этот раз в экспедиции ГАИМК, и раскапывал курганы XII–XIV вв. н. э.

В результате работ исследователи получили большой объем разнообразных добротного документированных источников для анализа и обобщений. А.А. Иессен на их основании существенно продвинулся в понимании особенностей начального этапа «скифской стадии» в истории населения Предкавказья (*Пиотровский, Иессен, 1940. С. 48–53*). Еще в предвоенные годы началась работа над моздокскими материалами сарматского периода. Их готовил к печати сотрудник ИИМКа С.Н. Аносов. Гибель исследователя в годы Великой Отечественной войны и утрата его рукописи привели к тому, что вновь к этой задаче лишь в начале 1960-х гг. смог приступить грозненский кавказовед В.Б. Виноградов. Среди спасенных для науки материалов были средневековые курганные комплексы. А в кургане № 3 в 1933 г. раскопано и несколько поздних погребений времени «русского заселения края». Анализировались и музейные коллекции Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии, Терского окружного музея в Пятигорске.

Почему же значение проведенных работ оставалось продолжительное время «в тени»? 1930-е гг., а затем и время Великой Отечественной войны, были неблагоприятными для исследователей, связанных с работами на моздокских памятниках. С кампанией борьбы со старым краеведением и специалистами дворянского происхождения было связано смещение Н.М. Егорова с должности заведующего музеем в 1931 г. В Ленинграде в 1933–1934 гг. по делу «Российской национальной партии» («дело славистов») были арестованы и осуждены 37 человек, среди которых были археологи. Одним из первых был арестован и осужден учитель А.А. Иессена А.А. Миллер. В эти же годы из Ленинграда выслали родителей А.А. Иессена. Отец ученого был расстрелян 17 декабря 1937 г. Пострадали в 1930-е гг. и другие «фигуранты» моздокских исследований. Арестовывались и теряли работу весной 1935 г. Б.Б. Пиотровский и А.П. Круглов. Великая Отечественная война также явилась большим испытанием. Трудно ее пережили Н.М. Егоров в Пятигорске и А.А. Иессен в Ленинграде и в эвакуации в Свердловске. Погиб готовивший отчет по работам в Моздоке 1935–1936 гг. А.П. Круглов. М.А. Миллер в ходе войны оказался в Германии.

Представленная история сохранения и изучения памятников археологии Моздока пропитана особыми условиями и отражает характерные черты предвоенного этапа развития советской археологии.

ЛИТЕРАТУРА

Авдиев В.И., 1942. Историко-археологическое изучение древнего Кавказа // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР. С. 54–64.

Археологические исследования..., 1938. Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР. С. 238–242.

Пиотровский Б.Б., Иессен А.А., 1940. Моздокский могильник. Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. I. Л. 52 с. I–XVI табл. и карта.

Савенко С.Н., 2017. Научные и личные контакты Н.М. Егорова и крупного кавказоведа Александра Александровича Иессена (1896–1964) // Третий Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: материалы заседаний. Ставрополь: Печатный двор. С. 57–68.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.61-63>

И.А. Сорокина
(Москва)

ОРГАНИЗАЦИЯ И РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД*

К середине 1930-х гг. процесс регламентации полевых исследований существенно продвинулся по сравнению с раннесоветским периодом. Итогом попыток упорядочивания выдачи открытых листов и проведения полевых работ стало издание Главнаукой Наркомпроса в 1927 г. двух инструкций: «Инструкции к “Открытому листу” на право проведения археологических (палеоэтнологических) раскопок» и «Инструкции к “Открытому листу” на право проведения археологических (палеоэтнологических) обследований» (Сорокина, 2018). Оба документа были написаны Б.С. Жуковым, опытным практиком-полевиком, бывшим тогда сотрудником Музейного отдела Главнауки. Однако эти инструкции содержат несколько облегченные правила, рассчитанные скорее не на специалистов-археологов, а на исследователей более низкой квалификации, то есть на краеведов, пополнивших их ряды. Объем же полевых исследований с 1923 г. постоянно увеличивался. Поэтому был необходим следующий шаг: повышение квалификации этих непрофессиональных кадров и ужесточение требований к их работе.

В первой половине 1930-х гг. в ГАИМК продолжает работу Комиссия по раскопкам, созданная еще в 1920-х гг. В задачи ее входит разработка как собственно методики полевых работ и методических пособий, так и инструкций к открытым листам (далее – ОЛ). Она рассматривает заявки и дает заключения по отчетам (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 – 1931. Д. 52. Л. 40). Действует принятый и сейчас алгоритм: заявка на выдачу ОЛ – заключение о целесообразности работ – сдача отчета о них – рецензия на отчет. Но заключения и рецензии представляются в Главнауку, поскольку это учреждение, а не ГАИМК, с 1918 г. выдает ОЛ. Такой порядок был закреплен декретом СНК в 1919 г. Но отмечаются и нарушения: в ряде случаев Главнаука все еще действует самостоятельно и выдает ОЛ, минуя экспертизу ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 52. Л. 23).

Новой вехой на пути становления современной методики полевых работ стала публикация утвержденного Главнаукой в ноябре 1931 г. «Положения о производстве археологических обследований и раскопок», опубликованного в качестве приложения к разработке А.А. Миллера и им же составленного (Миллер, 1934. С. 210–214). Оно разительно отличается в лучшую сторону от «Инструкций» 1927 г. Да и появление качественного методического пособия – безусловно, положительное явление.

В январе 1934 г. создан Сектор полевых исследований ГАИМК как научно вспомогательное подразделение, ведающее единым планом полевых работ и другими вопросами, связанными с организацией и работой экспедиций (РО НА ИИМК РАН, Ф. 2. Оп. 1 – 1934. Д. 71). Сотрудники сектора: В.С. Адрианов, П.И. Борисковский, Б.А. Латынин, П.П. Гроздилов, С.А. Дубинский, Б.А. Коишевский, А.П. Круглов, В.И. Равдоникас, Н.И. Репников, Т.С. Пасек, Г.В. Подгаецкий, В.В. Храмова, М.М. Худяк, Н.Н. Чернягин и др. Отдельно существует созданный в 1932 г. Комитет по новостройкам. По утвержденному «Положению» о Секторе, он делится на «научно-методическую и научно-организационную части». При первой – кафедра методики и техники полевых исследований. В плане ее работ на 1934 г. значится разработка руководства по полевым

* Работа выполнена в рамках плановой темы АААА-А18-118011790092-5.

исследованиям, а также форм и типов научной отчетности (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1934. Д. 72. Л. 13–17). В качестве руководства предполагалось издание сборника методических статей, посвященных как исследованию определенных типов памятников (по формациям, в духе марксизма), так и конкретным технологическим приемам.

В 1935 г. происходит исключительно важное для развития полевой археологии событие. Распоряжением Наркомпроса (письмо Отдела музеев от 14.02.1935 г.) право выдачи ОЛ передается ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1935. Д. 1. Л. 1–1 об.). Интересно, что это сделано «в целях рационализации», то есть признана необходимость соединить административную и научную функции, как это было в ИАК. При этом ГАИМК должна была согласовывать содержание ОЛ с Комитетом по Охране памятников при Президиуме ВЦИК и Отделом музеев. Этой же организации Академии следовало представлять планы экспедиционных работ. В феврале того же года образована и Комиссия полевых исследований МОГАИМК, (председатель – Ю.В. Сергиевский). В ее ведении и охранные работы в Москве и области и утверждение общего плана полевых работ МОГАИМК. Эта Комиссия продолжила работы и после реорганизации ГАИМК в ИИМК (1937).

В том же году ГАИМК (уже под своим грифом) издает «Инструкцию к открытому листу на право производства археологических обследований» и «Инструкцию к открытому листу на право производства археологических раскопок» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1935. Д. 1. Л. 3–5; Д. 9 – б/д. Л. 30–30 об.). Подтверждено право ГАИМК отказывать в выдаче ОЛ при недостаточной квалификации исследователя или неудовлетворительном отчете. Специальный раздел посвящен правам и обязанностям исследователя в процессе полевой работы. Даются также подробные методические указания по проведению работ и представлению отчета.

С передачей ОЛ в ГАИМК упорядочивается и документация. Появляется «Книга выдачи открытых листов с 1935 по 1941 г.», прототипом которой стали аналогичные книги учета Императорской археологической комиссии. Это нововведение, как и меры по укреплению дисциплины в области сдачи отчетов, связано с именем ученого секретаря ГАИМК В.В. Гольмстен (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1935. Д. 365).

В начале 1936 г. на базе ликвидированной к тому времени кафедры по методике полевых исследований организован Археологический комитет ГАИМК, разработавший новый правоустанавливающий документ: «Правила выдачи открытых листов и проверки отчетов», утвержденный в январе 1937 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 – б/д. Л. 29–29 об.). Комитету были присвоены в расширенном виде функции по организации и контролю над археологическими работами в РСФСР. Под руководством и.о. председателя комитета В.В. Гольмстен продолжается процесс выстраивания системы регламентации полевых исследований. Так, в мае 1936 г. состоялось выездное заседание в Москве для планирования полевых работ московских археологов о обсуждения планов на 3-ю пятилетку по РСФСР в целом. В составе Комитета 22 сотрудника – представители ГАИМК, МОГАИМК, ГЭ, ГИМ.

После реорганизации ГАИМК и образования ИИМК им. Н.Я. Марра в составе АН СССР, работа регламентации полевых исследований продолжилась. В 1938 г. организован Комитет по полевым исследованиям ИИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 1. Д. 86. Л. 39), получивший право выдачи открытых листов, как это делала Академия**. Под грифом ИИМК написана и новая инструкция к ОЛ (Инструкция..., 1939), текст которой почти в неизменном виде повторится в первой послевоенной инструкции (1949). В «Положении» о Комитете, утвержденном Президиумом АН СССР, он позиционируется как научно-совещательный орган при дирекции ИИМК, рассматривающий вопросы охраны и исследования археологических памятников, консультирующий органы охраны памятников на территории СССР, участвующий в планировании полевых исследований. Впоследствии, однако, уже после перевода ИИМК (и Комитета в его составе) в Москву (1945), его функции ограничились только регламентацией: рассмотрением заявок, научных отчетов и выдачей открытых листов.

** Председатель – М.И., заместитель – В.В. Гольмстен, секретарь – П.А. Сухов.

ЛИТЕРАТУРА

Инструкция..., 1939. Инструкция к открытому листу на право производства археологических исследований / Под ред. М.И. Артамонова. М.-Л. 9 с.

Миллер А.А., 1934. Миллер А.А. Археологические разведки. М.-Л.: Соцэкгиз. 213 с. (Известия ГАИМК. Вып. 83).

Сорокина И.А., 2018. Сорокина И.А. Первые советские инструкции по проведению полевых исследований памятников археологии (1927 г.): к истории создания // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 20. № 3. Ч. 2. С. 537–543.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.63-66>

И.Л. Тихонов
(Санкт-Петербург)

О РЕПРЕССИЯХ В ГАИМК

Впервые о репрессиях среди советских археологов написал вскоре после своего последнего визита в СССР профессор Хельсинского университета А.М. Тальгрэн, но он смог указать всего несколько фамилий (*Talgren*, 1936. Р. 149). Более полный список репрессированных археологов Ленинграда появился в книге М.А. Миллера «Археология в СССР», изданной в Мюнхене в 1954 г. (*Миллер*, 1954. С. 79–84). Он привел двадцать фамилий ленинградских коллег, репрессированных, по его мнению, в 1930–1934 гг. В действительности же некоторые из них были арестованы позднее, в 1936–1937 гг. О подлинной судьбе многих пострадавших он не знал и указал только тот факт, что они были сосланы, хотя некоторые из них после ареста и следствия были расстреляны.

В 1998 г. к теме репрессий среди русских археологов обратился А.А.Формозов, опубликовав статью в журнале «Российская археология» (*Формозов*, 1998). Позднее материалы этой публикации вошли в два издания его книги «Русские археологи в период тоталитаризма». Говоря о репрессиях в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), сотрудниками которой были почти все известные ленинградские археологи, А.А.Формозов назвал всего одиннадцать фамилий: С.И. Руденко, Г.И. Боровко, Ю.В. Готье (он был членом Московской секции ГАИМК), А.А. Миллер, С.А. Теплоухов, Г.А. Бонч-Осмоловский, Ф.И. Шмидт, М.П. Грязнов, Р.Р. Фасмер, Е.В. Эрнштедт, М.В. Фармаковский. Это все крупные, выдающиеся ученые, о которых написано немало. Недавно появились публикации Е.Г. Панкратовой, основанные на изучении следственных дел из архивов ФСБ.

К выше названным надо добавить имена археологов В.С. Адрианова, К.Г. Болтенко, Г.В. Григорьева, К.Э. Гриневича, Б.А. Койшевского, Б.А. Латынина, Э.Р. Рыгдылона, М.Г. Худякова; востоковедов А.А. Аджяна, А.И. Васильева, М.М. Гирса, Л.Т. Гюзальяна, А.С. Полякова; этнографов Д.А. Золотарёва, М.Ю. Пальвадре; византинистов В.Б. Бенешевича, А.П. Смирнова; папиролога О.О. Крюгера; историков Б.Н. Джангольского, С.М. Дубровского, В.А. Зыбковца-Атрощенко, Н.Н. Дмитриева, Н.П. Лихачёва, С.А. Лотте, Р.А. Озерскую, Б.А. Романова; искусствоведов Н.М. Бачинского, Н.В. Малицкого, Н.П. Сычёва, М.Д. Философова; филолога М.С. Альтмана; завхоза И.В. Карманова. Изучение описей личных дел, хранящихся в СПбФ АРАН и справочника Наркомпроса 1935 г. позволяет выявить еще несколько имен ученых – жертв репрессий. Среди них такой известный историк, как бывший ректор Санкт-Петербургского университета Э.Д. Гримм, возглавлявший в середине 1930-х гг. кафедру истории Западной Европы в эпоху феодализма Института истории феодального общества ГАИМК, и почти забытый ныне историк и этнограф Е.С. Лейбович, изучавший народы Поволжья и Зауралья; реставратор Н.В. Исаченко, занимавшаяся тканями. В 1937 г. по доносу студентов был арестован историк В.Н. Кашин – автор ряда работ по отечественной истории XVIII в.

Общее количество арестованных по политическим обвинениям бывших и настоящих сотрудников ГАИМК за 1929–1941 гг. превышает пятьдесят человек, что составляло немалый процент от всего штатного состава учреждения, насчитывавшего в 1935 г.

163 человека. Со скорбью можно констатировать, что не менее восемнадцати из них были расстреляны, а девять умерли в заключении. Однако и эти цифры не являются окончательными, поскольку не учитывают многочисленных административно-хозяйственных сотрудников, количество которых вместе с «вспомогательно-обслуживающим» персоналом в 1935 г. доходило до 66 человек, что составляло 40 % от общего числа всех сотрудников Академии (Краткий отчет..., 1936. С. 5). Также необходимо выявить пострадавших от репрессий среди аспирантов ГАИМК, количество которых к середине 1930-х гг. превышало 40 человек. Среди них также были жертвы репрессий, например, арабист С.А. Майзель, химик М.Г. Рогатинская. Общая цифра может быть еще более увеличена за счет арестованных на короткий срок (Б.Б. Пиотровский, А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий в 1935 г., В.И. Равдоникас в 1941 г.) и пострадавших уже в послевоенный период А.П. Удаленкова и В.П. Левенка.

Пики арестов в Академии истории материальной культуры пришлось на 1930 г. – 6 человек, 1933 г. – 8, 1936 г. – 11, 1937 г. – 11. На два последних года пришлось и почти все самые суровые – расстрельные приговоры. Необходимо заметить и некоторую разницу в направленности репрессий на разных этапах 1930-х гг. В первой половине десятилетия удары ОГПУ обрушились исключительно на ученых, многие из которых являлись к этому времени весьма авторитетными и признанными специалистами в разных областях археологии. Начало было положено «Академическим делом», затем последовало «Дело славистов». Репрессии против ученых начинали приобретать все более массовый характер. Их целью являлась «борьба с контрреволюционными элементами», к коим ВЧК – ОГПУ приписывали добрую половину всех научных работников СССР. Это хорошо видно из рассекреченной аналитической записки Секретного отдела ОГПУ, составленной в 1932 г. и констатирующей, что «из 207 научных работников Ленинграда к правым принадлежат 104 человека (50%)». Далее в этом обзоре утверждалось, что «именно археологи явились поставщиками наибольшего количества реакционных элементов после Октября».

В 1936–1937 гг. среди жертв репрессий оказались и многие члены партии, «внедряемые» в ГАИМК с 1929 г. для усиления марксистского направления. До этого времени членов ВКП(б) среди научных сотрудников Академии вовсе не было. Рабоче-крестьянская комиссия по чистке называла основной причиной недочетов в ее работе «недостаточное количество марксистов-коммунистов в составе учреждения».

Председатель ГАИМК Н.Я. Марр, быстро уловивший новые требования времени, сам выступил инициатором приглашения «марксистов» и в 1931 г. уже докладывал в Наркомпрос: «Взамен уволенных сотрудников были приглашены новые <...>. Академией были приняты и другие меры, выразившиеся в перестройке организационных форм работы Академии, в создании Методологического бюро и приглашении целого ряда новых сотрудников с марксистскими установками, в частности членов ВКП(б)». В результате к середине 1930-х гг. в ГАИМК оказалось немалое число историков, востоковедов, филологов, которые археологией не занимались, но были либо членами партии, либо придерживались марксистской методологии в своих исследованиях и стояли на «правильных классовых позициях».

В «эпоху бури и натиска», наступившую после 1929 г., партийность ценилась выше знаний и профессиональных навыков, поэтому не удивительно, что фактически все партийцы сразу же занимали руководящие посты, становились заместителями председателя Академии, директорами ее институтов. И все это при том, что никто из них до своего прихода в ГАИМК не занимался археологией, в лучшем случае работая на «историческом фронте». О судьбе таких из них, как Ф.В. Кипарисов, С.Н. Быковский, А.Г. Пригожин, С.Г. Томсинский, М.М. Цвибак и других адептов школы М.Н. Покровского известно достаточно хорошо. Обвиненные в участии в троцкистско-зиновьевской контрреволюционной группе, которая якобы готовила покушения на руководителей партии, все они были арестованы и расстреляны в 1936–1937 гг. Для вынесения расстрельного приговора не имело значения, признавали ли они свою вину на следствии и суде, как Кипарисов, или до последнего дня отрицали, как Быковский.

Из двадцати двух человек, ставших жертвами репрессий в эти два года, изучением археологических памятников и материалов занимались только трое: В.С. Адрианов, Б.А. Латынин и М.Г. Худяков. Четырнадцать человек были членами ВКП(б). Причем, из числа партийцев, внедренных в ГАИМК, не все даже вели какую-либо научную работу. В качестве примера можно назвать директоров двух институтов, входивших в Академию – С.Д. Димитрова и А.И. Кауля.

Страшемир Димитриевич Димитров (1904–1938) – болгарин, политэмигрант, выпускник Института красной профессуры, с 1 ноября 1934 г. был принят на должность старшего научного сотрудника Института истории феодальной формации с окладом 300 рублей в месяц. Отсутствие печатных работ не помешало назначить его в начале следующего года исполняющим обязанностями директора этого научного подразделения Академии. Являясь членом парткома ГАИМК, он становится председателем Крымской секции, членом Археологической комиссии, руководит кружком научных работников по изучению истории партии. Как руководитель Института Димитров оказался ответственным редактором сборника материалов Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг., изданного в 1935 г., и состоящего в основном из статей реальных исследователей Эски-Кермена – Н.И. Репникова и Е.В. Веймарна. Полное отсутствие хотя бы малейшего опыта полевых исследований у Димитрова не помешало руководству ГАИМК назначить его в 1936 г. и руководителем этой экспедиции. Димитров также выезжал в командировки в Крым для «проведения орг. мероприятий по подготовке XVII пленума Академии в Симферополе в октябре 1936 г.». Однако 7 августа 1937 г. Димитров был арестован как «участник антисоветской троцкистской организации, существующей в Ленинграде среди политэмигрантов-болгар», приговорен 22 сентября 1938 г. к высшей мере наказания и на следующий день расстрелян.

Директором Института исторической технологии в октябре 1934 г. стал член ВКП(б) с 1917 г. Александр Иосифович Кауль (1887–1958), получивший образование на историко-филологическом факультете Московского университета, где он специализировался по истории Древней Греции. Затем он преподавал историю в Туле, а в 1917 г. стал председателем местного Губисполкома, с 1919 г. служил в органах ЧК – ОГПУ, занимая ряд высоких должностей в Ленинграде и на Северном Кавказе. В 1931 г. был назначен заведующим Ленгоснарпита. С общественного питания, вероятно вспомнив о наличии университетского исторического образования, Кауля бросили на науку, на усиление партийной линии в руководстве ГАИМК, где ему даже доводилось временно исполнять обязанности председателя. Арестован Кауль был 17 октября 1937 г., когда уже не работал там, будучи отправленным заведовать народным образованием в Ставропольский край. Получил двадцать лет лагерей, срок отбывал сначала в Воркуте, а затем в Спасском ИТЛ в Карагандинской области. В феврале 1955 г. был освобожден из мест заключения и декабре реабилитирован. Став пенсионером союзного значения, остался жить в Караганде. Здоровье было подорвано многолетним заключением, но он успел написать воспоминания об установлении советской власти в Туле. В многочисленных биографических справках о чекисте А.И. Кауле обычно даже не указывается его недолговременная работа в ГАИМК (Тихонов, 2020).

В августе 1937 г. ГАИМК была расформирована и превращена в Институт истории материальной культуры имени Н.Я. Марра в составе АН СССР. К этому времени там уже не было партийцев, «внедренных» для «перевода на марксистские рельсы». Сделав свое дело, они сами стали жертвами политических репрессий.

ЛИТЕРАТУРА

- Краткий отчет..., 1936. Краткий отчет о работе Академии в 1935 году. Л., ОБЛОНО.
Миллер М.А., 1954. Археология в СССР. Мюнхен. 160 с.
Тихонов И.Л., 2020. Репрессии в ГАИМК: случай партийцев С.Д. Димитрова и А.И. Кауля // Интеркультурная философия: полилог традиций: Сб. трудов конференции / Отв. ред. А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. СПб.: Интерсоцис. С. 270–275.

Формозов А.А. 1998. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // РА. № 3. С. 191–206.

Talgren M., 1936. Archaeological studies in Soviet Russia // ESA. Vol. X. P.129–170.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.66-67>

А.Н. Ткачёв
(Краснодар)

АРХЕОЛОГИЯ В КРАСНОДАРСКОМ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Великая Отечественная война на время прервала полевые археологические исследования Кубани. В той или иной степени урон был нанесен всем музеям, оказались утраченными или разграбленными многие бесценные коллекции. Практически полностью были уничтожены собрания музеев Анапы, Темрюка, Тамани, Новороссийска, Ейска.

К марту 1943 г. большая часть Кубани (до рубежа «голубая линия») была освобождена, что дало возможность приступить к восстановлению предприятий. Историко-краеведческий музей оказался одним из немногих научных учреждений, возобновивших работу вскоре после освобождения Краснодара. 5 марта 1943 г. музей открылся для посетителей. Обстановка в крае оставалась фронтовой до окончательного освобождения территории Кубани 9 октября 1943 г., поэтому важнейшими задачами в этот период явилась организация агитационных выставок, а также помощь в восстановлении музеев края, пострадавших от оккупации. Краснодарский музей оказал помощь экспонатами Темрюкскому, Таманскому и Ейскому краеведческим музеям. Темрюкскому музею, наиболее пострадавшему во время оккупации, по теме «Боспорское царство» были выделены на временное хранение амфоры, кувшины, чернолаковая керамика, бронзовые и стеклянные браслеты, пантикапейские монеты.

Осенью 1943 г. возобновились археологические исследования музея. Старший научный сотрудник Н.В. Анфимов провел раскопки на IV Усть-Лабинском могильнике, а также осмотрел античные памятники на Таманском полуострове. Н.В. Анфимов вспоминал: «После изгнания немцев с Кубани 9 октября 1943 г. я был командирован в г. Темрюк для восстановления музея <...>. Из Темрюка я поехал в Кепы и Фанагорию, чтобы посмотреть, в каком состоянии находятся эти наиболее крупные античные городища. Кепы были все изрыты окопами, а в восточной части городища я обнаружил каменное надгробие с изображением воина, которое воинская часть помогла мне доставить в Краснодарский музей. Фанагорию пришлось осматривать с миноискателем, так как она была вся заминирована. В ст. Таманскую я не поехал, поскольку она находилась в зоне артобстрела с крымского берега <...>» (Анфимов, 2010. С. 57).

В августе 1944 г. сотрудниками ИИМК АН СССР по заданию Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) было проведено обследование археологических памятников Кубани и Таманского полуострова по установлению ущерба, нанесенному во время боевых действий. На территории Краснодарского края работали две экспедиции: Керченско-Таманская (В.Д. Блаватский, И.Б. Зеест), обследовавшая Фанагорию, и Северо-Кавказская (В.Н. Чернецов, А.П. Смирнов, А.В. Збруева, Г.Б. Фёдоров) (Пассек, 1947. С. 163). В последней приняли участие сотрудники Краснодарского музея Н.В. Анфимов и Ф.В. Навозова. Экспедиция обследовала Елизаветинское и Семибратнее городища, городища №№ 2, 3, 4 у ст. Усть-Лабинской, и городища №№ 1, 4, 6 у ст. Тбилисской, курганы у ст. Абинской и Сенной, курган Высочин близ ст. Попутной и более 40 курганов по нижнему течению р. Кубани и по берегу Таманского залива (РО НА ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 1. Д. 195).

В октябре 1944 г. экспедиция музея под руководством Н.В. Анфимова провела разведки по правому берегу р. Кубани от ст. Ладожской до ст. Тбилисской. Было обследовано 19 памятников, в том числе, городища у станиц Геймановской, Тбилисской, Ладожской, у хут. Зубовского и хут. Зиссермана. В ст. Ладожской на ул. Колодезной был открыт грунтовый могильник, на котором доследован разрушенный земляной склеп и

найжены золотые украшения – проволочные браслеты и серьги в виде фигурок баранов, датирующиеся II в. до н.э. (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5. Л. 44).

С 1945 г. полевые работы музея велись согласно пятилетнему плану археологических исследований на Кубани, утвержденному на первом Всесоюзном археологическом совещании. В частности, было продолжено изучение скифо-сарматских памятников: летом 1945 г. проведены раскопки на могильнике в ст. Ладожской и обследована правая терраса р. Кубани от ст. Тбилисской до г. Кропоткина. В экспедиции активное участие принимали члены музейного археологического кружка, организованного Н.В. Анфимовым вскоре после возобновления работы музея (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 36. Л. 3).

Значительным событием в 1945 г. стало проведение в Краснодарском музее первой послевоенной археологической конференции, посвященной 25-летию советской науки на Кубани. В конференции участвовали сотрудники Краснодарского и Ставропольского музеев, преподаватели и студенты Краснодарского педагогического института. Н.В. Анфимов выступил с докладами «Археологические исследования на Кубани за 25 лет (1920–1945 гг.)» и «Итоги Шапсугской экспедиции 1941 г.».

С каждым годом расширялась география исследований. В 1946 г. проведены раскопки могильников в станицах Казанской, Темижбекской и Ладожской, обследовано место находки мраморной плиты с надписью в совхозе «Джемете» близ Анапы и проведены разведки по берегу р. Кубани от Кропоткина до Армавира (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 94. Л. 43). В 1947 г., когда в регионе возобновили работы академические экспедиции, Краснодарский музей, продолжил плановые исследования, решая задачи инвентаризации памятников и обеспечения их полноценного исследования в зонах новостроек.

В первые послевоенные годы уровень развития археологии Кубани определялся работами экспедиций Краснодарского музея. Благодаря усилиям его сотрудников было организовано планомерное обследование территории на современном методическом уровне, а полученные материалы дополнили фонды археологических коллекций музея.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов Н.В., 2010. Автобиографические записки // Прошлое Кубани. Из наследия Н.В. Анфимова / Сост. Е.А. Хачатурова, А.В. Пьянков. Краснодар: Перспективы образования. С. 43–71.

Пассек Т.С., 1947. Обследования археологических памятников // КСИИМК. Вып. XIV. С. 162–165.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.67-70>

И.В. Тункина
(Санкт-Петербург)

АКАДЕМИЧЕСКИЕ АРХИВИСТЫ В ГОДЫ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА*

С началом Великой Отечественной войны сотрудники учреждений АН СССР в Ленинграде с богатейшими научными коллекциями и архивными собраниями оказались в одиночестве, борясь не только за спасение вверенных им научных и культурных ценностей, но и за собственную жизнь. В конце июня 1941 г. сотрудники Архива АН СССР в ожидании объявления эвакуации начали обеспыливание, упаковку и перемещение наиболее ценных документов на первый этаж здания по Университетской наб., д. 1, укрепляли окна и двери фанерой и мешками с песком. Уже 6 июля 1941 г. наиболее ценные материалы Рукописного отдела, музея и библиотеки Пушкинского Дома и музея-квартиры А.С. Пушкина на Мойке, 12, упакованные в 27 ящиков, в составе эвакуошело-

* Исследование проведено при финансовой поддержке грантов РФФИ, проекты №№18-09-40075, 18-09-40116, РФФИ и МОН РЮО №20-59-07003.

на Артиллерийского музея были вывезены в Новосибирск. Директор Государственного Эрмитажа, академик И.А. Орбели согласился присоединить документы Архива АН СССР ко второму эвакоэшелону музея в объеме 30 ящиков (не более 1/100 части документов). Были эвакуированы рукописи И. Кеплера, Л. Эйлера, Г.Ф. Миллера, М.В. Ломоносова, П.Н. Лебедева, И.П. Павлова, Г. Лангсдорфа, подлинные протоколы заседаний Конференции Академии наук XVIII – начала XX в., «ученая корреспонденция», акварели М.С. Мериан и рисунки экспонатов Кунсткамеры XVIII в., автограф наказа Екатерины II Комиссии по составлению нового уложения. Документы были вывезены в Свердловск, где организовали филиал Эрмитажа (СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 483. Л. 22). С тем же эшелонem удалось отправить в тыл 42 ящика личной библиотеки А.С. Пушкина из Пушкинского Дома. В числе сотрудников Эрмитажа со вторым эшелонem была эвакуирована археолог-кавказовед Е.Г. Пчелина (1895–1972), которая вплоть до 1944 г. в Свердловском филиале Эрмитажа охраняла эрмитажные ценности и сокровища академического архива, а перед смертью завещала свой личный фонд в Архив АН СССР.

Ученые, эвакуировавшиеся из города, оставляли свои личные архивы на постоянное или временное хранение в Архив АН СССР, но с начала блокады Ленинграда 8 сентября 1941 г. массовая эвакуация стала уже невозможной. Вывозились лишь отдельные группы ученых, в основном на самолетах. Во всех академических учреждениях проходило сокращение штатов – увольняли сотрудников, ушедших в РККА или эвакуированных из города. Благодаря академикам И.И. Мещанинову и И.А. Орбели Архив АН СССР оказался единственным академическим учреждением, где сокращений практически не было. Зимой 1941–1942 гг. до 80% сотрудников академических учреждений отсутствовали на работе как мобилизованные в РККА, по болезни или смерти.

Академические архивисты жили в нетопленых квартирах и шли на работу в промерзшие учреждения. Несмотря на пронизывающий холод, сильный ветер, бомбежки и артобстрелы, отсутствие общественного транспорта, элементарных бытовых удобств, нехватку продовольствия и голод (в декабре 1941 г. 90% научных работников страдали дистрофией), научная жизнь в Академии наук продолжалась. Председатель Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР академик С.А. Жебелёв скончался от голодного истощения 28 декабря 1941 г., после чего ее возглавил академик И.Ю. Крачковский. Комиссия регулярно, 2–3 раза в неделю, проводила заседания, на которых обсуждались организационные вопросы и заслушивались научные доклады. 16 марта 1942 г. комиссия решила создать Объединенный ученый совет гуманитарных институтов (Востоковедения, Литературы, Истории материальной культуры, Языка и мышления, Ленинградского отделения института истории) во главе с академиком И.Ю. Крачковским. Комиссия пыталась поддержать научную работу, сохранить в целостности богатые фонды академических учреждений, спасти «наличные кадры работников как входивших в их состав, так и оставшихся в Ленинграде по различным обстоятельствам без поддержки», – подчеркивал И.Ю. Крачковский. Отказывавшегося эвакуироваться академика И.Ю. Крачковского 25 июля 1942 г. вывезли из Ленинграда тяжело больным и истощенным, а 12 августа 1942 г. Президиум АН СССР приказал вывезти директора Архива АН СССР Г.А. Князева на самолете сначала в Москву, а затем – в Боровое, в Казахстан.

Научная работа блокадных ученых нашла отражение в оставшемся неопубликованном, «репрессированном» из-за «Ленинградского дела» сборнике «Ученые в блокаде» (1946). Сборник содержит аннотации свыше 1000 опубликованных и неизданных исследований 480 авторов, иногда с указанием их объема в авторских листах, структурированных в 7 тематических разделов по всем областям знания. В конце сборника приведены краткие сведения об авторах работ в алфавитном порядке, дающие уникальный справочный материал для реконструкции биографий блокадных ученых, в том числе умерших от голода и погибших на фронтах (СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 5. Д. 60). Издание этой книги в наши дни станет достойным памятником уважения и благодарности ученым блокадного города.

В начале июля 1942 г. начался новый этап массовой эвакуации академических учреждений. Уцелевшие сотрудники Пушкинского Дома были эвакуированы в Казань, с ними удалось вывезти 107 ящиков институтского архива. Для академических архивистов главной задачей оставалось спасение архивов учреждений и документального наследия умерших ученых. В апреле 1943 г. при Архиве АН СССР была образована Комиссия по сбору в ленинградских учреждениях материалов по истории Отечественной войны, а летом того же года работала Комиссия по обследованию и выявлению убытков, причиненных бомбардировками и артиллерийскими обстрелами (Тункина, 2020).

В блокадном Ленинграде оставались небольшие группы сотрудников «для охраны имущества и ценностей». С началом войны старший научный сотрудник Библиотеки Государственного Эрмитажа, отвечавшая за архив музея, Ольга Ивановна Бич (1891–1963) составила эвакуационные списки, запаковала и подготовила к эвакуации важнейшие документы Архива Государственного Эрмитажа, в годы войны отправленные на Урал и хранившиеся в Свердловском филиале музея. Но 6 августа 1941 г. 50-летняя О.И. Бич была уволена из Эрмитажа по сокращению штата «ввиду обстоятельств военного времени». Потеряв работу в Эрмитаже в начале войны, О.И. Бич в тяжелейшую блокадную весну 1942 г. была принята в Институт истории материальной культуры имени Н.Я. Марра АН СССР. Она стала исполняющей обязанности старшего научного сотрудника (24 апреля 1942 – 1 апреля 1946 гг.) с возложением обязанностей заведующей Рукописным архивом и Фототекой. В период эвакуации ИИМК АН СССР (с 12 июля 1942 г. по 2 сентября 1944 г.) О.И. Бич была назначена уполномоченной по охране археологических коллекций, библиотеки, архива и научного оборудования института. Наиболее ценные археологические коллекции еще в начале войны были перенесены в бронированную кладовую Эрмитажа. С апреля 1942 г. начала работать библиотека, 5 тыс. книг которой сильно пострадали из-за лопнувшей водопроводной трубы, просушивались и приводились в порядок фонды, собирались книги и научные материалы по квартирам умерших сотрудников. В блокадном городе к июлю 1942 г. оставалось всего 7 человек для охраны имущества института (Платонова, 1991. С. 61). Часть архива в упакованном виде с описями хранилась в Архиве АН СССР на Университетской наб., д. 1, основные материалы архива и лабораторий были размещены на складе Техснаба. Фотоархив института, законсервированный на Биржевом проезде Васильевского острова, не пострадал, и, несмотря на отсутствие отопления и освещения, с 1944 г. вновь стал доступен для пользования. О.И. Бич «сумела наладить и пользование архивами в период блокады», то есть работу читального зала и исполнение тематических запросов. Именно О.И. Бич и ее сотрудникам, оставшимся в блокадном городе, мы обязаны тем, что культурное достояние страны – крупнейшие в нашей стране археологические библиотека, Рукописный и Фотоархив ИИМК – не погибли в топках буржеек, не были проданы перекупщикам за пайку хлеба и дошли до наших дней практически в первозданном виде. В эти годы в архив были приняты личные фонды погибших на фронтах и умерших в блокаду ученых института Б.Л. Богаевского, Е.В. Ернштедт, А.П. Круглова, Г.В. Подгаецкого, Е.А. Рызевской, Г.П. Сосновского, Р.В. Шмидт. В марте 1944 г. О.И. Бич подала докладную записку об угрожающем положении той части архива и библиотеки, которые оставались в помещениях ИИМК АН СССР, об отсутствии кадров для их спасения (последний подсобный рабочий скончался от дистрофии еще в середине 1943 г.). С 8 сентября 1944 г. О.И. Бич стала заместителем руководителя ленинградской части ИИМК АН СССР, то есть исполняла обязанности заместителя директора, при штате института в 20 человек (Платонова, 1991. С. 72). Именно ей были адресованы письма конца 1943–1944 гг. эвакуированных сотрудников с просьбами о помощи в различных научных и бытовых вопросах. С 24 апреля 1942 г. по 30 июня 1963 г., свыше 21 года О.И. Бич возглавляла как заведующая Рукописный архив ИИМК / ЛОИИМК / ЛОИА АН СССР, при этом с 1 апреля 1946 г. вплоть до увольнения она занимала скромную должность младшего научного сотрудника (Тункина, 2015).

Санкт-Петербургские академические архивы дошли до наших дней в полном виде не столько из-за превратностей судьбы, сколько благодаря гражданскому подвигу, исключительной самоотверженности и героизму скромных тружеников науки – академических архивистов.

ЛИТЕРАТУРА

Платонова Н.И., 1991. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс» / Ред. В.П. Алексеев, Д.Б. Шелов, Т.М. Потемкина. М.: ИА АН СССР. Вып. 11. С. 45–78.

Тункина И.В., 2015. Ольга Ивановна Бич: материалы к биографии // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М.: ун-т Дм. Пожарского, Русский фонд содействия образованию и науке. С. 327–336.

Тункина И.В., 2020. Ленинградские ученые в годы блокады // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2019 / Отв. ред. В.А. Тишков; сост. Н.В. Тарасова. М.: РАН. С. 107–130.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.70-72>

С.П. Щавелёв
(Курск)

ПЁТР НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРМЕНСКИЙ (1884–1973): АРХЕОЛОГИЯ МЕЖДУ ОГПУ И ГЕСТАПО

Перед нами уроженец села Чермного Темниковского уезда Тамбовской губернии (Ныне Кабошский район Рязанской области). Из семьи псаломщика, он же сельский учитель. Образование получал в Шацком духовном училище (1893–1899); Тамбовской духовной семинарии (1902); Борисоглебской гимназии (1905); Императорском Историко-филологическом институте в Санкт-Петербурге (историческое отделение, 1905–1909); Санкт-Петербургском археологическом институте (1911). Летом 1909 и 1913 гг. стажировался в Марбурге, готовился к магистерским экзаменам по всеобщей истории. Летом 1909 г. работал на раскопках Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского. Затем сверхштатно преподавал историю и латынь в столичных школах – окружной гимназии (1909–1911), филологической гимназии при своей alma mater – Историко-филологическом институте (1912). При этом последнем учреждении сдал магистерские экзамены по русской истории (1916), был оставлен для подготовки к профессорскому званию (1917). Подготовил и издал в виде книги магистерскую диссертацию «Город Лебедянь и его уезд в XVII в.» (1916). Эту диссертацию смог защитить только в 1921 г.

От голода и Гражданской войны спасался на своей малой родине. С 1919 г. живет в г. Лебедяни Рязанской области. Заведует там музейной секцией при Наробразе; организует народный краеведческий музей. С 1920 г. – в Тамбове, профессор университета (читал курсы древней и русской истории). После закрытия университета – заведующий народным музеем (1920–1923); преподаватель педагогического техникума (1923–1928). Активный участник общества тамбовских краеведов. За 1920–1928 гг. сделал более тридцати докладов на заседаниях этого общества и трех губернских краеведческих конференциях. Заметки по истории и культуре края публиковал в «Тамбовской правде». В 1928 г. «приглашен на научно-плановую работу» в Воронеж (из Личного дела: Архив Курского государственного университета. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 196). Заведующий бюро изучения производительных сил Облплана ЦЧО (1928–1931). Участвует в руководстве краеведческим движением Чернозёмного региона.

Репрессирован по сфабрикованному ОГПУ «Делу краеведов» ЦЧО (Щавелёв, 2007. С. 62–64), приговорен к десяти годам лагерного заключения. Срок отбывал в 1931–1939 гг. на строительстве Беломорско-Балтийского канала: экономист колонизационного отдела Беломорско-Балтийского комбината в г. Медвежьегорске (Карелия).

Публиковал историко-краеведческие очерки в лагерном агитационном журнале. После досрочного (на два года, по так называемым «зачетам за ударный труд») освобождения из Белбалтлага ненадолго вернулся в Лебедянь (1939), преподавал немецкий язык на курсах учителей при педагогическом училище.

Затем, в 1940 г. переехал в областной центр Курск, «имея намерение работать в Курском пединституте». Но туда его взяли не сразу; поначалу опять преподавал немецкий язык в школе для взрослых (1940–1941). В период оккупации Курска был назначен немцами директором областного краеведческого музея. Рискуя жизнью, спас неэвакуированную часть экспонатов и фондов от разграбления захватчиками, а затем и курянами-мародерами сразу после ухода немцев из города. Гестапо в Курске при допросе арестованной местной жительницы интересовалось, между прочим, не посещала ли она здешний музей (*Щавелёв*, 2013. С. 39). Так что П.Н. Черменский не был репрессирован за сотрудничество с оккупантами. Заведовал музеем с января 1942 по июль 1943 г. (а Курск был освобожден в феврале 1943 г.).

Затем снова преподавал немецкий язык, на сей раз в педагогическом институте, вернувшемся из эвакуации. С 1945 по 1947 г. допущен к преподаванию истории древнего мира в том же институте. В этот период им подготовлена к защите и апробирована в Московском историко-архивном институте кандидатская диссертация по теме: «Очерки по истории Мещеры и Рязанской Украины с древнейших времен до XVII в.», а также рукописи монографии «Города-крепости южной окраины Московского государства в XVII в.: Тамбов, Лебедянь, Курск», статьи «План Курской крепости XVII в.» и ряд других научных работ. На фоне послевоенной волны репрессий и идеологических проработок кафедра истории СССР пединститута забраковала эти работы старого краеведа по псевдополитическим соображениям, и он был вынужден уволиться с институтской кафедры и вернуться к преподаванию в средней школе.

Из Курска, где начальство постоянно припоминало заслуженному краеведу его лагерный и оккупационный опыт, переехал в Ставрополь. Там заведовал кабинетом истории и педагогическом институте (1948–1950). Последние годы жизни провел в родной Лебедяни, где до выхода на пенсию преподавал немецкий язык в сельскохозяйственном техникуме (1950–1956). Несколько его монографических работ остались неопубликованными («Лебедянский уезд в XVII в. по писцовым книгам», «Тамбовский список Степенной книги», «Очерки по истории Рязанской Украины и Мещеры», «История г. Тамбова»). Был членом Географического общества СССР (с 1956).

Участвовал в работе Деснинской экспедиции под руководством В.М. Воеводского в Авдееве. Самостоятельными разведками выявил несколько новых для науки археологических памятников в окрестностях Курска, в том числе, «на реке Тускари <...> исследовал стоянки эпохи позднего неолита» (*Смирнов*, 1948. С. 111) и собрал коллекцию вещей других археологических эпох. Об этих местонахождениях в районе Кировского моста ему сообщил коллега по педагогическому институту Юрий Александрович Липкинг, а Суворовское училище, где последний тоже преподавал, выделило в помощь археологам своих воспитанников. Раскоп ими был заложен маленький – всего 20 квадратов, но их раскопали послойно. «Обилие осколков [кремневых и кварцитовых] орудий заставляет предположить наличие мастерской каменных орудий» (НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 73. Л. 3). Материалы эпохи камня, бронзы, средневековья сдали в краеведческий музей.

П.Н. Черменский – один из последних по времени активной деятельности в российской провинции историков и археологов-практиков с дореволюционным гимназическим и университетским образованием и опытом работы. Советская репрессивная машина по абсурдному обвинению в монархическом заговоре продержала его 8 лет на Беломорканале, потом его не допускали до преподавания в высшей школе, затем ему угрожало гестапо при германской оккупации, но Пётр Николаевич всегда работал на историко-археологическом поприще. Свои исторические разыскания он публиковал, невзирая на тяжелые перипетии судьбы, на протяжении более чем полувека – с 1913 по 1970-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

Смирнов А.П., 1948. Археологические исследования в РСФСР в 1946 году // КСИ-ИМК. Вып. XXIII. М.-Л.: Изд-во АН СССР. С. 111.

Черменский П.Н., 1947. Черменский П.Н. Древние поселения в Курске // Курская правда. 1 июня. С. 4.

Щавелёв С.П., 2013. «Под немецкой сворой...» Дневник оккупации города Курска в 1941–1942 гг. // События и люди в документах курских архивов. 110-летию архивной службы Курской области посвящается / Под ред. В.Л. Богданова. Курск: ОКУ «Госархив Курской области». С. 39.

Щавелёв С.П., 2007. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск: изд-во Курского гос. мед. ун-та. С. 62–64.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.72-74>

С.С. Юрецкий
(Минск)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО АРХЕОЛОГИИ В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ АН БССР (1944–1945 ГОДЫ)

Становление и развитие археологической науки в БССР непосредственным образом было связано с деятельностью Института белорусской культуры (1921–1928 гг.) и созданной затем на его основе в 1929 г. Белорусской академии наук (с 1936 г. – АН БССР). В Институте истории АН БССР в довоенное время плодотворно работал ряд археологов, были созданы археологические фонды, разрабатывались научно-исследовательские темы в области археологии. Значительное влияние на развитие академической науки республики оказали репрессии 1930-х гг., в результате которых в штате Института истории АН БССР фактически остался лишь один профессиональный археолог (К.М. Поликарпович).

С началом Великой Отечественной войны и оккупации территории республики Институт истории АН БССР прекратил свое существование. Часть сотрудников, включая К.М. Поликарповича, была эвакуирована (Институт..., 2009. С. 35).

Теме восстановления исследований в области археологии в Институте истории АН БССР в период 1944–1945 гг. и посвящено данное исследование. Основные источники, которые использовались при рассмотрении данной проблемы, находятся в Центральном научном архиве Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ).

К лету 1944 г. в результате успешных боевых действий советской армии вплотную стал вопрос об освобождении всей оккупированной части БССР. Поэтому уже в июне 1944 г., еще до начала проведения наступательной операции «Багратион», в АН БССР был проведен ряд организационных мероприятий. Их целью была активизация деятельности Академии наук с целью последующей реэвакуации. Следует заметить, что к лету 1944 г. в Москве при Отделении общественных наук АН БССР действовала историческая группа во главе с академиком Н.М. Никольским (ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41. Л. 15).

16 июня 1944 г. был воссоздан Институт истории АН БССР в его довоенной организационной структуре. Археологическими исследованиями занимался сектор археологии и первобытной культуры. С 1 июля 1944 г. его заведующим был назначен К.М. Поликарпович (ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48. Л. 1, 3).

О положении дел на лето 1944 г. свидетельствует докладная записка академика Н.М. Никольского в адрес руководства АН БССР, в которой аргументируется необходимость воссоздания и дальнейшего развития Института истории. В этом документе среди прочего указывалось и на актуальность активизации научно-исследовательских работ в области археологии. Подчеркивалось, что задача академической археологии заключается в выявлении, охране и изучении новых археологических памятников в условиях окончания боевых действий на территории БССР (ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41. Л. 13).

Остро стояла проблема восполнения кадрового состава. 3 июля 1944 г. в состав Института истории АН БССР по секции археологии и древней культуры были приняты на работу второй археолог – В.Р. Тарасенко. Также в условиях нахождения Института в г. Москве к работе данной секции привлекались и местные специалисты. Так, с 3 июля 1944 г. был принят на работу в ту же секцию профессор В.К. Никольский – крупный ученый в области истории первобытного общества (ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48. Л. 2, 3).

Во время войны Институт истории АН БССР находился в эвакуации в г. Москве и наложил свой отпечаток на планирование и выполнение научно-исследовательских работ по археологии. В ЦНА НАНБ сохранились планы работ археологов Института К.М. Поликарповича и В.Р. Тарасенко на второе полугодие 1944 г. (ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 20–22). К.М. Поликарпович проводил исследования по обобщающей теме «Археология Белоруссии», а также по теме «Библиография археологии Белоруссии». На основе уже накопленных материалов работал и В.Р. Тарасенко над темой «Культура эпохи раннего железа верхнего Днепра».

Важное значение в плане активизации работ по археологии в Институте истории АН БССР имел созыв Первого всесоюзного археологического совещания. Информативным источником о положении дел в области археологии в Институте является ответ дирекции на письмо о созыве указанного совещания. В нем указывается довоенный план исследований по археологии 1941 г., с увязкой с которым приводились и планируемые на будущее археологические раскопки в БССР. По вопросам сохранности и изучения фондовых коллекций указано, что фондов археологических коллекций как таковых в БССР нет ввиду их разграбления в период оккупации (ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 11).

С 25 по 28 февраля 1945 г. археологи Института истории АН БССР К.М. Поликарпович и В.Р. Тарасенко приняли участие в работе Первого всесоюзного археологического совещания в качестве делегатов. В день докладов участников мероприятия с сообщением на тему «Об археологических исследованиях за советский период в БССР» выступил К.М. Поликарпович. 26 февраля и 1 марта К.М. Поликарпович и В.Р. Тарасенко принимали участие и в работе пленума ИИМК АН СССР (ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 20–21).

На 1944 и 1945 гг. специалистами Института истории АН БССР строились серьезные планы по изучению прошлого республики. В первую очередь это касалось завершения работ по первому тому «Истории БССР». К работе по данному проекту были привлечены и специалисты в области палеогеографии (профессор М.Н. Смирнов), а также археологии (К.М. Поликарпович) (ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1, 18).

На 1945 г. К.М. Поликарпович планировал комплекс научно-исследовательских работ по ряду тем: «Палеолитическая стоянка в Елисеевичах», «Неолит среднего Сожа», «Материалы для историко-географического словаря Белоруссии. 1. Могилевская и Гомельская области» и «Библиография археологии Белоруссии» (ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 23). В.Р. Тарасенко на 1945 г. была запланирована тема «К истории верхнего Поднепровья Белоруссии в 1 тыс. н.э.» (ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 52. Л. 44).

В 1945 г. были проведены и первые после начала Великой Отечественной войны археологические исследования Института истории АН БССР. В августе-октябре 1945 г. К.М. Поликарпович продолжил свои исследования первобытных памятников восточной части республики в Поднепровье (Чубур, 2009. С. 85).

Достаточно амбициозные задачи были поставлены перед В.Р. Тарасенко, которому 31 августа 1945 г. было поручено провести раскопки на месте предполагаемого основания г. Минска с их окончанием в первой половине сентября 1945 г. (ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48. Л. 10). В его подчинение были переданы специалисты Е. Цегак-Голубович и В. Голубович, известные польские археологи, находящиеся на тот момент на территории СССР. Они были приняты на работу в Институт истории АН БССР с 23 августа 1945 г. (ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 55, 56). Раскопки, проведенные В.Р. Тарасенко в г. Минске, вызвали широкий научный и общественный интерес (ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 15, 16).

Таким образом, в период 1944–1945 гг. в Институте истории АН БССР произошло возобновление исследований в области археологии, что тесным образом было связано с восстановлением работы самого учреждения. Важную роль в процессе активизации исследований по археологии сыграло Первое всесоюзное археологическое совещание. Поздним летом и осенью 1945 г. учеными Института истории АН БССР были проведены первые после Великой Отечественной войны полевые археологические исследования на территории республики. Впереди еще стояли важные задачи по пополнению кадрового состава академических археологов и воссозданию археологических фондов.

ЛИТЕРАТУРА

Институт..., 2009. Институт истории Национальной академии наук Беларуси (1929–2009 гг.) / А.А.Коваленя (рук.). Минск: Белорусская наука. 628 с.

Чубур А.А., 2009. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. Минск: Белорусская наука. 216 с.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-338-1.74-75>

В.Ю. Юрочкин
(Симферополь)

«ОХОТНИК ЗА ЧЕРЕПАМИ»: ОБ ОДНОЙ АМЕРИКАНСКОЙ АВАНТЮРЕ НА ЭСКИ-КЕРМЕНЕ В 1933 ГОДУ

В истории исследований средневекового пещерного города Эски-Кермен (Крымская Готия) в довоенный период известны две международные экспедиции. Первая из них, так называемая «советско-германская» (1929 г.), в литературе освещена довольно хорошо. Сведения о второй, «советско-американской» экспедиции ГАИМК и Музея Пенсильванского университета (далее – Музей ПУ) – крайне лаконичны (Советско-американская..., 1933; The Russian project, 1933).

В качестве организатора с американской стороны упоминается Евгений Александрович Голомшток (Гольмшток) – выпускник Казанского университета, русский эмигрант (с 1918 г.), закончивший образование в Калифорнийском университете по специальности «этнология» и работавший затем в Музее ПУ. Специализация, а также знание русского языка, привели его к мысли стать посредником между американскими и советскими учеными. В 1931 г. он вступил в переписку с В.А. Городцовым, проявляя интерес к памятникам каменного века восточной России (*Кузьминых, Вдовин*, 2010. С. 48–51). Прибыв в Ленинград, Е.А. Голомшток наладил контакты с руководством ГАИМК, сотрудниками МАЭ и ИНС. На 1933 г. планировалось его участие в экспедиции ИНС на Чукотку, так как Музей ПУ, интересовали материалы по антропологии северных народов. Но экспедиция не состоялась.

В сложившейся ситуации, желая получить искомый материал, Е.А. Голомшток задумал многоступенчатую схему обменов между музеями СССР и США. Начальным звеном в ней было получение «готских черепов» посредством участия в ежегодной экспедиции ГАИМК на Эски-Кермен. ГАИМК согласилась на сотрудничество, учитывая финансовое обеспечение со стороны Музея ПУ и политические обстоятельства. Основная часть работ в 1933 г. на Эски-Кермене и Мангупе была сведена к добыче антропологического материала на условиях соглашения с Е.А. Голомштоком. В итоге «готские черепа» и часть раннесредневековых предметов были вывезены из страны. Цели, намеченные Е.А. Голомштоком, были в целом достигнуты, и дальнейшее сотрудничество с ГАИМК потеряло смысл. Прекратились и контакты с В.А. Городцовым, недовольным, что американский визави использовал его материалы для своих публикаций (*Кузьминых, Вдовин*, 2010. С. 52). «Охотник за черепами» Е.А. Голомшток оставил негативное впечатление у советских коллег, а впоследствии неоднократно упоминался в качестве «шпиона» и «готофила».

В свете вышесказанного, так называемая «советско-американская» экспедиция на Эски-Кермен 1933 г. предстает скорее курьезом, нежели показателем реального сотрудничества научных учреждений двух стран. В этой истории в известной степени столкнулись два противоположных взгляда на предмет научного исследования: традиционный академический – со стороны российско-советских ученых и поверхностно-авантюрный, продемонстрированный Е.А. Голомштоком. Тем не менее, этот поучительный эпизод остался в истории изучения городища и даже отразился в местных народных преданиях.

ЛИТЕРАТУРА

Кузьминых С.В., Вдовин А.С., 2010. В.А. Городцов и Е.А. Гольмшток: к истории советско-американских связей в области археологии в 1920–30-е годы // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.А. Городцова (Рязань, 20–22 апреля 2010 г.) / Отв. ред. Д.А. Иванов. Рязань: РИАМЗ. С. 48–55.

Советско-американская..., 1933. Советско-американская крымская экспедиция // Проблемы истории материальной культуры. № 9–10. С. 61.

The Russian project..., 1933. The Russian project // University of Pennsylvania. Philadelphia. The University Museum Bulletin. Vol. 4. № 5 (October). P. 142–143.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЯЛИ	– Архив Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
АН БССР	– Академия наук Белорусской ССР
АН СССР	– Академия наук СССР
АРАН	– Архив Российской академии наук
БГУ	– Белорусский государственный университет
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ГАВО	– Государственный архив Воронежской области
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГАОО	– Государственный архив Оренбургской области
ГАРК	– Государственный архив Республики Крым
ГАРО	– Государственный архив Ростовской области
ГАТО	– Государственный архив Тверской области
ГАТО	– Государственный архив Тамбовской области
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГКО	– Государственный комитет обороны
Главнаука	– Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями при Наркомпросе РСФСР
ГМТР	– Государственный музей Татарской республики
Губисполком	– Губернский исполнительный комитет Совета депутатов
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ИА АН УССР	– Институт археологии Академии наук Украинской ССР
ИА НАН	– Институт археологии Национальной академии наук
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИНС	– Институт народов Севера
ИРОМК	– Известия Ростовского областного музея краеведения
ИЯЛИ	– Институт языка, литературы и искусства
ИЯЛИ КФ АН СССР	– Институт языка, литературы и искусства Казанского филиала АН СССР
КамГЭС	– Камская гидроэлектростанция
КГУ	– Казанский государственный университет
КН МОН Республики Казахстан	– Комитет науки Министерства образования и науки
КНУ	– Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГПУ	– Липецкий государственный педагогический университет
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
ЛО Архива АН СССР	– Ленинградское отделение Архива АН СССР
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛОИИМК АН СССР	– Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОКМ	– Липецкий областной краеведческий музей
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Музейный отдел	– Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР
МИФЛИ	– Московский институт философии, литературы и истории
МОГАИМК	– Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры
МОИИМК	– Московское отделение Института истории материальной культуры
МОН РЮО	– Министерство образования Республики Южная Осетия
НАН	– Национальная академия наук Украины
НА ИА РАН	– Научный архив Института археологии РАН
НА КККМ	– Научный архив Красноярского краевого краеведческого музея
Наркомпрос РСФСР	– Народный комиссариат просвещения РСФСР
НАРБ	– Национальный архив Республики Беларусь
НВИК	– Нижне-Волжский институт краеведения при Саратовском государственном университете
НГОМЗ	– Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИЦ	– Научно-исследовательский центр
НКП РСФСР	– Народный комиссариат просвещения РСФСР
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
НФ МА РТ ИА АН РТ	– Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ОблОНО	– Областной отдел народного образования РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
ОГБУК	– Областное государственное учреждение культуры
ОГИАМ	– Одесский государственный историко-археологический музей
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление

ОГУ	– Одесский государственный университет
ООИД	– Одесское общество истории и древностей
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников ГИМ
ОУАК	– Оренбургская ученая архивная комиссия
ПКМ	– Пятигорский краеведческий музей
РАН	– Российская академия наук
РГУ	– Ростовский государственный университет
РЖВ	– Ранний железный век
РО НА ИИМК РАН	– Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СА	– Советская археология
СГУ	– Саратовский государственный университет
СНК БССР	– Совет народных комиссаров Белорусской ССР
СНК УССР	– Совет народных комиссаров Украинской ССР
СОМК	– Саратовский областной музей краеведения
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ТАКЭ	– Термезская археологическая комплексная экспедиция
ТАССР	– Татарская Автономная Советская Социалистическая республика
ТатЦИК	– Татарский Центральный исполнительный комитет
ТГУ	– Томский государственный университет
ТУАК	– Тамбовская ученая архивная комиссия
УдГУ	– Удмуртский государственный университет
УдНИИ при Правительстве УАССР	– Удмуртский научно-исследовательский институт при Правительстве Удмуртской АССР
ЦК КП(б)Б	– Центральный комитет Коммунистической партии большевиков Белоруссии
ЦГА	– Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦМ	– Центральный музей ТАССР (с 1944 г – Государственный музей)
ЦНА НАНБ	– Центральный научных архив Национальной академии наук Беларуси
ЦЧО	– Центрально-Чернозёмная область
ЧАССР	– Чувашская Автономная Советская Социалистическая Республика
ЮБК	– Южный берег Крыма
ЭОН	– Экспедиция особого назначения
ЮНЦ	– Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону
ESA	– Eurasia Septentrionalis Antiqua: journal for East European and North-Asiatic Archaeology and Ethnography published by Archaeological Society of Finland, Helsinki

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимченков Виктор Владимирович – к.и.н., член Российского общества интеллектуальной истории, г. Москва.

Акиньшин Александр Николаевич – к.и.н., председатель Воронежского историко-культурного общества, г. Воронеж.

Белозёрова Ирина Валентиновна – с.н.с. Отдела письменных источников, Государственный исторический музей, г. Москва.

Бессуднов Александр Николаевич – к.и.н., доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова–Тян-Шанского, г. Липецк.

Бойко Андрей Леонидович – к.и.н., доцент кафедры археологии и истории древнего мира, Южный федеральный университет, Институт истории международных отношений, г. Ростов-на-Дону.

Вайтович Александра Владимировна – к.и.н., доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин, г. Минск (Республика Беларусь).

Вдовин Александр Сергеевич – к.и.н., н.с., Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск.

Гайдуков Пётр Григорьевич – чл.-корр. РАН, д.и.н., зам. директора Института археологии РАН.

Галкин Тимур Олегович – к.и.н., Музей-заповедник «Зарайский кремль», г. Зарайск.

Ганенок Владимир Юрьевич – аспирант кафедры археологии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово.

Евгеньев Андрей Александрович – к.и.н., доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург.

Жукова Елена Николаевна – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории, Тверской государственный университет, г. Тверь.

Захарова Елена Юрьевна – д.и.н., профессор кафедры археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж.

Зоря Роман Станиславович – м.н.с. Отдела средневековой археологии, Институт археологии им.А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань.

Канторович Анатолий Робертович – д.и.н., зав. кафедрой археологии исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва.

Китова Людмила Юрьевна – д.и.н., профессор кафедры археологии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово.

Коробов Дмитрий Сергеевич – д.и.н., проф., зав. Отделом теории и методики, Институт археологии РАН, г. Москва.

Кудрявцев Андрей Алексеевич – к.и.н., н.с. Научно-отраслевого архива, Институт археологии РАН.

Кузьминых Сергей Владимирович – к.и.н., в.н.с. Лаборатории естественнонаучных исследований, Институт археологии РАН, г. Москва.

Кызласов Игорь Леонидович – д.и.н., в.н.с. Отдела средневековой археологии, Институт археологии РАН, г. Москва.

Левченко Валерий Валерьевич – к.и.н., доцент Одесского национального морского университета, г. Одесса (Украина).

Макаров Николай Поликарпович – к.и.н., зав. Отделом археологии и этнографии, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск.

Малов Николай Михайлович – к.и.н., доцент кафедры истории и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, г. Саратов.

Медведева Мария Владимировна – к.и.н., с.н.с., зав. Научным архивом, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург.

Мельникова Ольга Михайловна – д.и.н., зав. кафедрой истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск.

Мирзаев Джалалитдин Зайниевич – к.и.н., доцент кафедры мировой истории, Термезский государственный университет, г. Термез (Республика Узбекистан).

Непомнящий Андрей Анатольевич – д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.

Палиенко Сергей Владимирович – к.и.н., независимый исследователь.

Панкратова Евгения Григорьевна – к.и.н., зав. Отделом комплектования, обработки фондов и ведомственных архивов, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, г. Санкт-Петербург.

Платонова Надежда Игоревна – д.и.н., в.н.с. Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры, г. Санкт-Петербург.

Руденко Константин Александрович – д.и.н., профессор кафедры истории, музееведения и искусствоведения, Казанский государственный университет культуры и искусств, г. Казань.

Савенко Сергей Николаевич – к.и.н., заслуженный работник культуры РФ, зав. сектором природы и археологии, Пятигорский краеведческий музей, г. Пятигорск.

Серых Данила Витальевич – к.и.н., независимый исследователь, г. Санкт-Петербург.

Сорокина Ирина Анатольевна – к.и.н., с.н.с. Отдела теории и методики, Институт археологии РАН, г. Москва.

Тихонов Игорь Львович – д.и.н., профессор кафедры археологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.

Ткачёв Алексей Николаевич – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Толочко Ирина Викторовна – к.и.н., с.н.с. Лаборатории археологических исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону.

Тункина Ирина Владимировна – чл.-корр. РАН, д.и.н., директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, г. Санкт-Петербург.

Щавелёв Сергей Павлович – д.и.н., д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск.

Юрецкий Станислав Степанович – к.и.н., зам. директора по научной работе Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск (Республика Беларусь).

Юрочкин Владислав Юрьевич – к.и.н., с.н.с. Института археологии Крыма РАН; зам. директора Крымского региональ

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ
ДО И ПОСЛЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-х – КОНЕЦ 1940-х ГОДОВ)**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Техническое редактирование и верстка: *С.В. Кожушков*

Подписано в печать 14.02.2021. Формат 60 x 90 ¹/₈
Уч-изд. л. 7,1. Тираж 150 экз.

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-338-1

На обложке использован плакат художника Л. Голованова, 1952 г.